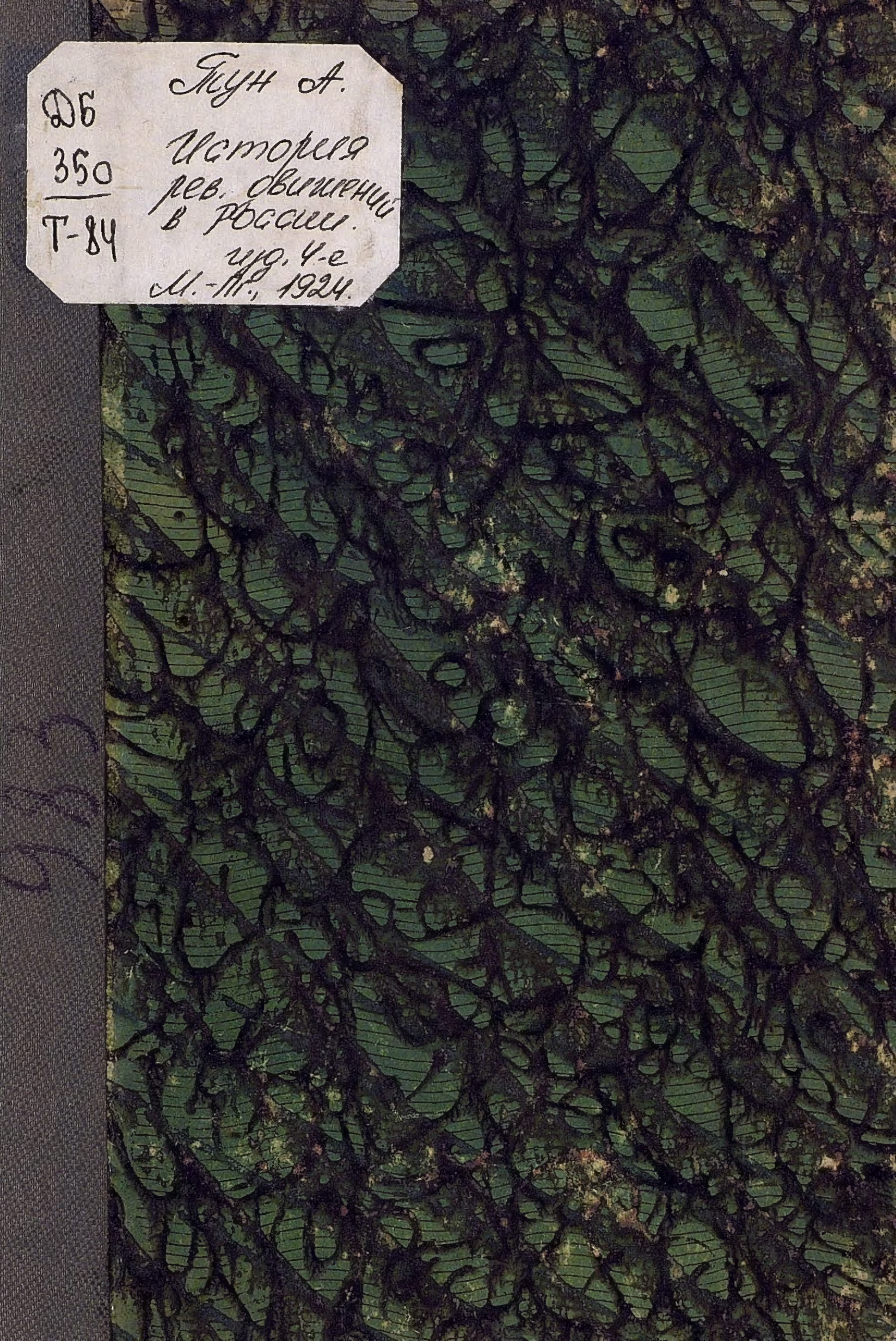
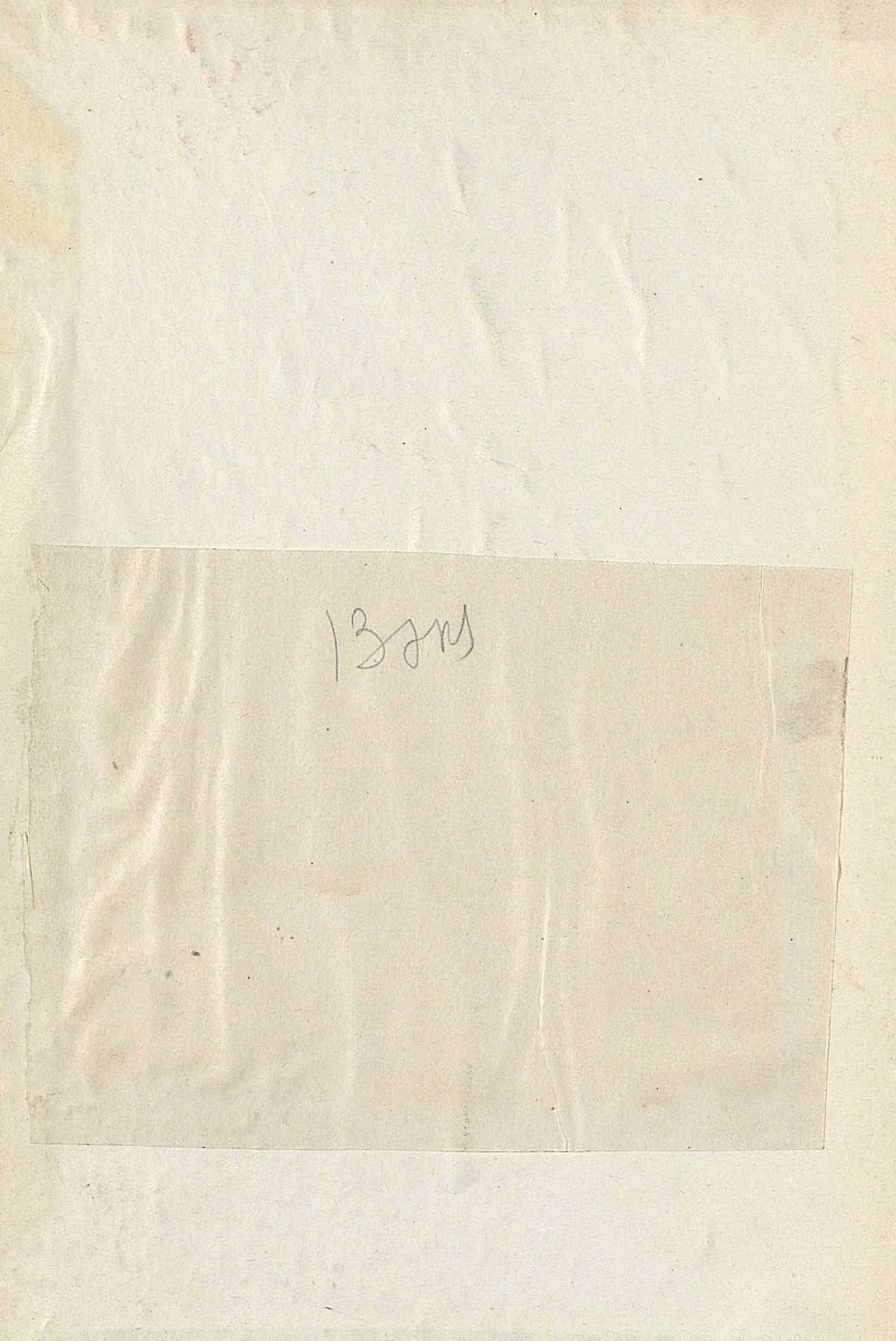

А. ТУН

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

перевод ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ, Д. КОЛЬЦОВА и др.
с воспоминаниями об А. Туне Л. ДЕЙЧА, предисловием Г. ПЛЕХАНОВА,
статьей «О социальной демократии в России» Г. ПЛЕХАНОВА
и примечаниями П. ЛАВРОВА

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1924 . . . ПЕТРОГРАД

Гиз № 5820. Петрооблит № 42. Отпеч. 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Среди событий последнего времени, все более и более приковывающих к себе внимание немецкой публики чудовищностью употребленных средств и полною таинственностью своих явлений, одно из первых мест занимает революционное движение в России. Хотя это последнее, в течение периода с 1879 года до 1881, повело к формальной войне между правительством и загадочным Исполнительным Комитетом, но этот для России в высшей степени важный ряд событий не находит до сих пор удовлетворительного изображения. Не считая множества поверхностных брошюр, которые обыкновенно носят характер скорее назидательных размышлений, нежели исторических работ, во всей остальной известной мне литературе, за исключением самих русских, лишь «Введение в историю нигилизма» Эрнеста Лавинь (E. Lavigne. Einleitung in die Geschichte des Nihilismus) и появившиеся анонимно «Russische Wandlungen» содержат кое-какой полезный, хотя и не обработанный материал по истории русского революционного движения за последние 10 лет. Что касается русских, то Подолинский, князь Крапоткин и пишущий под псевдонимом Степняка дали на французском, английском и итальянском языках краткие очерки развития революции, а Лавров и Аксельрод сделали на немецком языке сообщения о наиболее важных событиях 1878 и 1879 гг. Однакож, ни одна из указанных работ не отвечает в достаточной мере потребности немецкой публики ознакомиться с вопросом во всех подробностях. Впрочем, нельзя винить в этом названных авторов. Покрывало, скрывающее многие события, пока еще не

*

снято. Революционеры остерегаются публиковать точные сведения о живых личностях и новых предприятиях, так как это могло бы повредить арестованным революционерам. Что касается правительства, то оно хранит результаты дознаний в архиве государственной полиции, где они, конечно, долго будут еще оставаться неприкосновенными.

Почему в настоящее время я берусь за историю движения, которая не может быть удовлетворительно написана? Этот вопрос читателя настолько законен, что я должен дать на него ответ.

Прежде всего необходимо заметить, что на эту работу я натолкнулся, так сказать, случайно. Весною прошлого года я получил от одного знакомого целый тюк газет и брошюр, до того времени для меня совершенно недоступных: тюк русских «подпольных» изданий. Сначала я просто просмотрел их, потом прочел, и нашел, что они совершенно неизвестны немецкой публике, а между тем вполне заслуживают ее внимания. В конце лета я отправился в Женеву и встретил там в богатой библиотеке книгопродавца М. Эльпидина такое дружеское содействие и столь обширный материал, что (как это можно видеть из приложенной в конце книги библиографии) едва ли от меня ускользнуло хоть одно из более или менее важных произведений революционной прессы, касающееся семидесятых годов; по крайней мере, мне не пришлось добавлять к ней ни одного сочинения, когда я, по окончании набора настоящей книги, получил «Календарь Народной Воли», содержащий перечень вышедших изданий. Однако, располагая даже таким полным материалом, я был бы не в состоянии нарисовать живую картину русского движения, если бы мне не помог в этом деле один русский, который был хорошо знаком с ним и объяснил мне внутреннюю связь событий, сообщив в то же время много фактов, не попадавших ранее в печать.

Мог ли я оставить необработанным собранный в таком количестве материал? Надеюсь, читатель оправдает мою решимость приступить к изложению. Но когда я осуществил мое намерение и написал историю семидесятых годов, во мне возникло сомнение. Не мог же я выпустить в свет сочинение, начинающее рассказ с семидесятых годов, без исторического введения, которое указывало бы развитие революционной мысли в предыдущие 10 лет и характеризовало бы социальный порядок, вызвавший револю-

ционное движение. Далее, для семидесятых годов я должен был бы обрисовать внутреннюю политику правительства и настроение общества, как причину движения. Но в этом отношении задача оказалась невыполненной, так как мне пришлось ограничиться лишь беглыми очерками, которые были у меня под рукой, и в этом состоит существеннейший недостаток настоящей книги, который я был не в силах устранить до сих пор. Основательное изучение истории правления России требовало бы продолжительного пребывания в Петербурге, невозможного для меня в настоящее время. Психологическое же и этическое изображение революционеров и всего русского общества предполагает знание народного духа, которого я не мог приобрести. В виду этого читатели, близко знакомые с судьбой России в 60-х годах, могут пропустить обе первые главы. Они однако будут полезны в качестве краткого введения для значительного большинства, стоящего далеко от русских дел. С третьей главы мои собственные исследования составляют основу изложения, посвященного исключительно истории русской революции, но совсем не истории социального и политического развития в России вообще. Ограничив таким образом свою задачу, я надеялся представить немецкому читателю факты и идеи, которые в предлагаемых подробностях и освещении совершенно не могут быть ему известны. Русские читатели, заинтересовавшиеся настоящим трудом, много бы меня обязали, прислав мне исправления и пополнения (в особенности касательно периода от 1855 г. до 1863 г. и истории либерализма), в которых мое изложение несомненно нуждается.

Профессор *А. ТУН.*

БАЗЕЛЬ. Университет. Троица. 1883 г.

Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном.

Летом 1882 г., вернувшись из экскурсии по Швейцарии в Женеву, я узнал от моего хорошего знакомого, эмигранта Н. Л—на, что незадолго перед тем туда же приехал немецкий профессор А. Тун, задавшийся целью написать книгу о русском революционном движении.

По словам этого эмигранта, Тун очень хорошо ознакомился с нашей подпольной литературой и в Женеву он приезжал для того, чтобы достать те источники, которых ему невозможно было раздобыть раньше, а также чтобы лично познакомиться с участниками нашего движения, находившимися в эмиграции. Но, вследствие каникулярного времени, почти все сколько-нибудь видные эмигранты разъехались, и Туну поэтому пришлось ограничиться лишь знакомством с старым эмигрантом Эльпидиным (по Казанскому делу 1861 г.) и профессором-украйнофилом Драгомановым.

К этому сообщению Н. Л—на я отнесся довольно скептически по следующим двум причинам: прежде всего Н. Л—н отличался свойством неточно передавать действительные факты и происшествия, почему в нашей среде и была присвоена ему кличка «беллетриста», с каковой он делал вид, что мирится. Затем в описываемое время, которое, как знает читатель, было вскоре после убийства Александра II, целая масса иностранцев набросилась на революционное движение в России, как на выгодный материал для эксплоатации интереса европейской публики к совершавшимся в России террористическим актам. Но если не все, то огромное

большинство произведений этих писателей представляли собой сплошной вымысел, и нам, русским, с трудом можно было узнавать в этих сообщениях и рассказах что-нибудь, напоминавшее нашу родину.

В виду этих причин я предлагал, что произведения и немецкого профессора, если действительно он таковые задумал, по всей вероятности, мало чем будут отличаться от других аналогичных, и вскоре совершенно забыл о сделанном мне сообщении Н. Л—на.

Но случилось так, что спустя несколько месяцев после вышеприведенного разговора с Н. Л—м мне самому пришлось поехать в город Базель, где Тун состоял профессором. По разным личным соображениям, о которых здесь распространяться не буду, я решил поселиться в Базеле на более или менее продолжительное время. Там же надумал я поступить в местный университет в качестве вольнослушателя философского факультета.

Перед отъездом из Женевы я получил рекомендацию к Базельскому социал-демократу, бывшему студенту местного университета, Карлу Моору. В первый же вечер моего приезда в Базель я отправился к нему, и после непродолжительного общего разговора он сообщил мне, что в местном университете читает интересные лекции о русском революционном движении проф. Тун. Как и Н. Л—н, Карл Моор также расхваливал проф. Туна, заявляя, что он вполне ознакомился с предметом и вообще интересный человек, с которым следует мне непременно познакомиться. Но я продолжал еще относиться скептически к этому иностранному ученому, выбравшему наше движение темой своих лекций: я предполагал, что он эксплоатирует лишь популярную тему. Когда я высказал это соображение моему новому товарищу, он энергично стал защищать проф. Туна, говоря, что он решительно не похож на газетных писателей, трактующих о России без всяких о ней знаний.

Моор утверждал, что Тун серьезный ученый, в чем я легко могу убедиться, прочитав его прежние сочинения, что он свободно владеет русским языком и что он перечитал решительно всю доступную литературу о нашем движении; он настаивал поэтому на том, чтобы я лично познакомился с ним. Так как я уже ранее

решил слушать, между прочим, лекции по политической экономии и статистике, каковые читал Тун, и так как в местном университете существовал еще старинный обычай посещать на дому того профессора, лекции которого собирался слушать студент, то я и решил отправиться прежде всего к проф. Туну. Карл Моор вызвался предупредить Туна о моем посещении и узнать от него, в какое время ему будет удобнее меня принять.

Я был тогда нелегальным и, даже живя за границей, в виду опасения, подобно Нечаеву, быть выданным русскому правительству, проживал по фальшивому паспорту. Отправляясь в Базель, я запасся документом на имя Николая Криднера, потомственного почетного гражданина какой-то из остзейских губерний. Но Моор знал и мою настоящую фамилию. Соглашаясь, чтобы он предупредил Туна о моем посещении, я настоятельным образом просил его не открывать Туну, да и вообще никому в Базеле, кто я в действительности, а рекомендовать меня как обыкновенного русского студента, учащегося за границей. Моор дал мне слово, что будет хранить мой секрет.

Спустя два-три дня я отправился к проф. Туну в назначенное им время. Он принял меня довольно любезно, расспрашивал, где я раньше учился, поинтересовался узнать, не нахожусь ли я в каком-нибудь родстве с знаменитой Криднер, другом императора Александра I, и давал мне советы и указания, какие курсы стоит посещать в местном университете.

Выше среднего роста, стройный блондин, Тун имел правильные, симпатичные черты лица и в обращении был прост и приветлив. В первое же мое посещение он поинтересовался узнать мое материальное положение, и когда я сообщил ему, что далеко не обеспечен, то заявил мне, что будет иметь меня в виду и постарается приискать мне какой-нибудь заработок. Как вскоре потом я узнал, Тун был чрезвычайно отзывчив и охотно помогал нуждавшимся студентам не только советами и указаниями относительно их занятий, но также входил в их материальное положение, рекомендовал их в качестве репетиторов и переписчиков, указывал сочинения для переводов, компиляций и проч. Уже одним этим Тун очень выгодно выделялся из среды местных профессоров.

При первом же моем посещении он сообщил мне, что, будучи уроженцем гор. Аахена в Германии, он, однако, кончил наш дерпт-

ский университет; затем в течение некоторого времени проживал в одной из внутренних наших губерний в качестве управляющего крупным имением. Среди его родственников из остзейских немцев некоторые занимали довольно высокие посты в высшей нашей администрации, в числе их был, например, Туркестанский генерал-губернатор Кауфман. Благодаря протекции последнего, Тун был одно время даже прикомандирован в качестве чиновника к нашему министерству иностранных дел. Но служба эта ему совершенно не понравилась, так как, по его словам, она сводилась лишь к отвешиванию поклонов различных степеней, сообразно значению и важности появлявшихся в министерстве лиц, — он без смеха не мог и в дальнейших разговорах вспоминать о столь странной службе. Тогда же он познакомился с некоторыми нашими либеральными профессорами, повидимому имевшими на него влияние в смысле возбуждения в нем интереса к экономическому строю в России. Изучив достаточно хорошо наш язык, бросив службу, он, кажется, отправился в Москву, где занялся ознакомлением с нашей кустарной промышленностью, а также и артелями. Результатом этих занятий была написанная им впоследствии брошюра, появившаяся на немецком языке. Затем он отправился в Германию, чтобы целиком отдаться науке. Диссертация «Die Industri am Niederrein» («Промышленность в нижнем Рейне») обратила на себя внимание специалистов и до сих пор считается довольно крупным вкладом в экономическую науку. После этого он сделался приват-доцентом Берлинского университета, а год спустя, в 1881 году, будучи 26-27 лет, он уже был приглашен в качестве ординарного профессора в Базельский университет; повидимому, Тун обладал крупными способностями; он свободно владел несколькими языками, легко и быстро работал, и каждое дело, за которое он брался, как говорится, спорилось в его руках.

При первом же моем посещении я узнал от проф. Туна, каким образом он напал на мысль писать книгу о нашем революционном движении.

«Проходя однажды мимо книжного магазина, — сказал он, — я увидел выставленные в витрине какие-то женевские издания—

Тун их мне тогда перечислил, но теперь я их не помню.—Заинтересовавшись заглавиями, я купил их, а когда прочитал, то решил перечитать все, что можно было достать в Базеле о русском революционном движении. Это было в прошлом году, тотчас после моего приезда в Базель, и спустя несколько месяцев после убийства царя. Вступая в беседу с коллегами-профессорами, я убедился, что не только у широкой иностранной публики, но даже у наших ученых нет ни малейшего представления как вообще о России, так в особенности о происходящем в ней революционном движении. Тогда я вздумал прочитать в местном университете публичные лекции о России. Судя по огромному числу собиравшихся в аудитории слушателей и по оказанному лекциям приему, я видел, что тема эта интересует публику. Поэтому я повторил их еще для более широкого круга слушателей. В самой обширной аудитории, имеющейся в нашем университете, не только все сплошь было переполнено в самой аудитории, так что некуда было, как говорится, яблоку упасть, но даже толпилось много народа снаружи у окон и в коридоре. Эти же лекции убедили меня в том, что мои сведения, почерпнутые из книг и брошюр о России, недостаточны, поэтому я решил в ближайшие каникулы отправиться в Женеву,—центр русской эмиграции,—чтобы пополнить мои литературные материалы и лично познакомиться с вашими революционными деятелями. Но, к сожалению, я застал там лишь троих» — Тун перечислил вышеназванных мною лиц.

Таким образом, оказывалось, что, по крайней мере, на этот раз в сообщении Н. Л—на о Туне не было «беллетристики».

Прощаясь со мною, проф. Тун поинтересовался моим адресом, но вместе с тем не предложил мне заходить к нему. А так как он и ко мне не являлся, то я встречался с ним лишь на его лекциях, а иногда по окончании их вместе с ним выходил из университета.

Как профессор политической экономии, он примыкал к немецким катедер-социалистам, и лекции его, живо и просто излагаемые, конечно, не отличались большим интересом. Значительно более содержательным был его курс статистики, который он читал для широкой публики.

Спустя некоторое время, встретившись со мной после лекции, он сообщил, что его товарищ, профессор сравнительного права Тайхман, желает брать у меня уроки русского языка. Я отпра-

вился к последнему и действительно получил урок на очень выгодных условиях. Тайхман оказался типичным немецким ученым-филистером, знавшим чуть ли не все европейские языки, за исключением славянских и турецкого, которые, однако, надеялся еще изучить. Помня мельчайшие детали уголовного права разных стран, он в политических вопросах являлся крайним реакционером, поклонником Бисмарка. Одинокий, не особенно общительный, Тайхман, за исключением лекций, остальное время проводил в своем кабинете, снизу до верху установленном полками с книгами. В ученом мире он имел довольно крупное имя.

Так проходили первые недели и месяцы моего пребывания в Базеле. Но однажды в праздничный день, незадолго до рождества, я случайно встретился с проф. Туном в местном музее. Обменявшись обычными фразами, я собирался уходить, когда он предложил мне прогуляться вместе по набережной Рейна. На мой вопрос о том, как идет его сочинение о России, он ответил, что оно приближается к концу, и у нас завязался с ним разговор по этому поводу. Между прочим, помню, он выразил не то удивление, не то иронически отнесся к тому, что П. Лавров до выхода «Вперед» несколько раз менял свою политическую программу, не будучи все в состоянии попасть на надлежащую. Незаметно, увлекаемый замечаниями Туна, я стал высказываться по поводу тех или иных эпизодов и обстоятельств из нашего революционного прошлого. До этой встречи Тун, быть может, видел во мне лишь легального русского студента, едва ли очень посвященного в революционное движение, а следовательно, и не особенно осведомленного в нем. Но, заметив во время этого разговора, что я не чужд истории нашего движения, он предложил мне просмотреть написанную им рукопись и на полях ее отметить те места, которые покажутся мне неправильными. Я охотно согласился на это предложение, так как избранная им тема меня очень самого интересовала, к тому же мне казалось небесполезным, чтобы появилось сочинение немецкого профессора о русском революционном движении, свободное от грубых ошибок и промахов. Но, когда, пришедши с ним на его квартиру, я увидел его обширную рукопись, написанную мелким неразборчивым почерком, я нашел, что чтение ее должно отнять у меня чрезвычайно много времени, а потому предложил ему, чтобы он сам прочитал ее мне вслух. Он с удовольствием принял

это предложение и мы с ним условились, когда приступим к нашим занятиям. Так как в течение недели мы оба были заняты своими университетскими курсами, то мы решили посвящать его работе субботние и воскресные дни.

Я являлся к нему в сумерках, и мы тотчас же приступали к нашему занятию в его небольшой, но уютной квартире, состоявшей из двух комнат; мы усаживались в той, которая служила одновременно его гостиной, столовой и рабочим кабинетом. Он принимался за чтение рукописи, я же должен был делать заметки на бумаге о тех местах, которые требовали изменений, дополнений и проч. Часов в 7-8 служанка приносила разнообразную закуску, а главное — наш русский самовар, который за границей является столь приятным для нас сюрпризом. Слушая его чтение, я исполнял обязанности хозяйки дома: разливал чай по чашкам и вино в рюмки, а также накладывал закуски на тарелки. Так продолжались наши занятия до позднего часа ночи. Когда же Тун на определенном месте заканчивал чтение, мы обсуждали те пункты, которые я находил неверными или сомнительными. В большинстве случаев, мы скоро приходили с ним к соглашениям, но иногда возникали у нас горячие споры. В подтверждение верности своего мнения, каждый ссылался на известные ему источники по поводу данного спорного вопроса, и, если необходимые сочинения находились в его библиотеке, мы немедленно перечитывали соответствующие места.

Когда же его не оказывалось, мы откладывали окончательное решение нашего вопроса до получения необходимого источника. Наиболее ожесточенный спор у нас, помню, произошел по следующему поводу.

Характеризуя террористическое направление, Тун в своем сочинении заявлял, что чувство культурного цивилизованного европейца не может не возмущаться теми жестокими отталкивающими приемами насилия и убийства, к которым прибегает русский революционер.

Когда он закончил чтение главы, заключавшей вышеприведенный отзыв его, я не сделал никаких замечаний, потому что фактических неправильностей в этом месте не было. Видя, что я молчу, Тун спросил меня, как объяснить это. Я ответил, что хотя мог бы многое сказать по поводу данного места, но считаю

себя не вправе сделать это, так как, согласившись прослушать чтение его рукописи, имел в виду лишь фактическую сторону, что же касается его суждений, то это его личное право высказывать те или иные взгляды, хотя и не согласные с моими.

Когда появится ваше сочинение в печати, сказал я, — я или кто-нибудь из моих товарищей сумеем, вероятно, доказать читателям, насколько неправильны ваши суждения. — Но Тун энергично стал уговаривать меня, чтобы я теперь же изложил свое мнение, так как вовсе не считает высказанные им взгляды безапелляционно верными и заранее выражает готовность изменить их, если я докажу их неосновательность. Я согласился с этим заявлением и в течение нескольких часов горячо доказывал ему, что беспристрастный человек, основательно ознакомившийся с нашим революционным движением и, следовательно, убедившийся в том, что только само русское правительство вынудило нас прибегать к насильственным актам, против чего наши чувства сами долго возмущались, — не в праве бросить нам за то упрек. Я привел ему обширный мартиролог жертв мирной борьбы за политическую свободу в России, напомнил ему о многочисленных казнях и о лицах, осужденных на каторгу, и проч.

В начале моего опровержения проф. Тун делал мне кое-какие возражения, но постепенно он, видимо, начал сдаваться и в заключение нашей беседы заметил:

— Я подумаю и перечитаю указанные вами источники, быть может, изменю это место.

В одном из следующих наших заседаний он, по прочтении дальнейшей главы, предложил мне вновь прослушать то место из предшествовавшей, которое вызвало только-что описанный мною горячий спор. На этот раз оказалось, что Тун совершенно изменил свое резкое суждение о террористах и высказывался уже в таком роде, что если даже верна лишь часть фактов о жестоких преследованиях их, то мы не можем не понять, что само правительство вынудило социалистов выступить на путь насилий, и мы не должны за это бросать им упрека. Приблизительно в этих выражениях он и высказывается в своей книге.

По воскресным дням мы после обеда отправлялись с ним пешком куда-нибудь далеко за город, ведя оживленные беседы как по поводу его сочинения, так и относительно разных других вопросов. Помню, однажды был такой случай. Мы отправились с проф. Туном в деревню, находившуюся уже в Баденском герцогстве. Там мы зашли в ресторан. Обыкновенно в нашем с ним разговоре мы перемешивали русский язык с немецким. Так было и в описываемый день. Когда, усевшись за столиком, мы вели оживленную беседу на двух языках, к нам подошел какой-то господин, сидевший в ресторане, и, обратившись к Туну, спросил: «вы русский?» Тун заметно смутился и по-немецки ответил отрицательно. Незнакомый господин продолжал настаивать, что ему послышались русские фразы. Тогда я заявил, что это я их произнес, спросив его, кто он. Оказалось, что то был студент-серб Базельского университета.

Возвращаясь затем обратно, я спросил Туна, почему его смутило обращение к нему этого студента.

— Не за себя я смутился, а за вас: кто вас знает, легальный вы или нет, а мы ведь в Германии, где с русскими не поцеремонятся. А в этом незнакомце я заподозрел полицейского агента.

Благодаря совместным занятиям и упомянутым прогулкам, мы сблизились, и между нами установились простые отношения: как он ко мне, так и я к нему заходили очень часто. Одно только обстоятельство вносило диссонанс в наши отношения: хотя ко мне, как к Криднеру, — легальному или нелегальному, это было для него, очевидно, безразлично, — он относился хорошо, но вместе с тем я имел несколько случаев убедиться, что к *Дейчу*, совершившему насилие над известным лицом, он не чувствовал расположения. По его убеждению, таких лиц европейские правительства должны были бы выдавать друг другу, как обыкновенных уголовных преступников. В этом отношении особенно характерным для меня являлся следующий случай.

Однажды, пришедши ко мне перед вечером, проф. Тун сообщил, что на следующий день он прочитает в местном обществе свободомыслящих реферат на тему из русского революционного движения. Затем он предложил мне прослушать составленный им конспект. Оказалось, что он намеревался рассказать о процессе

1-го марта и о чигиринском деле. Вполне одобрив его конспект, я обещал притти на этот реферат.

Партер и галлерея обширного городского здания были битком набиты самой разнообразной публикой. Туну вполне удалось возбудить внимание слушателей, с напряженным интересом следивших за плавным и живым его рассказом. Реферат свой он закончил блестящей политической параллелью между свободной маленькой Швейцарией, изрезанной высокими со снежными вершинами горами, и той отдаленной и обширной равниной, называющейся Русскою империею, значительную часть года также покрытою снегом, население которой лишено малейших признаков свободы.

В общем мне чрезвычайно понравился этот реферат. Одно только место сильно резнуло меня. Рассказав о чигиринском деле и сообщив, что три главные его участника — Стефанович, Бохановский и Дейч — бежали из Киевской тюрьмы, проф. Тун заметил: «и эти преступники до сих пор, к сожалению (leider), не арестованы, — они скрываются заграницей».

Нагнав меня у выхода, проф. Тун спросил, как нашел я его реферат. Я откровенно изложил ему свое мнение, заметив, что меня крайне удивило выраженное им сожаление по поводу того, что вышеназванные лица находятся на свободе:

— Что же, вы хотели бы, чтобы их арестовали? — спросил я.

— Но я ведь не революционер, а, как у вас говорят, «умеренный либерал»; по моему убеждению, лица, совершившие подобные преступления, как Стефанович и Дейч, должны быть подвергнуты суду.

Немного поспорив с ним, идя рядом по улице, я вскоре попрощался, подумав, помню, про себя: «значит, знай ты мою настоящую фамилию, ты пожелал бы, чтобы и меня арестовали».

После этого случая мы реже стали встречаться. К тому же наши совместные занятия тогда уже закончились, а вскоре окончился также зимний семестр, и я уехал из Базеля в Женеву.

Впоследствии профессор Тун прислал мне с авторским посвящением вышедшее в Германии сочинение его о русском революционном движении, в предисловии к которому упомянул обо мне, как об одном русском, помогавшем ему в этом труде. Затем мы обменялись с ним, по поводу замеченных мною в книге некоторых сохранившихся в ней неправильных его суждений, двумя-тремя

письмами, а с лета 1883 года я потерял его из виду: как потом оказалось, он получил кафедру во Фрейбургском университете. Но в марте месяце 1884 года я совершенно неожиданно вновь встретился с ним при крайне печальных для меня обстоятельствах: то было во Фрейбургской тюрьме.

Подробный рассказ об этом читатель найдет в моей книге «Шестнадцать лет в Сибири»; здесь передам его лишь в немногих словах.

Выше я уже упоминал о том, что проф. Тун, во время нашего знакомства в Базеле, относился не совсем благосклонно к «Дейчу», и я даже допускал поэтому мысль, что он ничего не имел бы против моего ареста.

После этого легко представить себе мой испуг, когда, находясь в тюрьме под вымышленной фамилией Булыгина и имея надежду, не будучи узнанным, быть освобожденным из нее, я вдруг узнал от проф. Туна, что ему известна моя настоящая фамилия.

Но испуг мой тотчас же сменился чрезвычайным изумлением, так как оказалось, что проф. Тун не только не намерен был повредить мне, но, наоборот, проявив самое горячее ко мне участие, всячески старался помочь мне скорей выбраться из тюрьмы, не останавливаясь для этого даже пред опасностью скомпрометировать себя в глазах властей.

Затем, в течение моего пребывания во Фрейбургской тюрьме, длившегося около двух с половиной месяцев, он принимал самое активное участие в планах моего побега из нее.

Такая, повидимому, непоследовательность между взглядами и поступками немецкого профессора объясняется, мне кажется, не только личным его отношением ко мне, но, быть может, еще в большей степени тем, что, познакомившись с условиями русской действительности и революционного нашего движения, он убедился в несправедливости своих лойяльных либеральных взглядов, особенно когда ему пришлось выбирать между ними и конкретным фактом.

Только этим соображением можно, мне кажется, объяснить двойственность его поведения. Красной нитью проходит она и в его сочинении о русском революционном движении, чем резко отличается оно от сочинения другого иностранца— американца

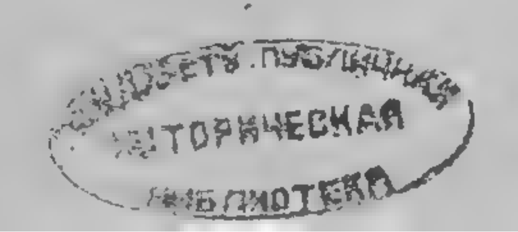
Джорджа Кеннана. Как совершенно верно указал мой друг Г. Плеханов в печатающемся здесь же предисловии, «Тун был очень далек от безусловного сочувствия к русским революционерам, которым проникнута знаменитая книга американца Кеннана».

Это отличие отношения Туна к русским революционерам от отношения к ним Кеннана, кроме субъективных свойств первого автора, объясняется еще тем, что в то время, как последний познакомился с жертвами преследования русского правительства благодаря непосредственным столкновениям с ними в местах их кары — в Сибири, — проф. Тун изучал факты и людей, которых он описывал, лишь по сухим печатным источникам: ведь из активных деятелей он, втечение всего своего знакомства с революционным движением, знал, да и то при совсем иной, чем Кеннан, обстановке, только двоих, как я уже упоминал, «беллетриста» Н. Л. — а и меня; Эльпидин и Драгоманов, как старые эмигранты совсем иной эпохи и направления, не могут идти в счет. Не следует также забывать, что в то время, когда Тун писал свою книгу, размер источников о нашем движении, — разного рода статьи, биографии и воспоминания, —был неизмеримо ограниченнее, чем каков он в настоящее время.

Приняв во внимание все эти обстоятельства, можно, наоборот, только удивляться объективному отношению нашего историка к избранному им сюжету, и уже одним этим объективизмом он выгодно отличается от всех других иностранных, — да иностранных-ли только? — профессоров и ученых.

Здесь мною вспоминается показанное мне однажды проф. Туном письмо к нему известного ученого Шмоллера, в котором этот столп катедер-социалистов выражал удивление по поводу того, что Тун выбрал такую тему, как русское революционное движение, и серьезным тоном трактует о затеях и беспорядках, устраиваемых какими-то там юношами и девицами.

Вероятно, аналогично было отношение к сочинению Туна во всем Европейском «ученом мире». Не этим ли объясняется тот факт, что, несмотря на полный свой объективизм, книга нашего автора не имела на Западе никакого успеха и прошла совсем почти незамеченной: появившись в 1883 г., если не ошибаюсь, в количестве всего 1.000 экземпляров, она, кажется, не была более пере-

издана, а также не была переведена ни на какой другой из западноевропейских языков.

Совсем иной прием оказала ей наша революционная среда: в течение долгих лет господствовавшей у нас тяжелой реакции она циркулировала в литографированном виде на русском языке, хотя и в неудовлетворительном переводе, и была почти единственной книгой, которая напоминала новому поколению о погибших старых борцах, об их взглядах и стремлениях. Как мне самому приходилось слышать от некоторых молодых товарищей, на сочинении Туна воспиталось у нас не мало борцов: знакомя с прошлым нашего движения, она будила в представителях новых поколений лучшие чувства и вызывала в них готовность также отдать все свои силы и способности на дело освобождения эксплоатируемых масс.

Только в 1901 году возникшая «заграничная лига русской революционной социал-демократии» решила издать книгу Туна с предисловием Г. Плеханова и дополнением Д. Кольцова, а также приложением Я. Стефановича. Несмотря на 20 с чем-то лет, истекшие со времени появления этой книги, до сих пор почти никем не были указаны в ней крупные промахи или значительные фактические неверности, каковые однако в достаточном количестве нередко встречаются в произведениях других, в том числе даже русских авторов. Одно лишь существенное указание сделал в своем предисловии к этой книге тов. Г. Плеханов, а именно по поводу изложения проф. Туном взглядов лавристов на нашу общину, в связи с их отношением к марксизму; тов. Плеханов совершенно правильно объяснил указанное противоречие недостаточно критическим отношением историка нашего движения к имевшимся у него в руках источникам. Верно также и замечание Г. Плеханова, что я «не мог ведь написать за него (за Туна) предпринятую им историю», и что я сам переживал тогда (зимой 1882—83 г.) переходный момент революционного своего развития». Но как в свое оправдание, так отчасти и профессора Туна, могу еще сказать, что в указываемую эпоху не только у нас, тогда молодых социал-демократов, но и у великих учителей наших, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, было довольно условное отношение к вопросу о русской общине. Напомню об их предисловии к первому заграничному изданию на русском языке

Манифеста Коммунистической Партии, вышедшем в переводе Г. Плеханова летом 1882 года в Женеве, а также об известном, вызвавшем столько ложных толков среди наших народников, письме К. Маркса к редактору «Отечественных Записок».

Кроме указанного выше издания, сочинение Туна появилось также и в издании социалистов-революционеров под редакцией Л. Шишко, снабженное многочисленными дополнениями и примечаниями. К сожалению, — не знаю вследствие чьей оплошности,— некоторые из этих дополнений помещены в самом тексте без всяких вводных знаков, так что читателю трудно решить, принадлежал ли они автору или переводчику.

Несмотря на все старания и искреннюю готовность, проф. Туну не удалось помочь мне выйти из Фрейбургской тюрьмы: летом 1884 г. я был выдан России, а затем отправлен на каторгу. Будучи в Карийской тюрьме, зимой 1885-86 г., в случайно попавшем мне в руки номере немецкой иллюстрированной газеты, среди мелких известий я прочел, что проф. Фрейбургского университета Альфонс Тун, после непродолжительной болезни, скончался 31 или 32 лет от роду.

Лев Дейч.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагая читателю русский перевод книги покойного профессора А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», мы считаем себя обязанными прежде всего поставить ему на вид, что она совсем не обладает какими-нибудь первостепенными достоинствами. В ней нет оригинальной мысли, которая могла бы осветить ярким светом историю русского революционного движения. Не отличается она и особенно искусной группировкой фактов: с помощью материала, находившегося в распоряжении Туна, более талантливый исследователь дал бы гораздо более яркую характеристику различных течений, сменявших одно другое или существовавших одно рядом с другим в нашей истории. Наконец, очень ошибся бы тот, кто вообразил бы, что Тун сам стоял на революционной точке зрения. На самом деле отношение Туна к русским революционерам напоминало собою отношение к ним наших умеренных либералов. Он был слишком умен и образован, чтобы не видеть дикой и постыдной нелепости нашего нынешнего политического порядка. Как человек, привыкший ценить блага политической свободы, он не мог относиться с одобрением к тем произвольным и жестоким мерам, которые принимало русское правительство в своей борьбе с «крамолой». В то же время он питал невольное уважение к мужеству, самоотверженности, а иногда, может быть, и к конспиративному искусству русских революционеров. Это невольное уважение весьма заметно обнаруживается во многих местах его книги, несмотря на всю ту осторожность, с которой он высказывает свои собственные взгляды, твердо памятуя, что в Германии, где он собирался жить и действовать, «наука и ее

учение свободны» . . . лишь в довольно тесных границах [1]. Но социалистические идеалы русских революционеров казались ему несбыточными, а их приемы борьбы он нередко находил преступными в полном смысле этого слова. В результате мы видим двойственность и попеременное преобладание симпатии и антипатии в его историческом повествовании. Тун был очень далек от того безусловного сочувствия к русским революционерам, которым проникнута знаменитая книга американца Кеннана. Это обстоятельство, разумеется, не осталось без влияния на характер его сочинения: от начала до конца этого сочинения видно, что автор не сжился с предметом своего исследования, что его мысль не возбуждалась, а его сердце не терзалось теми жгучими программными вопросами, над разрешением которых бились русские революционеры. Поэтому его *«история»* и не могла способствовать разрешению этих вопросов. Исследователь, который отнесся бы к нашему движению с более сильным и более цельным сочувствием, вероятно, лучше понял бы его «злобы дня» и, наверное, дал бы более увлекательный, более захватывающий очерк его истории. Но такого историка до сих пор не появлялось, и нет никакой надежды на его скорое появление. Поэтому мы решились издать книгу Туна, которая при всех своих очевидных недостатках имеет, по крайней мере, одно, не менее очевидное, достоинство: *достоинство добросовестности*. Тун прилежно собирал материалы и беспристрастно пользовался ими, не искажая доступной ему истины ради тех или других предвзятых взглядов. Это достоинство, вообще очень важное в историческом, — да и во всяком другом, — исследовании, становится особенно важным в книге Туна потому, что литературные источники, которыми он пользовался, — обвинительные акты и отчеты о политических процессах, брошюры, сборники и журналы, газеты и воззвания, — отчасти были редки уже и в то время, а теперь почти целиком стали недоступны для публики. Читатель, желающий ознакомиться с развитием русской общественной мысли и увидевший себя в досадной невозможности добыть первые источники, искренно поблагодарит автора, кото-

---

[1]) И это же уважение побудило его оказать одну немаловажную услугу нашему товарищу Дейчу, попавшему в цепкие лапы баденской полиции.

рый, по крайней мере, прилежно и правильно излагал находившиеся у него в распоряжении исторические документы.

Но правильно изложить тот или другой исторический документ вовсе не значит устранить неправильности или недостатки, свойственные его содержанию. Если в этом содержании есть, например, *противоречия,* то автор, взявшийся за его изложение, не имеет никакого права сообщать ему *стройный вид.* Поступая так, он совершит непростительный грех против исторической истины. Имея дело с противоречивыми документами, исследователь, конечно, поступит всего лучше, если так и скажет читателю: излагаемые мною источники несогласны между собою. Но если противоречие ускользает от взора исследователя; если он не замечает того, что один из его источников противоречит другому, то в интересах точности остается пожелать, чтобы противоречие целиком перешло в его изложение: внимательный читатель сам отметит несообразности и сам постарается объяснить их происхождение. Правда, он рискует при этом впасть в ошибку. Если он лишен возможности сличить изложение с источниками, а источники друг с другом, то он будет склонен отнести противоречие на счет самого исследователя, которого он заподозрит в умышленном или неумышленном искажении истины, что будет несправедливо. Но читателю выгоднее совершить такую несправедливость, оставляющую широкое место для *сомнения,* чем доверчиво следовать за автором, сознательно или бессознательно *поправляющим* свои источники и вносящим *последовательность* туда, где она на самом деле отсутствует.

Тун, это — именно тот исследователь, который, сам того не замечая и не мудрствуя лукаво, переносит в свое повествование все противоречия, встречающиеся в его источниках; объяснить эти противоречия во всей их совокупности мог бы только тот, кто написал бы новую историю революционной мысли в России. Само собою разумеется, что мы не задаемся такою целью в нашем предисловии. Но мы находим нужным отметить хоть те противоречия, которые относятся к важнейшим эпохам нашего движения.

Начнем с так называемых *лавристов,* т.-е. с последователей П. Л. Лаврова. В книге Туна мы узнаем о них, между прочим, вот что: «Лавристы ... не видели в крестьянском общинном землевладении исходного пункта социального движения

в России, во-первых, потому, что это учреждение падающее, неизбежно переходящее в частное землевладение, как показывает это западно-европейская история; во-вторых, потому, что русская община есть учреждение реакционное, основы которого покоятся на привычках и взглядах, находящихся в прямом противоречии с приобретениями современной науки. Благодаря своему полному подчинению в экономической, политической и нравственной области патриархальным обычаям, неразрывно связанным с общинными порядками, русский крестьянин не в состоянии усвоить себе новое социалистическое мировоззрение, развившееся на почве капиталистического производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьян естественному ходу истории, а революционную деятельность перенести в среду промышленных рабочих, как это делают западно-европейские социалисты. На этой почве действовали лавристы в 1875 — 76 гг., не сделавши, впрочем, и здесь ничего значительного. Их теория внушала им расположение ждать, сложа руки, разложения общины. Даже, когда в 1878 году среди рабочих на петербургских фабриках начались большие стачки, лавристы заявили, что это реакционное движение, и советовали отказаться от подачи царю прошения».

Этой характеристике резко противоречит изложение программы того самого журнала «Вперед!», который издавался Лавровым, по словам Туна, на деньги кружка лавристов. «В существенных вопросах, — говорит Тун, — «Вперед!» объявил себя солидарным с решениями интернациональных конгрессов, а относительно целей и организации не делает *существенных* [1]) отступлений от бакунинской программы». Но Бакунин и его последователи смотрели на крестьянскую общину именно, как на исходный пункт социального движения в России. Если программа «*Вперед!*» в самом деле не расходилась по существу с программой Бакунина, то ясно, что журнал Лаврова тоже должен был придавать общине очень большое значение. Это соображение приобретает очень большую убедительность, когда мы прочитываем следующие строки: «Социальная основа, на которой должно строиться будущее русского народа, есть общинное землевладение; это исконное и пока патриархальное учреждение должно развиваться в социали-

---

[1]) Курсив Туна.

стическом направлении и перейти в общинную обработку земли и равномерное распределение продуктов; в то же время община должна быть базисом политической организации». Эти строки уже совсем не позволяют сомневаться на счет отношения журнала «Вперед!», — *органа лавристов,* — к общинному землевладению; *он видит в нем исходную точку развития России в направлении к социализму.* Что же это значит? Неужели взгляд лавристов на общину был *прямо-противоположен* тому взгляду, который высказывался *их собственным органом?* Это совершенно невероятно, так как ведь никто же не обязывал их поддерживать издание, программа которого так резко расходилась со свойственным им воззрением. Но в таком случае, как объясняется это очевидное и странное противоречие? Не должны ли мы предположить, что в то время, когда лавристы приглашали своего учителя редактировать *«Вперед!»,* они смотрели на русскую общину так же, как смотрел на нее сам Лавров, а также и Бакунин со своими сторонниками, впоследствии же они убедились в несостоятельности такого взгляда на нее и стали относиться к ней отрицательно? Это предположение кажется сначала самым естественным; в его защиту можно, кроме того, сослаться на тот факт, что в конце 1876 г. Лавров сложил с себя звание редактора. Не был ли вызван этот шаг именно его расхождением с кружком «лавристов» во взгляде на общину? На этот вопрос книга Туна не дает прямого ответа; но косвенно она отвечает на него в отрицательном смысле: не забудем, что, по словам нашего автора, лавристы уже в 1875—76 годах сосредоточили свои силы на деятельности в среде промышленных рабочих, будучи убеждены в том, что экономический быт нашего крестьянина совершенно не располагает его к усвоению социалистических идей. *А указанные годы были как раз годами усиленной издательской деятельности Лаврова,* который, кроме непериодического сборника *«Вперед!»,* редактировал тогда еще двухнедельную газету того же названия. Ясно, стало быть, что если мы хотим верить Туну, то мы должны допустить, что лавристы оказывали наиболее энергичную поддержку своему учителю именно в то время, когда они *уже перестали разделять его взгляд на русскую общину.* А это опять приводит нас к первой гипотезе, т.-е. к тому предположению, что лавристы поддерживали и признавали своим орган, коренным образом расходившийся с ними по одному

из самых важных для России вопросов. А так как это предположение совершенно невероятно, то нам не остается ничего другого, как обратиться к критике тех двух источников, на основании которых возникло противоречивое сообщение Туна. Первым из этих источников является программа «*Вперед!*»; вторым — свидетельство П. Б. Аксельрода в цюрихском «*Jahrbuch für Socialwissenschaft*». Программа «*Вперед!*» придает русской общине огромное значение; П. Б. Аксельрод утверждает, что лавристы смотрели на нее, как на устарелую форму землевладения, окончательно осужденную историей. Тун не замечает, что его источники противоречат один другому, и без всяких оговорок воспроизводит их показания, как будто одно из них подтверждает другое. Приглядимся же к этому предмету несколько ближе и внимательнее.

Что такое была программа «*Вперед!*»? Обладала ли она хотя бы той долей стройности, которую приписывает ей наш автор? Насколько твердо и последовательно держался П. Л. Лавров того взгляда на русскую общину, который приписывается ему Туном на основании его программной статьи? Перечитайте передовые статьи газеты «*Вперед!*» и вы увидите, что их автор *противоречил сам себе*, то изображая социализм, как «исторический фазис, фатально вырабатывающийся из капиталистического строя общества», и ссылаясь на Коммунистический Манифест, который говорит, что, создавая пролетариат, буржуазия создает своего собственного могильщика [1]; то указывая, — и иногда в той же самой статье, — на «традиционные народные группы: сельские общины и артели», как на естественную основу будущего социалистического общества [2]. Если бы мы захотели подвести итог всему тому, что говорил на этот счет П. Л. Лавров, то мы, вероятно, имели бы право сказать, приблизительно, так: Лавров надеялся, что социалистическая революция предупредит развитие капитализма в России, и что, вследствие этого, исходными точками социалистического развития явятся у нас *артель и община;* но, не будучи твердо уверен в этом, он утешал себя и своих последователей тою мыслью, что «неумелость русских социалистов-революционеров подготовить и организовать революцию, обрушившись тяжелыми

---

[1]) См., например, передовые статьи №№ 27-го и 34-го.

[2]) См. передовую статью № 34-го.

страданиями на русский народ, все таки не спасет хищнической буржуазии от фатального процесса» [1]), т.-е. от социалистической революции, которая явится в этом случае неизбежным результатом *капиталистического* развития. Если эта формулировка мысли П. Л. Лаврова справедлива, — а она представляется нам наиболее справедливой изо всех возможных, — то мы должны будем придти к тому заключению, что изображение *капитализма,* как «фатальной» предпосылки *социализма,* имеет у него лишь очень условный характер, и что программа «*Вперед!*» несравненно ближе к *бакунизму и народничеству,* чем к *марксизму.* Мы потому обращаем на это внимание читателя, что товарищ Ю. Невзоров, в брошюре: «*Отказываемся ли мы от наследства?*», придал указанному изображению слишком преувеличенное и потому совершенно несоответствующее истине значение, истолковав его в том смысле, что лавризм был «первоначальным русским марксизмом» (стр. 22). Отличие русского марксизма от «русского социализма» всевозможных оттенков состоит в том убеждении, что Россия *не может* перескочить через капитализм, который уже сделался в ней господствующим способом производства. Но, именно, этого-то убеждения и не было у Лаврова до самого конца его литературной деятельности. А кроме того, товарищ Невзоров как будто упустил из виду, что *по своим историческим взглядам* Лавров был несравненно ближе к *идеалистам,* чем к материалистам, между тем, как марксизм необходимо предполагает *материалистическое объяснение истории.* Правда, в сочинениях Лаврова иногда можно встретить решительное признание *исторического материализма,* но это признание находится в вопиющем противоречии с его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто на просто тем, что в своем взгляде на историю, как и во всех прочих своих взглядах, Лавров был *эклектиком до конца ногтей.* Маркс и Энгельс, хорошо знавшие по русски и читавшие «*Вперед!*», очень удивились бы, если бы им пришлось услышать, что программа «*Вперед!*» была программой русского марксизма. Это им никогда и в голову не приходило [2]).

---

[1]) Мы опять цитируем передовую статью № 34-го.

[2]) Приведу здесь блестящую характеристику Лаврова, сделанную Энгельсом как раз в эпоху издания «Вперед!»: «Друг Петр, — лично

Но на каком же основании П. Б. Аксельрод изображал действовавших в России лавристов, как людей, связавших все свои социалистические упования с развитием русского капитализма и пренебрегавших старинными «устоями» нашей экономической жизни? Имеем ли мы какое-нибудь право заподозреть верность или основательность его показания? Нет, на это мы не имеем ни малейшего права уже по одному тому, что его показание точно соответствует истине: описанные им лавристы действительно существовали. Я сам хорошо знал таких лавристов и думаю, что Аксельрод встречался с ними в 1879 — 80 годах, во время своего вторичного «нелегального» пребывания в России [1]). Но, во-первых, они были *лавристами времен упадка*, и их взгляды вовсе не характерны для лавризма, каким он был в лучшую пору своего существования, т.-е. между прочим и в 1875 — 1876 годах. А во-вторых, даже и эти *лавристы времен упадка* были очень далеки от марксизма, и потому первоначальными русскими марксистами считаться никоим образом не могут. Они утверждали, что только капитализм создаст в России почву для социализма, но единственный вывод, который они делали отсюда, был тот, что социалистам надо до поры до времени совсем сойти с русской исторической сцены. Это была не *программа действия*, а самооправдание людей,

---

в высшей степени почтенный русский ученый, — в своей философии является эклектиком, который из всех различных систем и теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего... Он знает, что во всем есть своя дурная и своя хорошая сторона, и что хорошая сторона должна быть усвоена, а дурная удалена. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет эти две стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория представляется в этом отношении приблизительно настолько же дурной и настолько же хорошей, как и всякая другая. С этой точки зрения было бы нелепо горячиться в защиту или против той или другой из них. И с этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собою должны казаться чистыми пустяками, способными радовать только врагов». (Volksstaat, 6 октября 1874 года, № 117). Прибавлю от себя, что именно такими пустяками, и, именно, по указанной Энгельсом причине, и казались П. Л. Лаврову споры между русскими революционерами различных направлений. Он никогда не мог объяснить себе, например, зачем русские социал-демократы спорили с народниками и с народовольцами.

[1]) Не следует забывать, что статья Аксельрода написана в начале восьмидесятых годов.

решившихся *бездействовать* и понимавших, что подобное решение не может быть принято революционной средой, как нечто естественное и само собою разумеющееся. Необыкновенное положение требовало и необыкновенных доводов, и эти необыкновенные доводы взяты были из арсенала марксизма. Но эти доводы мирно уживались в головах тогдашних лавристов с их старыми идеалистическими предрассудками, да к тому же и сами переживали в этих идеалистических головах довольно странные и неожиданные превращения. Как плохо поняли лавристы времен упадка теоретическое значение своей новой аргументации, показывает уже тот факт, что они считали — или делали вид, что считали — себя нравственно обязанными не вмешиваться в события во время той буржуазной революции, которая предстояла России, по их тогдашнему мнению. Маркс и Энгельс рассуждали совсем иначе накануне буржуазной революции в Германии. Но в том-то и дело, что на буржуазную революцию тогдашние лавристы продолжали смотреть глазами Бакунина и бакунистов. Она попрежнему представлялась им великим общественным злом, социально-политическим обманом, в котором социалисты отнюдь не должны участвовать. Товарищ Невзоров не откажется признать, что подобный «марксизм» очень своеобразен, если не вполне сомнителен. Если уже на кого-нибудь походили наши лавристы, то разве на тех немецких «истинных» или философских социалистов сороковых годов, о которых с таким раздражением говорит «*Манифест Коммунистической Партии*».

«Мы считаем необходимым подчеркнуть, — говорит товарищ Невзоров, — что лавризм во всяком случае популяризовал в среде русских революционеров марксистские термины; он давал им форму, двигаясь в которой их мышление легче подготовлялось к восприятию уроков жизни; он, наконец, заставлял русских социалистов интересоваться деятельностью немецкой социал-демократии, от которой их решительно отталкивал бакунинский анархизм. И в этом смысле лавризм, пытавшийся обосновать народничество на учении марксовского интернационала, не остался без влияния на подготовление русской социал-демократии» [1]).

Что лавристы гораздо более, чем бакунисты, содействовали ознакомлению русских революционеров с деятельностью немецкой

---

[1]) Там же, стр. 23.

социал-демократии, это не подлежит ни малейшему сомнению и это составляет их заслугу. Но происходило это не потому, что лавристы лучше бакунистов понимали теоретическую основу социал-демократической программы, а потому, что они видели в социал-демократах естественных своих союзников в борьбе против «*бунтарской*» тактики бакунистов. Отрицательное отношение к этой тактике было единственной точкой, в которой лавризм безусловно сходился с социал-демократией. Но, едва сойдясь с ней в этой точке, он сейчас же опять далеко расходился с нею, *даже по вопросу* об отношении к тому же бакунизму. Как известно, Лавров в своем журнале высказывал сожаление о том, что марксисты вели ожесточенную борьбу с бакунистами в Международном Товариществе Рабочих. Это обстоятельство и подало Энгельсу повод объявить его эклектиком. Кроме того, надо иметь в виду, что, — как на это указывает и Тун, — несмотря на тактические разногласия, *программа Лаврова была в сущности очень близка к программе Бакунина.* Что же касается «марксистских терминов» и тех «форм», которые лавризм, — по словам товарища Невзорова, — давал русским революционерам, и которые будто бы подготовляли «их мышление к восприятию уроков жизни», то, насколько я понял очень неясно выраженную здесь мысль этого товарища, она тоже кажется мне ошибочной. В теоретическом отношении лавризм мог быть для русских революционеров только *школой эклектизма на идеалистической подкладке,* а такая школа вообще плохо подготовляет к восприятию уроков жизни и уж ни в каком случае не может служить подготовкой к пониманию марксизма. Те из наших революционеров, которые основательно прошли эту школу и сроднились с употреблявшимся в ней методом мышления, навсегда лишились способности понять учение Маркса. Как ни резко и как ни сильно расходился с автором «Капитала» Бакунин, он все-таки был гораздо ближе к нему, чем автор «*Исторических Писем*», и потому его влияние все-таки более подготовляло русских революционеров к пониманию учения Маркса, чем влияние Лаврова. Это может быть принято за парадокс, но это неоспоримая истина.

Не говоря уже о том, что жизнь давала более «уроков» той революционной партии, которая, стремясь агитировать на почве непосредственных народных требований, вынуждена была внима-

тельно относиться ко всем особенностям народного быта и народной психологии, чем той, которая уповала преимущественно на силу отвлеченной истины, я попрошу товарища Невзорова обратить внимание на коренное различие в *исторических взглядах* Бакунина с одной стороны и Лаврова с другой. Всякий, кто знаком с «*Историческими Письмами*», знает, что в своем объяснении истории Лавров был *идеалистом,* поскольку этому не мешал *эклектический* характер его ума. Исторического идеализма придерживались и те последователи Лаврова, которые имели определенные исторические взгляды. Товарищ Невзоров говорит: «теория так называемого экономического материализма (правда, в своеобразном толковании) пользовалась большой популярностью среди семидесятников, не только среди лавристов... но и среди бакунистов» [1]). Но в действительности *бакунисты гораздо более склонны были признать эту теорию, чем лавристы*». Сам Бакунин не раз печатно объявлял себя решительным ее сторонником. Товарищ Невзоров цитирует то место из книги «*Государственность и анархия*», где Бакунин называет материалистическое объяснение истории «одной из главных научных заслуг г. Маркса». Если память не изменяет мне, на ту же заслугу Маркса и в еще более сильных выражениях указывает другое русское сочинение знаменитого анархиста: брошюра «*Наука и насущное революционное дело*». Наконец, в том же смысле высказывается Бакунин и в своей полемике с Мадзини: «Все религии и все системы нравственности, господствующие в обществе, — говорит он здесь, — представляют собою идеальное выражение его реального, материального положения, т.-е. в особенности его экономической организации, но также и его политического строя, который, впрочем, всегда является не чем иным, как юридическим и насильственным освещением экономики» [2]). Правда, Бакунин и бакунисты плохо понимали эту теорию, делая из нее тот вывод, что пролетариату нет никакой надобности прибегать к «*политике*» в борьбе за свое социальное освобождение. Вся теоретическая аргументация Бакунина против программы Маркса опиралась на плохо понятые и потому исковеркан-

---

[1]) Там же, стр. 57, примечание.

[2]) La Théologie politique de Madzzini et l'Internationale, 1871 г., p. 69. О Марксе см. стр. 78

ные положения марксова исторического материализма [1]). Но от искаженного, если хотите, даже *карикатурного* марксизма Бакунина и его последователей все-таки было ближе до научного социализма, чем от эклектического идеализма Лаврова и лавристов. И мы видим на самом деле, что первыми последовательными русскими социал-демократами явились люди, прошедшие через школу бакунизма, а не бывшие ученики Лаврова.

Когда редакция «*Черного Передела*» заявляла, что экономические отношения признаются ею «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов»; когда она повторяла, что «в основе общества лежат главным образом отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.» [2]), то она высказывала лишь тот взгляд, который раньше ее выражал, *вслед за Марксом,* — Бакунин. Но она принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор «*Государственности и анархии*». Она строила на нем чисто анархическое отрицание «государственности». Поэтому, товарищ Невзоров ошибается, говоря, что чернопередельцы «определенно стояли на марксистской точке зрения» [3]). Их марксистская точка зрения на самом деле была не более, как точкой зрения Бакунина [4]). Я потому считаю нужным указать на это, что товарищ Невзоров, преувеличивая значение нашего тогдашнего «марксизма», тем самым выставляет в неправильном освещении то теоретическое «*наследство*», которые было получено нами, русскими социал-демократами, от революционеров семидесятых годов. Это наследство было очень важно, — и даже совершенно незаменимо, — в смысле *практического опыта,* частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности,* частью завещанного нам социалистами первой половины того десятилетия.

---

[1]) Подробнее эта мысль развита мною в брошюре «*Anarchismus und Socialismus*», Berlin, 1894.

[2]) Эти ее заявления цитирует тов. Невзоров на 57 стр. своей брошюры.

[3]) Там же, стр. 63.

[4]) Я имею право с полною уверенностью говорить *о тогдашних* взглядах редакции «Черного Передела», так как сам принадлежал к ней, и так как статьи, цитируемые товарищем Невзоровым, были написаны мною.

Этот опыт лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий, и вот почему безусловно нелеп тот, так часто выдвигаемый против нас довод наших противников, который сводится к ехидному напоминанию о том, что первая программа русских социал-демократов была выработана заграницей. *Заграницей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России.* И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 и напечатанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики [1]. Но в *теоретическом* отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство», завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла *«русский социализм»* бакунинского или лавровского оттенка от *научного социализма* западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка. Об этом полезно напомнить теперь, когда делаются попытки реставрировать программы семидесятых годов.

Но вернемся к Туну. Длинное отступление, сделанное мною по поводу лавризма, показывает, какие важные вопросы нашей революционной истории скрываются за недомолвками и противоречиями, встречающимися в книге нашего автора. А неправильное представление товарища Невзорова о значении лавризма и об отношении исторических взглядов редакции *«Черного Передела»* к историческому материализму Маркса лишний раз свидетельствует о том, как трудно современному русскому революционеру составить себе верное представление о тех периодах нашего движения, которые незнакомы ему *по личному опыту*. Винить в этом, разумеется, надо только недостаток надежных источников.

Сделанная Туном характеристика народнического периода не заключает в себе важных промахов. Более того: перечитав теперь эту характеристику, мы с удивлением видим, что немецкий про-

---

[1]) Некоторые немецкие радикалы сороковых годов самого Маркса упрекали в том, что он придумал свою программу за пределами германского фатерланда. Таким образом, мы оказываемся в очень хорошей компании.

фессор лучше понял отличительные черты и результаты этого периода, чем, например, Е. А. Серебряков, написавший целую брошюру о самой крупной и влиятельной организации того времени,— о тайном обществе *«Земля и Воля»*.

На первой странице своей брошюры Е. А. Серебряков говорит: «Массовое движение русской социалистической молодежи в народ с целью пропаганды окончилось весною 1874 года страшным погромом. Около тысячи человек было арестовано; а немногие уцелевшие пропагандисты должны были спасаться в города, ибо и прежде трудное пребывание в деревне сделалось совершенно невозможным в эту минуту». Эти слова могут быть поняты только в том смысле, что «погром имел место главным образом *«в деревне»*, которая и стала вследствие этого недоступной для социалистов, увидевших себя вынужденными искать спасения *«в городах»*. Но это совсем неверно. На самом деле огромнейшее большинство арестов того времени произошло *именно в городах* и вызвано было полнейшим отсутствием всякой конспиративной сноровки у тогдашних революционеров и совершенной неорганизованностью их сил. Строгости полицейского надзора в деревне, — тогда очень слабого, — тут совсем непричем. Если многим социалистам и приходилось бежать из деревни в город, то происходило это опять-таки вследствие беспрерывных провалов в городе, обнаруживавших перед жандармерией все планы и все действия даже тех революционеров, которые шли в деревни. И это хорошо понимали тогдашние деятели. Я хорошо помню, как на революционных сходках, происходивших в Петербурге летом 1876 года, многие ораторы, — в том числе покойный И. Ф. Фесенко, — доказывали нам, студенческой молодежи того времени, что в полицейском отношении серьезная революционная работа в деревне гораздо безопаснее, чем шумная, но мало производительная жизнь в среде революционной интеллигенции городов. Эти соображения приводились, как один из доводов в пользу «хождения в народ». Таким образом, *«спасать»* революционеров должны были не города, а именно деревни. Это необходимо помнить всем тем, которые хотят правильно судить об истории нашего движения.

Так же неверно описывает Е. А. Серебряков и положение дел в 1878 — 1879 гг., т. е. *в конце* того периода, *начало* которого было подготовлено погромом 1874 года, и в течение которого рево-

люционеры старались заводить *поселения в народе.* «Устройство поселений, — говорит он, — с первых же шагов встретило массу препятствий. Начальство было настороже, и поселенцам приходилось часто бросать устроенные мастерские и оставлять занятые должности, переезжать в новые местности, под новыми фамилиями» [1]. Все это, действительно, случалось нередко, но препятствия, на которые наталкивались селившиеся в деревне революционеры, были далеко не так велики, как это думает Е. А. Серебряков. У него выходит, что эти революционеры нигде не могли осесть сколько-нибудь прочно. Он так и говорит: «Преследуемые революционеры вынуждены постоянно переезжать с места на место, теряя при этом каждый раз многих товарищей, которых захватывало правительство» [2]. А в доказательство он ссылается на неизданные воспоминания одного землевольца, который приводит примеры, повидимому, подтверждающие слова Е. А. Серебрякова. Так, — пишет землеволец, — к концу 1877 года не осталось почти ни одного крупного поселения: они все рухнули, не просуществовав и одного года. Многие члены этих поселений были арестованы, а те, которые уцелели, разбежались во все стороны. Пропал год усиленных трудов, порваны связи» [3]. Здесь память изменила землевольцу. В конце 1877 г. произошел провал на Камышинской улице в Саратове, заставивший бежать некоторых из землевольцев, живших в этом *городе* и занимавшихся там пропагандой частью в среде местных рабочих, а частью между семинаристами и гимназистами. Этот, *совершившийся в городе,* провал неблагоприятно отразился и на некоторых землевольских поселениях в крестьянстве, вследствие уже знакомого нам смертного греха наших революционеров: *неосторожности.* Но эти поселения рухнули *далеко не все,* и потому землеволец не прав, говоря, что целый год усиленных трудов пропал без пользы для дела. — «Но вера еще крепка, силы не надорваны, — продолжает он. И вот, весною 1878 года образовалось в Саратовской же губернии новое поселение» [4]. Весною 1878 года

---

[1]) *Общество «Земля и Воля»,* стр. 17-18.

[2]) Там же, стр. 21.

[3]) Там же, та же страница.

[4]) Там же, та же страница.

саратовская колония землевольцев действительно пополнилась новыми силами, которые заменили товарищей, выбывших из строя, благодаря осеннему провалу предыдущего года. Но так как старое саратовское поселение было очень далеко от полной гибели, то заводить *новое* не было *надобности*. «Одновременно почти с этим, землевольцы основали в Воронежской губ. другое поселение, — пишет дальше товарищ, цитируемый Е. А. Серебряковым. — Оба эти поселения по составу лиц и организации не оставляли желать ничего лучшего. Многие члены этих поселений впоследствии показали свою способность, энергию и деятельность на террористическом пути. Но здесь, на почве народа, злой рок попрежнему преследовал их. Эти новые поселения вскоре распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло вскоре после 2-го апреля 1879 года» [1]. — Здесь я замечу, что «*распалось*» не значит — *провалилось*. Воронежское поселение землевольцев, действительно, просуществовало очень недолго, но и в этом виноваты были не полицейские условия, что доказывается, между прочим, тем, что ни один из его участников не был арестован. Я не могу припомнить теперь, по какой именно причине они так скоро покинули облюбованное ими место; но думаю, что причина эта была в значительной степени *субъективного свойства:* в числе основателей воронежского поселения находилось несколько членов бывшего кружка так называемых *централистов*, *т. е. последователей П. Н. Ткачева*. Люди этого направления могли быть очень способными, энергичными и деятельными на поприще террора, — и такими в самом деле оказались некоторые члены воронежского поселения, — например, покойная М. П. Полонская, — но для работы в *крестьянской* среде они годились очень мало уже по одному тому, что она плохо вязалась с их образом мыслей. Они примкнули к воронежскому поселению за неимением более подходящей для них деятельности; а когда такая деятельность явилась вместе с началом *террористической* борьбы, тогда они уже не могли усидеть в деревне и покинули ее при первом удобном случае. О «новосаратовском» поселении сам землеволец, цитируемый Е. А. Серебряковым, говорит, что оно «погибло» *после 2-го апреля*, *т. е. после покушения А. Соловьева на жизнь Александра II*. Ясно,

---

[1] Там же, стр. 21.

что если бы оно и в самом деле погибло, то и тогда причину его гибели надо было искать не в строгостях деревенского полицейского надзора, а в тех затруднениях, которые создавались для деятельности революционеров *новыми приемами борьбы, которые стали практиковать в городах.* Но на самом деле, «новосаратовское» поселение только отчасти пострадало от выстрела А. Соловьева, а в общем продолжало довольно благополучно существовать вплоть до воронежского съезда, на котором было довольно много его представителей. И вот почему Е. А. Серебряков очень ошибается, когда говорит, изображая положение дел в промежутке времени между выстрелом 2-го апреля и воронежским съездом: «последние остатки деревенщиков бегут в города» [1]). *Это неправда.* И я удивляюсь, каким образом сам Е. А. Серебряков не усомнился в правильности своего изложения. Мне странно, как ему не пришло в голову следующее простое соображение: если деятельность в деревне встречала такие непреодолимые трудности, то ко времени воронежского съезда там не осталось бы никого из землевольцев; а между тем мы видим, что на этом съезде было много «деревенщиков», и притом нетаких деревенщиков, которые *только собирались бы* «идти в народо», а таких, *которые жили и действовали там именно в эпоху съезда.* Или А. Е. Серебряков не знал этого обстоятельства? Пожалуй, что и не знал. Описывая события, последовавшие за воронежским съездом, он спрашивает: «а что же делали деревенщики?» На этот вопрос он категорически отвечает так: «в деревню идти они не могли... И пришлось им остаться в городах и здесь заниматься, подобно членам новой фракции, проповедью и ербовкой последователей... неизвестно, для чего» [2]). Эти слова дают повод думать, что и до съезда большинство «деревенщиков» *осталось в городах.* Но если Е. А. Серебряков думает так, то ему полезно будет перечитать книгу немца Туна, никогда не принимавшего участия в нашем движении, н овсе-таки лучше осведомленного на его счет. Тун говорит: «так как заседавшие в Липецке террористы заставили прождать себя целых четыре дня, то многие деревенщики разъехались из Воронежа, боясь потерять занятые в деревнях места».

[1]) Там же, стр. 52-53.
[2]) Там же, стр. 63.

Так оно и было на самом деле. Но Е. А. Серебряков согласится, что если бы «деревенщики» *оставались в городах,* то указанное Туном опасение не имело бы ни малейшего смысла и, конечно, не возникло бы ни у кого из них.

На эту ошибку Е. А. Серебрякова стоило обратить внимание читателя. У нас многие думают теперь, что «хождение в народ» прекратилось, главным образом, вследствие полицейских строгостей. Распространению такого взгляда очень способствовала устная и печатная пропаганда «народовольцев», орган которых «*Народная Воля*» уже осенью 1879 г. во всеуслышание объявил, что при нынешних полицейских условиях *работать в народе — значит биться, как рыба об лед.* В своей брошюре Е. А. Серебряков повторяет это мнение, совершенно не считая нужным проверить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумению критически отнестись к своим источникам, вводит читателей в глубокое заблуждение. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революционеров по полицейским причинам, то в этом прежде всех других должны были бы убедиться именно «деревенщики», последние остатки которых уже в середине 1879 г. бежали, — по словам Е. А. Серебрякова, — из деревень в города. Но деревенщики не только не убеждены в этом и не только не бежали из города, а, напротив, с величайшею горячностью доказывают необходимость оставаться в народе и оспаривают своих *городских* товарищей, всеми силами старающихся уверить их, что в народе действовать невозможно. Удивительно, каким образом Е. А. Серебряков не остановился перед этим бесспорным и всем известным фактом, ясно показывающим, как произвольно и односторонне ходячее у нас представление о причинах, заставивших большинство наших революционеров конца 70-х годов покинуть мысль о деятельности в крестьянстве, которую не далее, как за несколько лет до того, они же считали безусловно необходимой и единственно целесообразной.

В действительности дело было гораздо сложнее, чем это кажется Е. А. Серебрякову. Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможной; революционеры справились бы с полицейскими перпятствиями, если бы их *настроение* продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине семидесятых годов их настроение очень изменилось, и «хождение

в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, *почти ребяческих* надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «*социальную революцию*» сделать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через *два-три*. Но известно, что подобная легкомысленная «*вера*» представляет собою нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Разбилась она и у наших тогдашних революционеров. «Народ» перестал привлекать их к себе, потому что «хождение в народ» перестало казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок. До какой степени это верно, покажет следующий пример. Летом 1878 г. волновались донские казаки по случаю введения у них *земства*, которое было огромным шагом *назад* сравнительно с их почти первобытным самоуправлением. Верные своей «бунтарской» программе, землевольцы поспешили отправиться на Дон и завязать сношения с недовольными. Я был одним из первых попавших туда членов «Земли и Воли». Ознакомившись с положением дел и убедившись, что оно благоприятно для агитации, я написал об этом в Петербург, откуда немедленно двинулся ко мне на помощь Александр Михайлов. Но так как я спешил отпечатать «*Воззвание к славному войску донскому*», составленное нами, «интеллигентами», при участии «спропагандированных» нами казаков, то я выехал в Петербург, — где у нас была тогда тайная типография, — не дождавшись приезда Михайлова в Ростов-на-Дону. Это было уже осенью и всего несколько дней спустя после большого «провала», погубившего Ольгу Натансон, Адриана Михайлова и многих других наших надежных и опытных товарищей. Я ничего не знал об этом несчастии и сам избежал ареста лишь благодаря простой случайности, помешавшей мне пойти тотчас по приезде в Петербург на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, где расположилась полицейская засада. Последствия «провала» были так тяжелы для нашей организации, что приходилось на время отказаться от всякой мысли об участии ее членов в агитации между казаками: надо было прежде всего восстановить «центр», разрушенный опустошительным полицейским набегом. Я немедленно вызвал телеграммой Ал. Михайлова

из Ростова, и когда он, несколько дней спустя, вернулся в Петербург, я в первый раз услыхал от него то мнение, что нам нельзя ставить себе задачу широкой агитации в народе, так как наши силы для этого слишком малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирепые преследования: прежде он был самым убежденным сторонником «агитации на почве непосредственных народных требований» и самым решительным противником «террора», который назывался у нас тогда *дезорганизацией правительства,* и о котором начали поговаривать уже летом 1877 года. Я не согласился с Ал. Михайловым, но так как о поездке на Дон членов нашей организации тогда, действительно, нельзя было и думать, то я стал искать охотников в среде «интеллигентной» революционной молодежи, не принадлежащей к нашему обществу, но сочувствовавшей нашему направлению. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничеством, с приятным удивлением слушала мои рассказы о казацких волнениях и вполне соглашалась с тем, что революционеры непременно должны воспользоваться этими волнениями. Но, несмотря на это, на Дон все-таки никто из петербургских революционеров не поехал. Так и пришлось махнуть рукой на казаков. Правда, к ним отправилось несколько молодых товарищей из Харькова; но и эти товарищи скоро убедились в том, что ни на какую поддержку со стороны революционной интеллигенции им рассчитывать невозможно, и, обескураженные этим, сами вернулись в город, хотя революционеры-казаки, — которых насчитывалось тогда уже человек до пятидесяти, — настойчиво уговаривали их оставаться. Попытка агитации на Дону — чрезвычайно важная с точки зрения нашей тогдашней программы — окончилась ничем, и не потому, чтобы казацкая полиция помешала нам связать прочные связи в казацких станицах и хуторах, — эта полиция по своей неопытности в таких делах ничему помешать не могла, и связи уже начали завязываться,—а просто потому, что мысль об агитации в массах совсем перестала тогда увлекать нашу революционную интеллигенцию. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видели, что число лиц, желающих идти в народ», постоянно уменьшается, и что их «поселения» перестают быть привлекательными для революционной молодежи. А так как необходимым условием широкого народного восстания была, в глазах бунтаря, организация народных сил, а эта организация, в свою

очередь, предполагала беспрерывный и широкий приток в народную среду революционной интеллигенции, то существовавшие тогда «поселения» имели для «деревенщиков» цену только в той мере, в какой можно было надеяться, что в недалеком будущем таких поселений явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лиц, уже поселившихся и действовавших в поволожье, могли иметь значение только как *авангард*, возвещающий о приближении *большой армии;* сами же по себе они были так слабы, что самый горячий сторонник агитации в народе переставал дорожить ими, как только убеждался, что на новый и гораздо более значительный приток в народ сил «интеллигентов» рассчитывать уже невозможно. Вот почему «деревенщики» так горячо восстали против террора, — которому сначала многие из них горячо сочувствовали, — когда убедились, что он отвлекает симпатии молодежи от агитации в народе и направляет их в другую сторону. И вот почему после воронежского съезда многие «деревенщики», до того времени благополучно жившие и более или менее удачно действовавшие в крестьянстве, переехали в города, чтобы звать оттуда молодежь на деятельность в крестьянстве и бороться там с возрастающим влиянием террористов. Е. А. Серебряков обнаруживает полное непонимание дела, когда пускается в иронию, замечая что эти, переехавшие в города, деревенщики вербовали последователей «неизвестно для чего»; нет, последователи вербовались для цели, очень хорошо известной, но неизлечимая слабость «бунтарей», оставшихся верными старой программе, заключалась в том, что даже их молодые последователи, вполне признававшие необходимость нового похода «в народ» революционной интеллигенции, ни в какой поход отнюдь не собирались, а продолжали жить да поживать в городах, т.-е. там, где им, по прямому смыслу их программы, полагалось жить только в виде исключения [1]). Революционное народничество погибало, но погибало не под ударами полиции, будто бы загородившей революционной интеллигенции все пути к народу, а в силу неблагоприятного для него настроения тогдашних революционеров, которым во что бы то ни стало хотелось «отомстить» правительству за его пресле-

---

[1]) Эту черту очень хорошо подметил и верно изобразил в своих «*Воспоминаниях*» В. К. Дебагорий-Мокриевич.

дования и вообще вступить с ним в «непосредственную борьбу», т.-е., собственно говоря, как можно скорее добиться конституции.

Прочитав брошюру Е. А. Серебрякова, можно подумать, что отправлявшиеся в народ пропагандисты и агитаторы испытывали одни только неудачи. Немец Тун и здесь ближе к истине. Он говорит: «Справедливо то мнение, что результаты далеко не соответствовали жертвам: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не следует думать, что пропаганда прошла без всяких следов. Во многих случаях социалистические идеи запали в головы крестьян... И мы видим, что многие крестьяне и рабочие на суде с воодушевлением исповедуют свои социалистические воззрения... В социалистических кружках было много членов из рабочих; существовали даже чисто рабочие союзы, как, например, в Одессе... Наконец, пропаганда имела еще и тот результат, что было приобретено несколько точек опоры для дальнейшей деятельности в деревне. Пропагандистское движение пустило в народе более глубокие корни, чем все прежние заговоры, и заложило основы для будущей революционной партии» [1]).

В этих строках Тун подводит итоги деятельности социалистов в 1873—74 годах. Итоги эти, как я уже заметил, — ближе к истине, чем то, что сообщает нам Е. А. Серебряков. И приблизительно такие же результаты дала деятельность собственно народнического периода, т.-е. 1875-78 годов. И тогда социалистические идеи продолжали западать в головы крестьян, рабочее же движение своим быстрым развитием *даже превзошло ожидания «интеллигентных» революционеров, как в этом сознавалась газета «Земля и Воля»*. Но нужно помнить, что между крестьянами именно только отдельные головы — хотя бы и довольно «многие» — были и могли быть доступны социалистической пропаганде. Взятое в массе крестьянство обнаруживало стремления, не имевшие ничего общего с социализмом. Эти стремления не ускользнули от внимания пропагандистов, но они были истолкованы ими очень неправильно. И именно это неправильное истолкование пропагандистами верно схваченных ими народных стремлений положило основание нашему *революционному народничеству*.

---

[1]) См. стр. 68-69.

Дело в том, что крестьянин, охотно и внимательно слушавший рассказы и рассуждения пропагандиста на тему о малоземелье, о тяжести податей, о произволе администрации, о бессердечии помещиков, о жадности попов, о хищничестве кулаков и т. п., в массе оказывался глух к проповеди социализма. Социалистические идеалы не только не влекли его к себе, но прямо не укладывались в его голову, потому что в идеалах, подсказываемых ему его собственными производственными отношениями, было очень много *буржуазного индивидуализма*.

«Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности», — говорил на одной из революционных сходок, осенью 1876 года, Боголюбов, который был очень опытным и умелым пропагандистом. Другой пропагандист на другой сходке рассказывал, как один крестьянин, убежденный им в необходимости поголовного народного восстания и отобрания земли у помещиков, воскликнул однажды с нескрываемым удовольствием: «Вот будет хорошо, как землю-то мы поделим! Тогда я принайму двух работничков, да как заживу-то!» — Подобных рассказов можно было тогда услышать от всякого бывалого пропагандиста великое множество[1]). Общий смысл их был тот, что идеалом русского крестьянина, подавленного гнетом податей и закрепощенного государству, является крестьянин, избавленный от этого гнета и освобожденный от этого закрепощения, но остающийся самостоятельным производителем и даже отчасти предпринимателем, — словом: *мелкий буржуа земледелия*. Этого смысла революционеры не поняли во всем его великом общественном значении. Они решили, что если крестьянин теперь, вообще говоря, не интересуется социализмом, то это происходит лишь от того, что община пока еще не достигла надлежащей высоты развития, а впоследствии, когда она поднимется на эту высоту, стремление к социализму вырастет само собою из условий крестьянской жизни. А отсюда они сделали тот вывод, что задача революционеров сводится теперь к устранению всего того, что препятствует сохранению и дальнейшему развитию общины и всех прочих старых «устоев» экономической жизни

---

[1]) В легальной литературе те же самые черты крестьянского идеала стал указывать впоследствии Г. И. Успенский.

народа. Этот вывод и лег в основу всей народнической программы. Возникновение народничества означало, что наши социалисты *отступают перед трудностями социалистической пропаганды и агитации в крестьянстве* и, совершая свое отступление, *утешают себя верой в будущее* «самопроизвольное» *развитие общины.* И чем больше давали себя чувствовать названные трудности, чем решительнее было указанное отступление социалистов, тем более подготовлялась почва для идеализации общины и веры в ее будущий переход «в высшую форму общежития». Наивысшей своей точки эта идеализация и эта вера достигли впоследствии у некоторой части народовольцев.

Обо всем этом Е. А. Серебряков не говорит ровно ничего. Правда, и у него есть страница, очень хорошо подтверждающая то, что сказано здесь мною, но содержание этой страницы осталось для него непонятным. Он приводит следующую цитату из неизданных воспоминаний землевольца: «Положение человека физического труда признавалось попрежнему весьма желательным и целесообразным, но безусловно отрицалось [1]) положение бездомного батрака, ибо оно никоим образом не могло внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность, — а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру, при полной материальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность придти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности» и т. д. [2]). Что означает то пренебрежительное отношение *крестьянина к батраку* и то его почтение к *«материальной самостоятельности»,* о которых говорит землеволец? Да именно то, что иное дело *пролетарий* (батрак), а иное дело *крестьянин,* и что идеалом крестьянина является, — как уже сказано мною — *мелкий буржуа земледелия.* Но Е. А. Серебряков обращает на это так же мало внимания, как наши нынешние *«социалисты-революционеры».*

Еще два небольших замечания, чтобы покончить с его неудачной брошюрой. Он утверждает, что непременным условием начала

---

[1]) Речь идет здесь об эпохе народничества.

[2]) Общество «Земля и Воля», стр. 17.

Казанской демонстрации 1876 года было поставлено присутствие на площади не менее двух тысяч человек манифестантов, но что «вопреки принятому решению, хотя и собралось только 200—300 человек, нашелся оратор, который начал говорить речь» [1]). Это *неправда*. На последнем своем собрании организаторы демонстрации решили, наоборот, что *демонстрация должна состояться, хотя бы на нее пришло всего несколько сот человек*. Это решение было принято потому, что демонстрация уже не раз назначалась и отсрочивалась, и новая отсрочка подействовала бы на всю петербургскую революционную среду самым деморализующим образом [2]). Е. А. Серебряков, очевидно, совсем не знает обстоятельств дела, о котором взялся говорить.

«Дело кончилось, конечно, так, как многие предвидели, — рассказывает дальше наш автор. — В виду малочисленности манифестантов, полиция натравила на них дворников, сидельцев соседних лавок и проч., и началось поголовное избиение». Это опять не так. Дворники, действительно, работали тогда не хуже, чем они работают в подобных случаях теперь. Но что до «поголовного избиения» было очень далеко, это доказывается тем, что ни один из выдающихся землевольцев, бывших на Казанской площади и отражавших полицейское нападение, не был арестован. Далее Е. А. Серебряков сообщает нам, что хотя Казанская демонстрация произвела удручающее впечатление, но что жестокий приговор суда над ее участниками вернул революционерам симпатии общества, доказав ему, что «демонстрация, очевидно, уже не так была смешна, если правительство вынуждено было прибегнуть к столь суровым мерам [3]). В настоящее время, когда демонстрации, подобные Казанской, вошли, можно сказать, в обычай, нет нужды доказывать, что они не совсем *смешны* даже и в тех случаях, когда полиции удается натравить на демонстрантов «дворников, сидельцев соседних лавок и проч.».

Программа, приводимая Е. А. Серебряковым в качестве программы того общества «Земля и Воля», о котором говорится в его

---

[1]) Стр. 16.

[2]) См. об этом в моей брошюре: *«Русский рабочий в революционном движении»*. Чрезвычайно жаль, что Е. А. Серебряков в разбираемом мною месте не указывает своих источников.

[3]) Там же, та же страница.

брошюре [1]), на самом деле была написана гораздо позже и выражает взгляды и намерения совсем другого общества, *возникшего под тем же именем в 1880 году*. Я хорошо знаю как эту программу, которую я читал в ее рукописном проекте, присланном на просмотр нашей группе весною указанного года, так и программу «*Земли и Воли*» семидесятых годов, которая была формулирована мною весною 1878 года [2]). И я могу доказать Е. А. Серебрякову, что он ввел своих читателей в *жестокую ошибку*.

Теперь довольно об его неудачной брошюре. Возвращаясь опять к Туну, я замечу, что его характеристика так называемого *народовольческого* направления тоже не свободна от некоторых противоречий, за которые, однако, и здесь приходится винить не его, а источники, находившиеся в его распоряжении. В народовольческую организацию входили люди, довольно сильно расходившиеся между собою во взглядах на важнейшие задачи нашего революционного движения. В ней были *радикалы в западно-европейском смысле,* но были и чистокровные *народники,* пришедшие к тому убеждению, что только низвержение нынешнего нашего государственного порядка проложит свободный путь для развития старинных «устоев» народной экономической жизни; были в ней, наконец, и такие люди, и эти составляли, кажется, большинство, — которые одновременно склонялись и к западно-европейскому радикализму, и к российскому народничеству, вследствие чего их воззрения делались в высшей степени запутанными. Как на самого выдающегося представителя западно-европейского радикализма в «*Партии Народной Воли*» можно указать на А. И. Желябова. В его биографии, написанной Тихомировым и одобренной к печати Исполнительным Комитетом партии Народной Воли, мы встречаем следующие строки: «Политический агитатор рано сказался в нем. Так, например, он принимал деятельное участие в организации помощи славянам, рассчитывая, как рассказывал впоследствии, на деле возрождения славян помочь политическому воспитанию самого русского общества. Вообще надо сказать, что этот *мужик* по своему происхождению никогда не отвертывался от

---

[1]) См. стр. 9-12 этой брошюры.

[2]) Раньше этого времени она существовала лишь в словесной формулировке.

«общества», как делало большинство отправлявшихся в народ. Русская революция представлялась ему не исключительно ввиде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а ввиде политического возрождения всего русского народа вообще. Его взгляды в этом случае значительно расходились со взглядами большинства современной ему революционной среды»[1]). Это чрезвычайно характерные строки. Здесь *«русский народ вообще»* противопоставляется *«крестьянскому или даже рабочему сословию»*, т.-е. более или менее правильно определенному *классу эксплоатируемых*. Желябов смотрел на задачи русской революции *не с точки зрения интересов этого класса, а с точки зрения «русского народа вообще», т.-е. всей той совокупности классов, интересы которых расходятся с интересами самодержавия.* Автор его биографии недурно объясняет нам, какие именно соображения располагали А. И. Желябова к принятию именной той точки зрения, которая,— по справедливому замечанию того же автора, — была чужда большинству тогдашних наших революционеров. Желябов рассуждал так: «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». В виду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности»[2]). Кто думает, что социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ, тот держится взгляда старого *утопического социализма,* противополагав-

---

[1]) «Андрей Иванович Желябов», стр. 14-15.

[2]) Там же, стр. 36.

шего себя *«политике»*. В этом отношении А. И. Желябов сходился с большинством народников, воспитанных в преданиях бакунизма: но именно потому, что и он, подобно другим народникам, противополагал *социализм* («задачи социально-революционной партии») *политике*, он, убедившись в неизбежности *политической* борьбы, увидел себя вынужденным *отодвинуть на задний план социалистическую задачу*. Он стал стремиться к *объединению всех противников самодержавия*, вследствие чего *классовые интересы* «крестьянского или даже рабочего сословия» потеряли в его глазах всякое самостоятельное значение. Принцип *борьбы классов* сделался неудобным для него принципом, потому что *мог помешать указанному объединению*. И вот мы видим, что А. И. Желябов, — с последовательностью, делающею величайшую честь его логике,—объявляет на воронежском съезде, что, по его мнению, *революционеры должны оставить всякую мысль о классовой борьбе*. Это вызвало против него целую бурю; ему возражали, что в таком случае мы должны отказывать в нашей поддержке *стачечникам*, так как *стачка* несомненно представляет собою один из видов классовой борьбы [1]). И в ответ на это он произнес свою знаменитую фразу, которую теперь часто истолковывают так неправильно. «Стачечник ведет двоякую борьбу, — сказал А. И. Желябов, — он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с этой последней». Сказать это мог именно только *радикал в западно-европейском смысле*. *Социалист*, отбросивший предрассудки *утопического периода*, понимает, что *политическая* борьба тоже может стать *классовою* и даже должна стать классовою, чтобы иметь шансы на успех.

Теперь, когда читатель уяснил себе точку зрения А. И. Желябова на основании показаний г. Л. Тихомирова, я попрошу его обратить внимание на то, как представлял себе политическую задачу «социально-революционной партии» сам г. Л. Тихомиров.

«Идея действительной равноправности политического и экономического элементов в партийной программе нашла себе ясное

---

[1]) В высшей степени замечательно, *что народники*, действовавшие преимущественно в *крестьянстве*, вспомнили прежде всего *рабочих*, когда им пришлось рассуждать о *борьбе классов*.

и громкое признание только с появлением народовольства, — говорит он в статье: «Чего нам ждать от революции?» [1]). — Тесная связь этих обоих элементов в общественной жизни сделалась мало по малу очевидной с тех пор, как социалисты перешли к практической деятельности. Совершенно помимо желания и в противность предвзятым теоретическим взглядам, они должны были убедиться при этом, как неизбежна политическая борьба, как она сама навязывается каждому общественному деятелю. После этого опыта социалисты могли уже сознательно понять тот характер исторического развития, который они до сих пор только смутно ощущали. Народовольская программа была первым гласным проявлением этого сознания».

У Желябова *социализм* противополагался *политике*. У г. Тихомирова «эти оба элемента» изображались как неразрывно связанные между собою. Желябов находил, что социально-революционная партия должна прежде всего добиться «свободных учреждений и гарантий личных прав», *т.-е. политической свободы, т.-е. конституции*. Г. Тихомиров думал, что этого слишком мало. «В самом деле, — спрашивал он, — для чего нам нужна конституция? Ведь не для того же, чтобы дать буржуазии новые средства для организации и дисциплинирования рабочего класса посредством обезземеления, штрафов и зуботычин. Таким образом бросаться прямо в омут головой может лишь человек, вполне преклонившийся перед неизбежностью и необходимостью капитализма в России» [2]). Г. Л. Тихомиров не преклонялся перед этой необходимостью и, кроме того, он, — как видим, — был убежден, подобно всем народникам, что завоевание политической свободы, не сопровождающееся немедленной социальной революцией, принесет рабочему классу гораздо больше вреда, чем пользы, утвердив власть буржуазии. Поэтому г. Л. Тихомиров говорил, что за «таинственной чертой» предстоящей революции нас ждет «начало социалистической организации России» [3]). Короче, *народоволец* Желябов смотрел на политический вопрос *совсем другими глазами, чем народоволец*

---

[1]) *«Вестник Народной Воли»*, кн. 2-ая, стр. 232-233.
[2]) Там же, стр. 237.
[3]) Там же, стр. 248. Ср. также стр. 260.

Тихомиров. Тут надо заметить, правда, что приведенный мною взгляд Тихомирова окончательно сложился и был принят большинством народовольцев уже значительно позже воронежского конгресса. Его выработке и распространению в среде народовольцев очень значительно содействовал ропот «широкой публики, т.-е. революционной интеллигенции, сочувствовавшей народовольческой борьбе, но по старой (народнической) памяти опасавшейся, что «политическая революция» отдаст народ во власть буржуазии. И все-таки несомненно то, что уже во время воронежского съезда политические взгляды А. И. Желябова не разделялись большинством его товарищей. Его биограф, как мы видели, прямо говорит это. Г. Л. Тихомиров и в то время совсем иначе, чем Желябов, понимал революционную задачу своей партии. Это доказывается его статьями в «Народной Воле», которая начала выходить в Петербурге уже осенью 1879 года. В тогдашних социально-политических взглядах г. Тихомирова были чрезвычайно сильны элементы *народничества.* А между тем этот народник, так сильно опасавшийся того, что конституция окончательно отдаст народ во власть буржуазии, и утешавший себя только той надеждой, что революционерам удастся захватить политическую власть в свои руки и, опираясь на нее, приступить к «социалистической организации России», этот народник-якобинец, — говорю я, — проговаривался иногда такими мнениями, на основании которых его можно было бы причислить уже не к европейским *радикалам,* к каким принадлежал Желябов, а к довольно *заурядным русским либералам.* Так, например, во внутреннем обозрении третьей книжки «*Вестника Народной Воли*» г. Тихомиров, — указав на то, что правительство, запретившее «*Отечественные Записки*», объявило направление этого журнала, и вообще прессы «известного оттенка», одинаковым с направлением «подпольной печати», — замечает:

«Пресса известного оттенка, в переводе на русский язык, означает не что иное, как ту прессу, которая выражает настроение, направление и желания девяти десятых всего того, что только есть в России развитого, знающего и честного... короче говоря — это направление *русского общества,* и с ним находятся в основном противоречии начала, поддерживаемые существующим правительством... Мы можем только поблагодарить правительство за

откровенность, с которой оно разоблачает себя, свою программу, свой строй»[1]. Далее, оговорившись насчет того, что необходимо разграничить миросозерцания, идеалы и стремления с одной стороны и способы их достижения с другой, внутренний обозреватель «Вестника Нар. Воли» продолжает: «Правительство вполне право, когда не видит существенной разницы в общем миросозерцании и идеалах революционеров и — наиболее развитой, культурной части русского общества. Действительно, революционеры добиваются того самого, чего хочет эта часть общества: осуществления прав человека и гражданина, разумной политической организации государства, обеспечения трудящегося, правильной организации национального производства, но в каком отношении эти стремления — стремления каждого порядочного человека не одной России, а всего цивилизованного мира, — в каком отношении эти стремления находятся к политическим убийствам и восстаниям?»[2].

Отказываясь от совместного с г. Тихомировым рассмотрения этого последнего вопроса, об отношении убийств и восстаний к идеалам, мы скажем, что здесь программа партии Народной Воли была выставлена им в новом и неожиданном виде. Если эта партия, которая должна была в скором времени взяться за «социалистическую организацию России», выражала стремления наиболее развитой и культурной части общества, то выходит, что эта часть общества тоже была пропитана социалистическими идеалами и стремилась положить конец эксплоатации низших классов высшими, к которым она, мимоходом сказать, сама принадлежала. Но это совершенно невероятно. Поэтому остается только усумниться в том, что программа, которую выставляли народовольцы и которая совпадала с «направлением русского общества», была программой *социалистической революции*. И это сомнение становится еще более законным в виду той неопределенной формулировки, которую здесь давал г. Тихомиров этой программе. В самом деле, необходимость «разумной политической организации государства», «обеспечения трудящихся» и «правильной организации национального производства» в такой же мере признается *либералами*, как

---

[1] Стр. 99 - 101.

[2] Стр. 101.

и *социалистами*. Весь вопрос в том, какие *конкретные требования* скрываются под этими *общими фразами*. А этот-то неизбежный вопрос и был оставлен здесь г. Тихомировым без ответа. Г. Тихомиров ограничился констатированием того факта, что стремления его партии совпадают с «направлением русского общества». И напрасно стали бы мы обвинять его в желании обмануть «общество» на счет истинных целей партии Народной Воли,—нет, он *не обманывал, а скорее был обманут*. Маркс говорит в своем сочинении о *«революции и контр-революции в Германии»*, что в этой стране «в конце 1847 г. вряд ли был хоть один выдающийся политический деятель среди буржуазии, который не провозгласил бы себя «социалистом» для обеспечения симпатий пролетарского класса. Передовые представители мелкой буржуазии в России, — «интеллигенты» всяких названий и призваний, — тоже чуть не поголовно причисляли себя к социалистам. Делалось это у нас не затем, чтобы обманывать пролетариат, самое существование которого почти не признавалось тогда «интеллигенцией», а просто потому, что передовая часть «общества» привыкла отождествлять с «социализмом» всякое стремление к общественному благу и всякое сочувствие народу. На самом деле в ее стремлении к общественному благу и в ее сочувствии народу было очень мало социалистического. Но тут опять приходится вспоминать Маркса, который говорит: «Этикетки, наклеиваемые на систему, тем отличаются от этикеток, наклеиваемых на другие товары, что они обманывают не только покупателя, но и самого продавца» [1]). Воображая себя сторонницей социализма, наша мелко-буржуазная интеллигенция обманывала не только самое себя, но также и нашу «социально-революционную партию». Когда наши революционеры перестали возлагать свои надежды на революционную самодеятельность *«народа»*, они стали уповать на поддержку со стороны *«общества»*, передовая часть которого казалась им преисполненной «социалистических идеалов». Но такая ошибка не могла, конечно, остаться безнаказанной: признавая себя солидарной с «обществом», которое на самом деле не имело, да и не могло иметь никакого серьезного отношения к социализму, партия Народной Воли тем самым показывала, что ее собственный социа-

---

[1]) «Das Kapital», II Band, zweite Aufl., S. 333.

лизм был, по *меньшей мере, недостаточно последователен и продуман.*

Вот яркий пример в подтверждение сказанного. Когда, в конце восьмидесятых годов, в русской революционной печати стали раздаваться голоса, приглашавшие наших революционеров на время *отказаться от социализма и превратиться в либералов*[1]), тогда один из самых верных хранителей старого народовольческого предания, г. Кашинцев, в статье *«По поводу одной программы»,* напечатанной в первом и единственном номере газеты *«Социалист»,* писал, что социализм занимал первое место в революционных программах собственно только в самом начале нашего движения». «Это было, — говорил он, — но было лишь в исходные моменты юношеского увлечения, которое при первых столкновениях с жизнью и критической мыслью начало уступать и очень скоро уступило свое место иному, чисто реальному, пониманию общественных отношений, революционному миросозерцанию, оставшемуся в своих основах неизменным и по сие время. Даже в первых опытах нелегальной литературы вопросам чистого социализма, теоретического и практического, отводилось сравнительно немного места (пожалуй столько, сколько было нужно в интересах гуманитарной пропаганды для юношества. . .)». Далее, г. Кашинцев утверждает, что уже в период хождения в народ революционная пропаганда опиралась главным образом «на указания народных бедствий настоящего безобразия правительства, а не на социализм. . . И чем дальше, тем больше, пока, наконец, Народная Воля не решила вопроса, и вполне определенно, в смысле борьбы с абсолютизмом». Это чрезвычайно замечательно. Если верить г. Кашинцеву, — а не верить ему мы не имеем ни самомалейшего основания, — то выходит, что деятельность партии Народной Воли имела с социализмом лишь очень мало общего. А в таком случае не удивительно и то, что самый влиятельный из ее публицистов мог сказать, что ее программа вполне совпадает с «направлением» передовой части «общества»!

А. П. Корба, — которую редакция *«Былого»* справедливо называет видной деятельницей партии Народной Воли, — говорила в своей речи на суде (1883 г.):

---

[1]) Громче всего эта проповедь раздавалась в *«Свободной России»*, органе г. *Вл. Бурцева*, нынешнего союзника наших «социалистов-революционеров».

«Г.г. сенаторы, вам хорошо известны основные законы российской империи: никто в России не имеет права высказываться за изменение государственного строя; никто не может даже помышлять об этом; в России запрещены даже коллективные петиции! Но страна растет и развивается; условия общественной жизни усложняются с каждым годом; наступает момент — страна задыхается в узких рамках, из которых нет выхода... Историческая задача партии Народной Воли заключается в том, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ее находятся в непосредственной зависимости от правительства. Партия не стоит непреоборимо упорно за террор; рука, поднятая для нанесения удара, опустится немедленно, как только правительство заявит намерение изменить политические условия жизни... но от чего она не может отказаться, не совершив предательства, измены против народа, — это от завоевания для него свободы, а вместе с тем благосостояния. В подтверждение того, что цели партии совершенно миролюбивы, я прошу прочесть письмо к императору Александру III от Исполнительного Комитета, написанное вскоре после 1-го марта. Из него вы увидите, что партия желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных»[1].

Эта речь, с ее требованием жизненных, полных и искренних *реформ сверху,* выражает взгляд *очень умеренный*, но все-таки гораздо более близкий к радикальным взглядам Желябова, чем к программе *якобинского народничества,* изложенной г. Тихомировым в его статье: «*Чего нам ждать от революции?*» Не надо было быть *социалистом,* чтобы одобрить взгляд А. П. Корба.

Наконец, приведу еще отрывок из письма народовольца Якубовича, — осужденного «по процессу 21-го», — следующим образом характеризующий эволюцию руководящих идей партии Народной Воли:

«Чем мы становимся старше и более зрелыми, тем минимальнее становятся наши требования. Посмотрите на то, что требовала «Партия Народной Воли» в самом начале своего существования, к чему она стремилась? Еще в 8 и 9 №№ своего органа она заявляла, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее

---

[1]) См. «*Былое*». № 3, стр. 172-173.

время иного народовольца такая задача заставляет улыбаться. Наша формула стала иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров. Мы не можем с полною уверенностью нарисовать последствий такого призыва и представить себе эти последствия во всех их подробностях. Мы не берем на себя пророчеств. Но я верю...... что русский народ — великий народ, что момент созыва Земского Собора будет великий момент и не пройдет бесследно в русской жизни и истории; страстный энтузиазм, который охватит народ и общество, первоначально на почве чисто политической, неизбежно повлечет за собой также и всю долю необходимых и осуществимых реформ экономических. Эта наша вера» и т. д.[1]).

Эти строки были написаны г. Якубовичем очень немного времени спустя после того, как появилась уже несколько раз цитированная мною статья г. Тихомирова *«Чего нам ждать от революции?»* И в этих строках весь социализм ограничивается «верой» в величие русского народа и момента созыва Земского Собора. Не беря на себя никаких пророчеств, я с уверенностью говорю, однако, что эту «веру» не откажутся разделить *самые умеренные русские либералы.*

Теперь многие стремятся реставрировать народовольческие взгляды, и в некоторых органах нашей революционной печати не редко выражается теперь радость по поводу поворота в сторону идей партии Народной Воли, замечаемого в некоторой части нашей интеллигенции. Очень жаль, что публицисты, радующиеся такому повороту, не определяют точнее, к *каким именно* народовольческим идеям поворачиваем мы теперь: *к идеям Желябова, или г. Тихомирова — автора статьи: «Чего нам ждать от революции?», или г. Тихомирова — автора цитированного мной внутреннего обозрения 3-ей книжки «Вестника Народной Воли», или г. Кашинцева или г. Якубовича?* Ведь всякий видит, что нельзя «поворотить» ко всем этим идеям одновременно, так как слишком уже велико различие между ними.

Товарищ Невзоров говорит, заканчивая свою брошюру: «Народовольцы выставили положение, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себе) необходима именно

---

[1]) См. брошюру *«Процесс 21-го»*, Женева, 1888 г., стр. 21-23.

для развития социалистической деятельности, что широкая пропаганда социалистических идей невозможна при абсолютном режиме, и что поэтому борьба с самодержавием и низвержение его составляют главную, первую задачу русских социалистов-революционеров» [1]). Это и так, и не так. *Некоторые* народовольцы, — скажу: народовольцы *желябовского толка,* — действительно выставляли это положение. Но зато другие, — назовем их народовольцами *тихомировского согласия,* — выставляли то положение, что если падение самодержавия не послужит сигналом для «социалистической организации России», то от него выиграет одна только буржуазия. И при этом и те, и другие одинаково плохо понимали отношение *социализма к политике* [2]). Вот почему наследство, доставшееся от них нам, *социал-демократам,* было в теоретическом отношении и с этой стороны крайне бедно. Вот почему первой русской социал-демократической группе, — группе «Освобождения Труда»—пришлось в первом же своем издании рассматривать именно неразрешенный предшествовавшими направлениями вопрос *об отношении социализма к политике* [3]). В брошюре товарища Невзорова дело изображается так, как будто социально-политическое миросозерцание социал-демократов было сшито из искусно подобранных клочков разных других миросозерцаний, существовавших в предшествовавшие периоды. Пусть извинит меня товарищ Невзоров, но когда я прочитал его брошюру, русская социал-демократия на минуту явилась мне в образе гоголевской невесты, мысленно приставлявшей усы одного из своих мно-

---

[1]) «Отказываемся ли мы от наследства?», стр. 73-74.

[2]) Дж. Кеннан, описав свой разговор с одним из политических ссыльных в Сибири, замечает: «Заклеймить такого человека кличкой «нигилист» было глупо, а сослать его, как опасного члена общества, в Сибирь — низко и бесчестно. На всем земном шаре человек таких убеждений слыл бы за умеренного либерала» («Сибирь», Берлин, 1891 г., стр. 124). А ведь этот ссыльный уж наверное принадлежал к той части нашего «общества», направление которого совпадало, по словам г. Тихомирова, с направлением партии Народной Воли! Пока наши революционеры не умели совершить теоретическое примирение социализма с политикой, до тех пор они по необходимости выступали попеременно, то как *социалисты-утописты*, то как *«либералы»*.

[3]) См. мою брошюру: *«Социализм и политическая борьба»*, Женева, 1883 г.

гочисленных женихов к носу другого. Но в действительности она такой невестой *никогда, решительно никогда не была.* Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта,* освещенного ярким светом учения Маркса. Не понимаю, как не заметил товарищ Невзоров, что решение политического вопроса, предложенное группой «Освобождения Труда», *существенно* отличалось от всех многоразличных решений, дававшихся народовольцами разных оттенков. При том же надо помнить, что решение этого вопроса, принимавшееся большинством народовольцев, — т.-е. решение народническо-якобинское, — было предложено гораздо раньше *П. Н. Ткачевым* и вообще группой «Набата». Следовательно, если уже признавать, что это решение носило в себе зародыш решения социал-демократического, — чего на самом деле не могло быть, — то с благодарностью за это мы должны обращаться именно к группе *«Набата»,* а не к народовольцам.

Автор брошюры *«Эволюция русской социалистической мысли»* обнаруживает полное непонимание истории этой мысли, утверждая, что «полемика между марксистами и хотя бы народовольцами была основана в значительной степени на недоразумении» [1]. Вовсе нет! С самого своего возникновения и включительно до наших дней эта полемика основана была не на недоразумении, а на серьезнейших принципиальных разногласиях. Эти разногласия были так велики, что между народовольцами и последовательными социал-демократами могло быть *соглашение* или, если хотите, *сближение по некоторым отдельным практическим вопросам,* но *объединение* было немыслимо, вследствие коренной разницы во взглядах. А полемика обусловливалась именно этой разницей. Возьмем хоть тот вопрос, на примере которого поясняет свою мысль автор названной мною брошюры.

«Вспомним, — говорит этот автор, — как наиболее выдающийся выразитель русского марксизма формулировал разницу социал-демократической и народовольческой точек зрения на отношение интеллигенции к пролетариату: по мнению, мол, народовольца рабочий существует для революции, а не революция для рабочего; по мнению социал-демократа, наоборот, революция

---

[1]) Стр. 4.

существует для рабочего, а не рабочий для революции. Отсюда делается тот вывод, что в то время, как Народная Воля смотрит-де на пролетариат лишь сверху вниз и извне, как на силу, могущую содействовать желательному для интеллигенции перевороту, социал-демократия видит, наоборот, в пролетариате единственно самодовлеющий социальный класс, который может и должен совершить переворот исключительно в своих интересах, совпадающих, впрочем, и с интересами всего человечества. Спрашивается теперь, насколько современная социал-демократия в состоянии удовлетвориться без оговорок лапидарной фразой «не рабочий для революции, а революция для рабочих» [1]).

Прежде, чем ответить на то, что «спрашивается» нашим автором, я замечу, что приводимая им «лапидарная фраза» при всей своей «лапидарности» *никогда* не выдавалась русскими социал-демократами за формулу, выражавшую их разногласие с народовольцами по вопросу об отношении интеллигенции к рабочим. Это было бы просто-напросто *смешно*. Эта мнимая «формула» явилась так. Споря с г. Тихомировым, я коснулся замечания его о том, что вот, мол, и народовольцы тоже признавали, что *рабочие важны для революции*. На это замечание я возразил, что по нашему, наоборот, революция важна для рабочих. Этим я хотел сказать,—и подробно сказал в сочинении, посвященном этому самому спору, — что мы стоим на точке зрения *пролетариата*, которая остается чуждой и непонятной народовольцам. Но я не ограничился этим возражением, — которого я не думал выдавать ни за какую «формулу» — и развил свой взгляд очень подробно. Мне жаль, что разбираемый мною автор обратил внимание лишь на «формулу», которая, — повторяю, — в действительности совсем даже и не формула, хотя она не только «фраза».

Какова была точка зрения Народной Воли? Мне скажут — *социалистическая*. Я допускаю это, хотя выписки, приведенные мною выше из речей и статей народовольцев, показывают, что допускать это у меня *нет достаточного основания*. Но дело не в «этикетке»! Во-первых, известно, что социализм бывает разный: пролетарский, мелкобуржуазный, буржуазный, феодальный и т. д. [2]). Во-вторых, при суждении о всякой данной партии необ-

[1]) Там же, стр. 4-5.

[2]) Об этом см. в «*Манифесте Коммун. Партии*».

ходимо принимать в соображение не только те программные «фразы», которые она признает своими, но также и тот общественный слой, *на который она главным образом опирается.* Самая безупречная «фраза» получает неподходящее *содержание,* когда ее *осуществление* навязывается такому общественному *классу* или слою, который осуществить ее *не может по объективным условиям своей жизни.* «Спрашивается» поэтому, на какой же общественный *слой* или *класс* опиралась партия Народной Воли?

Мы уже знаем, как *народоволец* Е. А. Серебряков описывает в своей брошюрке условия социалистической деятельности в России накануне возникновения партии Народной Воли: условия эти были, по его словам, так *неблагоприятны,* что «деревенщики» оказались вынужденными *бежать в города.* Это описание, не соответствующее действительности, вполне соответствует, однако, тому, что думали и говорили в кружках *«политиков»,* впоследствии — *народовольцев.* Эти кружки объявляли деятельность в крестьянстве совершенно невозможной при нынешних политических условиях. И это мнение стало официальным мнением партии Народной Воли. Его защищал орган этой партии, и его же мы находим, довольно долгое время спустя, в *«Календаре Народной Воли».* Ясно, стало быть, что народовольцы *не рассчитывали на крестьян,* как на такой класс, который выступит носителем их революционной идеи [1]). *А рабочие?* О рабочих вот что говорит главный публицист партии: «Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь» [2]). Очень хорошо. Но в таком случае, кому же могли, по мнению народовольческого публициста, доставить политическую власть наши революционеры? Очевидно, той передовой части общества, направление которой совпадало, как мы слышали от того же публициста, с направлением партии Народной Воли. «Спрашивается», могла ли бы эта часть общества сколько нибудь серьезно взяться за «социалистическую организацию России»? Теперь уже всякий смышленый школьник скажет, что — *нет,* и точно так же всякий смышленый школьник понимает теперь,

---

1) Это недавно подтвердила и редакция *«Вестника Русской Революции»* в своей программной статье.

2) Л. Тихомиров. *«Чего нам ждать от революции?»,* «В. Н. В.», кн. 2, стр. 237.

что эта часть общества ни за что не пошла бы дальше некоторых мелко-буржуазных «социальных» реформ. А если это так, то ясно, что смертный грех партии Народной Воли заключается не в том, что она ошибалась в построении той или другой «лапидарной фразы», а в том, что вся совокупность ее теоретических взглядов и ее практических задач делала из нее *невольную,*—говорю, невольную и прошу заметить это — *служительницу трудового слоя нашей мелкой буржуазии.* А совокупность взглядов и задач социал-демократов делала их *сознательными служителями рабочего класса.* Вот где — глубочайшая разница. Она много важнее всех возможных различий в «формулах» и «фразах» — лапидарных и других.

Но партия Народной Воли рассчитывала, что когда она повалит царизм, ей удастся возбудить самодеятельность *крестьянства,* которое и примется тогда, — думала она, — осуществлять свои старые общинные идеалы. Положим, что ей удалось бы добиться обеих этих целей. К чему привело бы осуществление указанных «идеалов»? Тот, кто понимает, что такое социализм, без колебаний ответит, что оно привело бы *не к социализму, а лишь к ускорению темпа того экономического движения, которое уже надломило старые «устои» нашей народной жизни и вызвало очень значительное неравенство в самой крестьянской среде.* И с этим давно уже соглашались те из теоретиков «передовой части нашего общества», которые не наобум толковали о народе и об его «идеалах». Не подлежит никакому сомнению, — говорил А. Н. Энгельгард, — что, будь крестьяне наделены землей в достаточном количестве, производительность громадно увеличится, государство станет очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более, полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков [1]). Я прибавлю, что само «артельное производство было бы *переходом не к социализму, а к капитализму.* Но распространяться об этом здесь нет надобности, так как на развитие этого производства

[1]) Из деревни, стр. 423.

тогда нельзя было рассчитывать за полнейшим отсутствием необходимых для него предпосылок. Таким образом низвержение абсолютизма и осуществление «общинных идеалов» крестьянства, — т.-е. полное торжество народовольства тихомировского согласия,—дали бы лишь новый толчек развитию того самого капитализма, с которым народовольцы названного согласия собирались бороться. На деле борьба их с капитализмом была бы не *пролетарской*, а *мелко-буржуазной борьбою*, и их партия ни в каком случае не вышла бы из пределов *мелко-буржуазного социализма*, к которому ее предрасполагало, как мы уже видели, еще и то обстоятельство, что она состояла главным образом из представителей образованного слоя мелкой буржуазии [1]).

С своей стороны, социал-демократы говорили, что *социалистическая* революция может быть совершена только силами *пролетариата* и что объективной опорой нового порядка должны быть не обветшавшие и расшатанные экономические «устои» народной жизни, а *те новые экономические отношения, которые создаются развитием капитализма*. Взгляды социал-демократов были *прямо противоположны* взглядам народовольцев, и их противоположности не охватит никакая лапидарная формула, кроме формулы: *одни представляли пролетариат, другие — мелкую буржуазию*. Но раз признана неоспоримая правильность этой «лапидарной формулы», то *основанным на недоразумении* оказывается не спор социал-демократов с народовольцами, а рассуждения автора брошюры о споре товарища Ленина с товарищами так называемого у нас *экономического* направления. Этот автор ровно ничего не понял в том, о чем они спорили.

Предмет их спора не касался вопроса о том, может или не может интеллигенция совершить переворот собственными силами: обе стороны безусловно соглашались между собою в том, что — *не*

---

[1]) Не могу не остановиться здесь на следующем курьезе. Библиограф № 3-го «*Былого*» (стр. 206) делает несколько выписок из брошюры-циркуляра «*Об издании русской социально-революционной библиотеки*», так как эти выписки показывают, по его мнению, «как широко и тогда смотрели народовольцы (sic!) на пропаганду среди народа (крестьян и рабочих) и на роль народных масс в предстоящей борьбе за социализм». Но дело в том, что эта брошюра-циркуляр *написана мною*, а не кем-нибудь из народовольцев. Таким образом и комплименты библиографа на счет широты относятся ко мне. Я очень благодарен г. библиографу.

может. Обе спорящие стороны одинаково хорошо понимали, что своими собственными силами интеллигенция никакой общественной задачи вершить не в состоянии, и что ее возможное историческое значение всецело определяется тем, в какой мере она будет содействовать развитию классового самосознания рабочих. Разногласие начиналось лишь там, где заходила речь *о путях и способах такого содействия.* «Экономисты» плохо выяснили себе *роль «революционной бациллы»* в процессе массового движения пролетариата [1]). Их противникам эта роль представлялась с гораздо большей ясностью. Полемика между этими двумя направлениями социал-демократической мысли была неизбежна и плодотворна. Но даже в самый сильный разгар этой полемики ни одна из сторон не помышляла *о возврате на старую точку зрения партии Народной Воли,* так решительно осужденную предыдущей историей нашего движения. Товарищ Ленин во всяком случае стоит дальше от этой точки зрения, чем кто бы то ни было. Ведь автор брошюры находит, что Ленин преувеличивает значение сознания в революционном процессе. Какой же смысл может иметь этот упрек в применении к Ленину, как к социал-демократу? О *чьем сознании, о сознании какого класса* может говорить здесь Ленин, в качестве члена *социал-демократической* партии? О сознании пролетариата и *только* об этом сознании. Чем большее значение придает этот товарищ *сознательности, тем более* усиленного *воздействия на умы рабочих требует он от нашей партии* и тем резче расходится он с народовольцами, которые, — как нам уже известно, — говорили устами г. Тихомирова, что *рабочий, способный к классовой диктатуре, у нас почти не существует, и что, стало быть, политической власти ему не доставить* [2]). Автор брошюры и сам чувствует, что

---

[1]) Говоря это, я имею в виду собственно *теоретиков* «экономизма», которые договаривались до выводов, совершенно несогласимых ни с основными положениями марксовой исторической теории, ни с общепризнанными задачами международной социал-демократии. Но «экономисты», занимавшиеся *практическим делом,* нередко играли ту самую роль «революционной бациллы», которая осуждалась теоретиками, и потому имели благотворное влияние на рост рабочего движения. Я думаю, что уже пора отдать им эту справедливость.

[2]) Приведу здесь выписку из брошюры одного *народовольца,* очень не двусмысленно отвечающую на вопрос о роли масс в революции. Споря с Драгомановым который высказал ту мысль, что *открытое нападение*

тов. Ленин ушел от народовольцев гораздо дальше, чем даже «экономисты». Потому-то он и находит, что «общая точка зрения» экономистов более правильна, чем точка зрения тов. Ленина. А когда он прибавляет далее, что экономисты делают из своих более правильных «основных посылок половинчатые, а потому и неверные практические выводы», то это лишь значит, что, по его мнению, взгляд экономистов все-таки может при известных условиях быть соглашен с «народовольством», а взгляд тов. Ленина — *никогда*. С какой же стати он вздумал приводить брошюру этого последнего в доказательство той странной мысли, что споры марксистов с народовольцами основывались на «недоразумении?» Хорошо недоразумение!

Вообще в высшей степени странно рассматривать спор сторонников «Зари» и «Искры» с «экономистами» как признак, указывающий на приближение части русских социал-демократов к народовольческому взгляду на политическую борьбу. Мы уже знаем, что в самой народовольческой среде *существовало много очень различных*, — и прямо таки несогласимых между собою, — взглядов на отношение «*политики*» к социализму. Знаем также, что при всем разнообразии этих взглядов им свойственна была одна общая отрицательная черта: *ни один из них не устранял бакунинского противоположения социализма* политике, унаследованного от западно-европейских утопистов. Но именно в виду этой общей им всем отрицательной черты и немыслимо надеяться на то, что социал-демократы могут, оставаясь *социал-демократами*, — усвоить себе одну из разновидностей *народовольческого* решения политического вопроса. Совершенно наоборот! Чем луч-

на правительство было бы желательнее «*террористических*» действий, этот народоволец говорит: «Что Вы хотите сказать своим «открытым нападением?» Если здесь нужно видеть массовую революцию, то считаете ли Вы возможным и резонным (sic) поднять русских простолюдинов на борьбу из-за политической свободы — при их исторической оторванности от интеллигенции, при их жизни впроголодь и тяжелой борьбе из-за куска хлеба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, как политическая свобода! — Но тогда неужели трудно понять, что все ваши «гражданские и военные люди», все «народы» сводятся в сущности к интеллигенции? Она, эта интеллигенция, обязана — да «обязана» — вынести на своих плечах политическую свободу в Рссcии, пользуясь террором, как средством». (Тарновский, «*Терроризм и Рутина*»).

ше будет сознавать наша социал-деомкратия свою историческую роль и свою ближайшую практическую задачу, тем дальше будет уходить она от политических взглядов как народовольцев, так и всех вообще наших революционеров семидесятых годов. И смешно было бы высказывать какие-нибудь сантиментальные сожаления на этот счет. Социальная революция девятнадцатого столетия должна смотреть не назад, а вперед, сказал Маркс в своей книге: «*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*». Неужели мы теперь, в двадцатом веке, станем думать иначе?

Очень грешат против исторической истины те летописцы нашего движения, — к их числу принадлежит и автор разбираемой брошюры, — которые, отмечая полемику «*Зари*» и «*Искры*» с «экономистами», восклицают: наконец-то русские социал-демократы заговорили о политической борьбе. В действительности, наша социал-демократическая литература говорит об этой борьбе с самого своего возникновения: в доказательство опять сошлюсь на *первую* русскую социал-демократическую брошюру «*Социализм и политическая борьба*». Правда, теперь вошло в моду говорить, что брошюры, подобные только что названной, писались *эмигрантами,* и что, поэтому, высказанные в них взгляды нельзя признавать взглядами *действовавших* в России социал-демократов. Поэтому я сошлюсь еще на издание, выходившее в России. Во втором № «*Рабочего», — газеты партии русских социал-демократов», выходившей в Петербурге в 1885 г.,* — один из сотрудников говорил, обращаясь к русским рабочим: «вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от *экономической эксплоатации,* а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас, — пока еще бесправных обывателей, — свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы* (курсив в подлиннике). И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой; что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга. — Каждый из вас одновременно является и эксплоатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому, и все вы в совокупности, весь русский рабочий класс, должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Он должен одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его гос-

подами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве».

Эта последняя фраза, будучи взята отдельно, может пожалуй навести на ту мысль, что цитируемый мною сотрудник советовал рабочим стремиться к тому, чтобы момент *падения абсолютизма* совпал у нас с моментом *социалистической революции*. Но это было бы совершенно неосновательное предположение. Далее в статье прямо говорится, что политическая борьба поведет к завоеванию *политической свободы*, которая в свою очередь облегчит рабочему классу дело организации его сил для *социальной революции*. Словом, и с этой стороны взгляд, высказываемый в статье, вполне совпадает как со взглядом, изложенным в брошюре: «Социализм и политическая борьба», так и с нынешним взглядом «*Зари*» и «*Искры*». Если читатель вспомнит, что эта статья была напечатана в социал-демократическом органе, выходившем не заграницей, а именно в России, то он согласится, что мысль о политической борьбе не так нова действующим на родине русским социал-демократам, как это кажется некоторым пристрастным летописцам нашего движения. Цитируемая мною статья — «*Современные задачи русских рабочих*», письмо к петербургским рабочим кружкам, — подписана, правда, Г. Плеханов, т.-е. принадлежит человеку, бывшему тогда уже *эмигрантом*. Но если этот эмигрант писал в газету, выходившую в России, и если эта газета печатала его статьи, то значит, его действовавшие на родине товарищи были согласны с его политическими взглядами и, следовательно, были чужды «*экономизма*», а это и требовалось доказать.

«*Экономизм*» явился лишь впоследствии. Он был вызван стремлением поскорее приобрести широкое влияние на массу. Это стремление не сопровождалось, к сожалению, верным пониманием роли революционного меньшинства в деле выработки классового самосознания пролетариата. Но безусловная необходимость выработки этого самосознания, — т.-е. именно *классового* самосознания рабочих, — вполне признавалась экономистами. И это ставит их бесконечно выше всех тех, будто бы социалистических, героев революционной фразы, которым хотелось бы теперь перевести наше движение на *внеклассовую точку*.

Чтобы говорить об «эволюции социалистической мысли в России», надо знать факты, относящиеся к ее истории лучше, чем

знает их наш автор, а кроме того надо перестать смотреть на новейший *социал-демократический* период этой эволюции сквозь очки народовольства: народовольство отжило свое время.

Да, время народовольства прошло! Но еще Герцен справедливо заметил, что «идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой» и даже могут «как Христос, еще раз-два показаться своим адептам»; идея народовольства показывается теперь и ходит с клюкой на столбцах «*Революционной России*». Она принимает там пока вид народовольства *тихомировского согласия* [1]). Кто пожелает узнать, откуда черпает свою мудрость автор — единоличный или коллективный — печатающихся в этом органе статей *о программных вопросах,* тому я рекомендую прочитать статью Тихомирова «*Чего нам ждать от революции?* [2]). Эта статья убедит его в том, что гг. «социалисты-революционеры», восставая против марксистской «догмы», умеют лишь *рабски повторять «догму» народовольцев.* В статье г. Тихомирова читатель найдет и рассуждения о нашем «крестьянско-рабочем классе» [3]), которые разогреваются теперь «*Революционной Россией*» под видом той мысли, что крестьянство принадлежит к одному классу с пролетариатом; он встретит там и чрезвычайно поучительные размышления о том, какие задачи предстоит взять на себя нашему будущему «правительству социалистов-революционеров» [4]). Он увидит там те же ссылки на сознание «народом» своего права на землю [5]) и те же утопические надежды на «*ассоциации*» [6]). Наконец, его поразит там то же самое отсутствие всякой попытки серьезно анализировать экономические отношения России, которое мы привыкли встречать в программных статьях органа «социалистов-революционеров». И тогда он убедится, что единственный вывод, делаемый «социалистами-революционерами» из истории нашей социалистической мысли, состоит в том, *что эта мысль должна вернуться назад, к тому, что уже было и быльем поросло,*

---

[1]) Говорю *пока,* потому что не хочу поручиться за будущее.

[2]) Напоминаю, что она напечатана во второй книжке «Вестника Народной Воли», вышедшей в Женеве в 1884 году. Ответом на эту статью явилась моя книга «*Наши разногласия*».

[3]) «Вестн. Нар. Воли», кн. 2, стр. 247.

[4]) Там же, стр. 255.

[5]) Там же, стр. 251.

[6]) Там же, стр. 258.

т.-е., другими словами, что в идейном отношении люди этого направления являются настоящими *реакционерами,* вследствие чего кличка *социалистов-реакционеров* подходит к ним гораздо больше, чем та, которую они себе почему-то присвоили.

В одном из приложений к книге Туна печатается русский оригинал моей статьи *«О социальной демократии в России»,* написанной в 1893 г. для польского издания книги Туна. В этой статье я высказывал твердую уверенность в том, что возврат нашей революционной мысли на ее старые теоретические позиции стал уже совсем невозможным. Наши социалисты-реакционеры, повидимому, показывают своим примером, что я ошибся: их орган именно старается воскресить наши старые революционные теории, подпирая их клюкой фальшивых ссылок на разные западно-европейские авторитеты. Признаюсь откровенно, я не ожидал, что часть нашей революционной читающей публики согласится когда-нибудь довольствоваться этими разогретыми духовными яствами. Но моя ошибка на самом деле не так велика, как может показаться с первого взгляда. «Разогретые блюда *«Революционной России»* охотно потребляются только тою частью нашей читающей публики, которая, по той или другой причине, не умеет или не хочет стать на *классовую точку зрения.* А это — часть *отсталая.* И именно это обстоятельство наглядно показывает, что *действительно революционные и действительно социалистические элементы нашего движения навсегда переросли детский костюмчик нашего «социализма» времен партии Народной Воли.*

Кстати о моей статье, печатаемой в приложении и написанной еще в 1893 году. Там мне пришлось высказать несколько таких мыслей, — напр., мысль о том, что *пропаганда* должна быть неразрывно связана с *агитацией,* о том, что мы, социал-демократы, не имеем никакого права забывать о крестьянах, о необходимости строгой организации революционных сил и т. п., — которые впоследствии подносились мне и моим ближайшим товарищам, и не только социалистами-реакционерами, но, к сожалению, также и некоторыми социал-демократами, — как нечто для нас совершенно новое и нам неизвестное. Так пишут историю.

Наконец, мы перевели некоторые примечания П. Л. Лаврова к польскому изданию книги Туна. Мы нашли нужным сделать это потому, что иные из них содержат в себе заслуживающие внима-

ния фактические поправки, а остальные — именно те, в которых говорится об истории программы *«Вперед»*, — служат ответом Туну, изложившему эту историю не без значительной примеси иронии. Нас не удовлетворяет этот ответ П. Л. Лаврова. Но мы все таки сочли себя обязанными довести его до сведения наших читателей: Audiatur et altera pars!

Мое предисловие уже приняло очень большие размеры, а между тем я не сказал еще очень многого из того, что следовало бы сказать по поводу истории нашего движения. Это показывает между прочим, что книга немецкого профессора оставляет неразрешенными не мало спорных вопросов этого движения. Русский товарищ, о котором Тун говорит в своем предисловии, помог ему, по его собственным словам, понять внутреннюю связь событий. Но этот товарищ не мог написать за него же предпринятую им историю. Да и сам он переживал тогда переходный момент своего революционного развития, мешавший ему с полной ясностью определять значение революционных событий в нашем отечестве.

Март 1903 года.

Г. Плеханов.

I.

Взгляд на революционное движение

до 1863 года.

Русское революционное движение имеет свой, если можно так выразиться, доисторический период, заканчивающийся 1855 годом, с которого начинается его история, длящаяся еще и в настоящее время.

Первый период с своей стороны распадается на две эпохи, которые отделяются друг от друга военным восстанием 14 декабря [1]) 1825 года.

Тайные политические общества существовали в России уже в прошлом столетии; они прикрывались обыкновенно религиозными целями и принимали таинственные формы масонских лож. В последние годы царствования императрицы Екатерины II на них стали *посматривать* косо, подозревая в революционных замыслах. Начались преследования масонов, из которых всех больше пострадал Новиков. Русские революционеры чтят за это память своего предшественника [2]). Вскоре затем наступило либеральное царствование Александра I, воспитанника якобинца Ла-Гарпа. Конституционные идеи потеряли на время противозаконный характер, так как сам царь выразил им свое сочувствие. В то же время поэзия Пушкина будила общественную совесть, подымала нравственный уровень общества и внушала надежды на лучшее будущее. Эта поэзия

---

[1]) Должно заметить раз навсегда, что все указания чисел сделаны по русскому старому стилю.

[2]) В этой главе я следую «Воспоминаниям русского декабриста» (Розен), стр. 3-4, и изложению «одного русского» у Лавиня, стр. 85 и след.

и запрещенные стихотворения Рылеева, составляющие рукописную литературу того времени, закончили популяризацию либеральных идей 1789 г.

Заграничные походы заставили дворянскую молодежь ближе познакомиться с тою культурою, которую до тех пор она знала только понаслышке. Среди этих чуждых отношений, так мало схожих с родственною действительностью, многие русские офицеры стали обсуждать дела своей родины с новой точки зрения.

Наиболее здоровые элементы гвардии жадно всасывали идеи гражданства, свободы и конституционных прав и возвратились домой с твердым намерением «перенести Францию в Россию». В 1815 г. возникло литературное общество «Арзамас», в следующем—первое политическое, а в 1817 г.—под влиянием Пестеля—первое тайное общество. Вначале либералы надеялись достигнуть своей цели в согласии с императором, но, когда его политика приняла резко реакционное направление и в 1822 г. были закрыты все масонские ложи, среди офицеров начали сильно распространяться тайные общества, из которых наиболее значительную роль играли: северный и южный союзы и союз соединенных славян [1]). По своим целям движение было политическим: одни домогались учреждения федеральной республики, другие конституционной монархии.

Средством является военный бунт; организация носила характер якобинского заговора. Внешним поводом к восстанию послужило 14 декабря 1825 г., день, когда Петербургские войска, только что присягавшие императору Константину, должны были вновь присягать Николаю I, вступившему на престол вместо отрекшегося брата. Но в решительный момент выбранного диктатором князя Трубецкого нельзя было нигде найти, недоставало систематического руководства; первые же залпы картечью рассеяли возмутившихся солдат. Впрочем, раньше или позже эта попытка либералов во всяком случае закончилась бы неудачей, потому что движение распространялось исключительно среди небольшой части привилегированных классов и политические требования заговорщиков не находили

---

[1]) О слиянии двух последних обществ смотрите записки Горбачевского в Русском Архиве за 1882 г. Рецензия относительно этих записок помещена в «Вольном Слове» №№ 52 и 53.—«Соединенные Славяне» первоначально имели в виду лишь систематическую пропаганду в войске, но были увлечены более пылким Южным союзом.

еще никакого отклика в народе. В своем юношеском воодушевлении декабристы были непоколебимо преданы своим предводителям — людям даровитым, но обращавшим мало внимания на фактические отношения общественных сил. Пестель, Рылеев, С. Муравьев, М. Бестужев и Каховский были повешены, 116 человек приговорены в Сибирь, на каторгу или на поселение.

Отныне тяжелая рука Николая налегла на все проявления русской жизни [1]). Вначале Пушкин был единственным человеком, поддерживавшим надежду на лучшее будущее и обнаруживавшим мужество свободного гражданина. Но и он был побежден, благодаря с одной стороны милостям императора, а с другой — отвращению к окружавшим его современникам. Лермонтов дал поэтическое выражение тому чувству отчаяния, которое охватило в то время мыслящих русских людей. Но возмущенный дух нации не заглох, он искал и нашел свое выражение в поэзии и критике.

Развилась та сатирическая струя, которая заметнее у русских, чем у какого-либо другого народа. В форме сатирического романа и комедии нравов «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова нападали на самые основы официальной цивилизации в России. Осмеивалось и бичевалось все подкупное чиновничество, продажное судейское сословие, бесчестная администрация. «Социальная патология русского общества» была написана. Лишь в замаскированной форме могла пресса внушать читателям также и либеральные идеи, развив до совершенства печальное искусство скрывать свои настоящие мысли между строчками. В конце 30-х годов проникло в Россию влияние Гегеля; и гегельянец Станкевич с необыкновенной проницательностью привлек в свой гостеприимный московский дом молодых людей, позднее сделавшихся руководителями общественной жизни в самых различных областях. Здесь можно было встретить превратившихся впоследствии в славянофилов Аксакова, Хомякова вместе с будущим консерватором Катковым и будущими вождями социалистической эмиграции: Бакуниным, Герценом и Огаревым, увлекшимися в то время учением Сен-Симона и Фурье. К этому же распавшемуся в 1840 году кружку принадлежали два деятеля, оказавшие огромное влияние на развитие освободительных идей в России. Это были:

---

[1]) По «изложению русского» у Лавиня, стр. 98 и следующие.

Белинский, неоспоримый властелин в области критики реалистического направления, и Грановский, действовавший с кафедры на молодежь в либеральном духе. Надо однако сказать, что выросшая в 40-х годах оппозиция была исключительно пассивною: существовало молчаливое взаимное понимание, но никто не отваживался протестовать открыто [1]). При полной невозможности действовать, недовольным ничего не оставалось делать, как только рассуждать. Во многих городах России: С.-Петербурге, Москве, Ростове на Дону, Тамбове, Костроме, Ревеле, даже в Сибири — в кружках единомышленников шли беседы не только о литературе, но и о политических и социальных вопросах; говорят даже, что существовало одно женское литературное общество. Новейшая политическая и социалистическая литература не оставалась для них неизвестною. Сен-Симон, Фурье, Луи-Блан, Прудон, Оуэн, всевозможные сочинения и газеты выписывались, перечитывались и обсуждались в этих кружках, где теперь участвовали не одни гвардейские офицеры и чиновники министерств, а также воспитатели, учители и т. д. Под влиянием современной литературы, рядом с либерализмом выступил уже социализм: впрочем, этот последний составлял лишь отдаленную цель единичных личностей; ближайшая же задача заключалась в самообразовании членов, связанных между собою не формальной организацией, а лишь дружбой и постоянным общением; все дело ограничивалось идеями и намерениями. Но это казалось опасным, и в марте 1848 г. был сделан донос на чиновника министерства иностранных дел Петрашевского, у которого каждую пятницу по вечерам собиралось общество. В течение целого года шпион 3-го отделения следил за этим и подобному ему обществами; наконец, 23 апреля 1849 г. были арестованы 33 человека, из которых 21, — большею частью молодые офицеры и чиновники, — были приговорены к смерти, но «помилованы» на каторгу или отданы в солдаты. Число сочувствующих их идеям и намерениям в С.-Петербурге доходило, как говорят, до 100 человек; но, к счастью, они вели разговоры без участия шпионов. После подобной драконовской кары идей и планов воцарилось полное безмолвие, длившееся до конца Николаевского царствования. Однакож, в последние годы управле-

---

[1]) Хорошо и коротко изображает литературные течения того времени Пололинский в «Reforme», 15 сент. 1879 г.

ния этого императора все чувствовали, что долго так продолжаться не может. С восшествием на престол Александра II идеи политической свободы и социалистического равенства получили сравнительно свободный доступ в русское царство, но, встретившись с неизбежными преследованиями со стороны правительства, скоро перешли на революционный путь. Историю, к изложению которой мы приступаем теперь, удобнее всего разделить на 4 эпохи. Первая, характеризуемая влиянием публицистической деятельности Герцена и Чернышевского, начиная с 1855 г., обнимает время подготовительных работ к упразднению крепостного права и наступившего затем разочарования; она оканчивается польским восстанием 1863 года. За нею следует вторая эпоха, когда со стороны демократов и либералов была сделана честная попытка идти вместе с реформаторским правительством, а в области революционного движения было затишье, лишь отчасти нарушенное заговорами Ишутина и Нечаева и покушением Каракозова. С началом 70-х годов, — с 1872 г. приблизительно, — наступает 3-й период социалистической пропаганды многочисленных мелких кружков, сперва мирной, затем, с 1875 г., перешедшей в революционную агитацию. Наконец, с 1878 г. совершается полный поворот в движении: на первый план, вместо социализма, снова выступает политика, децентрализованные мелкие кружки вытесняются строго дисциплинированным обществом с исполнительным комитетом во главе и место мирных средств занимает террор, то есть систематическое цареубийство. Для подобного и самостоятельного изложения двух первых эпох, так называемого нигилизма, мне недостает, как было замечено в предисловии, необходимой подготовки, и очерк их я вынужден составить большею частью на основании второстепенных источников. Напротив того, 3-ю и 4-ю эпохи социализма и терроризма (1872-78-82) я попытаюсь изобразить по возможности подробнее на основании доступных мне сочинений.

Еще во время Крымской войны Ал. Герцен вместе со своим другом Огаревым основал в Лондоне первую вольную русскую типографию [1]). Отсюда приветствовал он в своем знаменитом письме всту-

[1]) Сравн. Eckardt'a: «Jungrussisch und Altlivländisch» главы о «Новой эре в России» и об «А. Герцене». В существенном я следую этим статьям до конца настоящей главы.—Сверх того: «Лекции по истории России», 1855-78, Прага, т. 3 и 4.—«Сытые и голодные».

пившего на престол Александра II. Он требовал искупления за те бедствия, какие отец императора причинил всему народу, полного разрыва с бессмысленной системой рабства и безмолвия, требовал мира с либеральными идеями, но прежде всего упразднения крепостного права, как предварительного условия всякого будущего соглашения между народом и царем. Благодаря газете «Колокол» и журналу «Полярная Звезда», Герцен приобрел над общественным мнением в России такое влияние, каким не обладал до того времени ни один из писателей. Он нашел настоящие слова для выражения мыслей, как кошмар давивших народную душу, которых никто не отважился высказать с такой свободой, как этот смелый эмигрант. Деспотизм Николая I не допускал никаких партий, никакого общественного мнения, поэтому в России не оказалось ничего, что могло бы противодействовать смелому слову Герцена или соперничать с его газетой. Все слепо верили Герцену; самые важные государственные тайны обсуждались открыто в его листке и имена агентов, посылаемых в Лондон следить за Герценом, опубликовывались в газете раньше, чем те успевали высадиться на английский берег. Деятельность Герцена была, главным образом, обличительною и критическою; в то время это было большой заслугой, и «русский Вольтер» сделал очень много для нравственного осуждения существующей системы. По своим положительным стремлениям он был социалистом старой школы; старой Европе и своему собственному отечеству он рекомендовал русскую общину, открытую немцем Гакстгаузеном; подобно Руссо, единственно здоровым элементом он считал крестьянство; по его мнению, крестьянство должно быть освобождено, его интересы должны получить преобладающее значение в стране; остальное же относительно будущего должно быть предоставлено счастливому инстинкту народа. Политический идеал Герцена был тот же, что у декабристов — федеральная славянская республика с независимою Польшею. Первоначально Герцен писал в «Колоколе» в умеренном духе, он возлагал большие надежды на добрую волю молодого монарха и отстаивал освобождение крестьян с достаточным наделом земли. Лишь разочарование, наступившее вслед за обнародованием положения о крестьянах, и личное влияние его друга Бакунина, бежавшего из Сибири и прибывшего в Лондон в январе 1862 г., толкнули его на более радикальный путь.

Между тем в самой России освобожденная до некоторой степени пресса овладела накопившимся громадным материалом и начала подвергать его обработке. С одной стороны, так называемая обличительная литература в сатирических произведениях направляла свои неотразимые удары против отживавших порядков и разлагающихся привилегированных классов. Щедрин и некоторые другие писатели достигли в этом отношении истинной виртуозности. В то же время Решетников, Глеб Успенский и Некрасов изображали в прозе и стихах бедственное положение народа. Образовалось то реалистическое и пессимистическое направление в литературе, которое во многих случаях совершенно жертвовало тенденции красотою. С другой стороны, пресса старалась познакомить публику с запрещенными до этого времени западно-европейскими идеями и научными завоеваниями, с атеизмом и современным естествознанием.

Руководителем этого литературного движения являлся «Современник», главные сотрудники которого, Чернышевский и Добролюбов, проводили в журнале демократические и социалистические идеи, конечно, в цензурной форме. Эти два писателя оказали могущественнейшее влияние на развитие русской молодежи. Строго-последовательный критик Добролюбов (умерший в 1861 г. от чахотки, на 24 году) разрушал в ее глазах все старые кумиры. Чернышевский (родился в 1829 г.), писатель энциклопедически образованный, растолковывал своей невежественной публике в многочисленных очень популярных и поэтому растянутых статьях результаты европейской науки, не развивая в социально-экономической области никаких оригинальных идей. Он был демократом и социалистом в смысле школы Сен-Симона и Фурье. Решительное практическое значение имел написанный им в тюрьме роман: «Что делать?». Это изображение русской молодежи в эстетическом отношении поистине чудовищно, растянуто, скучно. Но написанный как бы в противовес Герценовскому «Кто виноват?» и Тургеневским «Отцам и детям», роман давал в цензурной форме положительную программу молодого поколения, указывал направление его развития. Следует отметить также громадное личное влияние, которое молодые писатели «Современника» оказывали на окружавшую их молодежь, несмотря на то, что Чернышевский был больше кабинетным ученым, чем практическим революционером.

Все «либералы», как с социалистическим оттенком, так и чистые демократы, питали вначале полнейшее доверие к доброй воле молодого монарха, который сам взял на себя инициативу освобождения крестьян и выступил так энергично в Москве против нерасположенного к реформам дворянства. Все либералы принимали участие в критике существующих учреждений и старались на свой манер содействовать установлению нового порядка. Социалисты явились при эмансипации представителями исключительно крестьянских интересов и добивались осуществления главным образом трех требований: личной свободы крестьян, обязательного наделения их, даром или за умеренное вознаграждение, всею землею, какою они пользовались до освобождения, и, наконец, сохранения общинного землевладения, в котором социалисты видели зерно будущего социалистического устройства. Чернышевский принял лично живейшее участие в подготовительных работах эмансипации, много вращался среди либеральных и влиятельных членов комиссии, которым поручена была выработка положения об освобождении; он же поставил на обсуждение вопрос об общинном владении и написал ряд статей о размерах наделов и выкупных платежей.

Рядом с представителями прессы либеральные помещики старались оказывать влияние на ход законодательных работ. Между тем освобождение крестьян проходило вполне бюрократическим путем до такой степени, что когда в С.-Петербург были призваны представители дворянства, то от них потребовали только письменных ответов на поставленные вопросы и даже не допустили устраивать публичные собрания. Возмущенные этим дворяне задумали обсуждать вопрос об эмансипации на предстоящих дворянских собраниях, но это тоже было запрещено, а когда, вопреки запрещению, тверское собрание начало обсуждать вопрос, то предводитель дворянства был выслан за подобное попустительство. Эти меры увеличивали недовольство; стали говорить, что после уничтожения силы дворянства царскому деспотизму не останется никакого противовеса (которого впрочем не было и при Николае). Было произнесено слово «конституция», и некоторые дворянские собрания дошли даже до маленьких демонстраций; так, например, владимирское собрание в адресе царю констатировало, что исполнение законов по большей части зависит от произвола, между тем как оно должно быть регулиро-

вано законом; так как в виду предстоящих собраний подобных адресов можно было ожидать также и из других губерний, а продолжать раздражать дворянство казалось неуместным, то государь удовольствовался тем, что приказал сделать выговор предводителю дворянства [1]).

Между тем молодежь в городах видела свою задачу в образовании народа, в обучении его разным элементарным предметам и естествознанию. По примеру С.-Петербурга во всех значительных городах России образовались по частной инициативе воскресные школы, в которых молодые учители, студенты и гимназисты старших классов с воодушевлением и усердием взялись за преподавание. Основание воскресных школ сделалось манией молодых людей. Однако у одних этот социально-политический энтузиазм скоро выдохся сам собой, другим их деятельность затрудняла администрация, обязав, например, хозяев мастерских посылать своих учеников в воскресные школы не иначе, как «хорошо одетыми», и через три-четыре года школы покончили свое существование. Впрочем, они прошли не бесследно: в Петербурге даже среди гвардейских полков был констатирован подъем образования. Именно в этом городе названное движение имело неоспоримое значение, так как во главе дела стали некоторые радикальные писатели, решившиеся вести в школах пропаганду своих идей [2]).

Таковы были попытки «либеральной партии», насколько я мог коснуться их в этом беглом очерке; идеи ее были революционны, а их выражение устное и печатное принимало подчас довольно буйный характер [3]). Но употребляемые ею средства оставались вполне мирными. В среде либералов все еще жила надежда на исполнение их желаний самим царем. Но в кругу наилучше осведомленных лиц начало возникать сомнение в доброй воле и способности царя провести крупные реформы в желательном направлении, и это сомнение нашло подтверждение в том факте, что по смерти либерала Ростовцева председателем редакционной комиссии был назна-

[1]) Лекции по истории России, 1. с.

[2]) Eckardt, 1. с.

[3]) Здесь у автора смешение «либералов» с «радикалами». Идеи «либеральной партии», к которой следует отнести Кавелина, никогда не были «революционны» и не носили «буйного характера». *Прим. редакции.*

чен в феврале 60 г. граф Панин — реакционер и представитель помещичьих интересов. Из носящего автобиографический характер произведения Чернышевского[1]) ясно можно видеть, как он постепенно терял веру в удовлетворительное решение стоявшего на очереди вопроса, и из кружка его приближенных, может быть, от него самого (это еще не установлено) вышло то открытое письмо в «Колоколе» от 1 марта 1860 г., которое упрекает Герцена в слишком большом оптимизме. Скоро Александр II, говорит автор письма, покажет зубы Николая; в политике надежда имеет значение золотой цепи, которая может скоро превратиться в оковы. Только топор и не что иное может помочь России. «Колокол» должен призывать не к молитве, а к восстанию. Герцен отказывается от такого рода деятельности. По его словам, царь дал некоторую свободу по сравнению с прежним временем, следовало бы подождать, пока вопросы более выяснятся. Не следует хвататься за топор, пока остается хоть какая-нибудь разумная надежда на мирное решение. Июньские дни, говорил Герцен, оставили в нем отвращение к кровавой революции. Из этой переписки очевидна разница между Герценом и рвущейся уже к «делу» молодежью; с этого времени его влияние на последнюю, при полной невозможности личного общения, стало быстро падать.

19-е февраля 1861 г. принесло, наконец, решение крестьянского вопроса, но решение это было не то, какого требовали социалисты. Крестьяне получили далеко не всю находившуюся в их пользовании землю, во многих местах она была значительно урезана в пользу помещиков, и эти урезанные наделы не только не были безвозмездны, но оброки и выкупные платежи оказались так высоки, особенно в северной и средней полосе России, что далеко превосходили доход от земли. Правительство ссудило крестьян выкупной суммой и брало с них за это проценты на капитал и на погашение долга. Ради успеха этой операции крестьяне были лишены свободы передвижения, так как иначе они могли бы побросать свои наделы и выселиться в степи. Таким образом земледельческое население России осталось попрежнему прикрепленным к земле, и с течением времени действительно появились в больших или меньших размерах все те экономические бедствия, которые

---

[1]) «Пролог пролога», 1877 г.

предвидели радикальные писатели и от которых они своевременно предостерегали. Не такой воли желали и ожидали и сами крестьяне; землю, находившуюся до сих пор в их пользовании, они считали собственностью общин и представляли себе волю, как простое освобождение от всех личных денежных повинностей помещикам. Вместо этого количество их общинной земли было уменьшено, а на них самих наложены платежи, превосходящие прежние повинности. Поэтому было не трудно подложными манифестами и вымышленными слухами уверить народ, что царь отдал ему всю землю даром, но помещики мешают исполнению его законных предписаний. Этим объясняется, что крестьянину Антону Петрову, в деревне Бездна, Казанской губ., удалось выдать себя за самого царя, преследуемого боярами (традиционная русская идея), и в короткое время собрать вокруг себя несколько тысяч человек. Собравшаяся толпа была безоружна и не организована, — нужна была зверская жестокость генерала Апраксина, чтобы решиться дать по ней несколько залпов, положивших на месте множество крестьян убитыми и ранеными. Подобные же беспорядки происходили и в других губерниях.

Положение 19 февраля 1861 года вырыло глубокую пропасть между радикальными *социалистами* и правительством. В том же году к крайней оппозиции примкнула значительная часть студенчества. Министр народного просвещения выработал и опубликовал летом 1861 года устав, по которому у студентов отнимались все те вольности, которыми они фактически пользовались (право сходок, право иметь кассы вспомоществования, библиотеки и т. д.), и возвышалась плата за право слушания лекций с целью ослабить наплыв студентов[1]). Едва в сентябре собралась университетская молодежь, как началось волнение, и дело дошло сначала в Петербурге, а затем и в других университетах, до беспорядков, которые, благодаря бестактности и жестокости властей и возбужденному состоянию студентов, окончились усмирениями, при которых оказывались даже раненые, множеством арестов и строгими наказаниями. При таких условиях М. Михайлову легко было вызвать своим пламенным воззванием энтузиазм «молодого поколения», склонить его к своей радикально-политической и социалистической

---

[1]) Eckardt, l. c.

программе и приобрести среди молодежи множество единомышленников. Этот успех он искупил затем шестилетней каторгой и смертью в Сибири.

Не сидели сложа руки также и либералы. Тайное общество из офицеров, чуждых социализму, но настроенных в пользу конституции, устроило в здании генерального штаба тайную типографию, в которой печаталось периодическое издание «Великоросс» (вышло три №, с августа до ноября 1861 г.). В последнем № 3 помещен адрес к государю со следующими требованиями: наделение крестьян всей землей, находившейся до сих пор в их пользовании, без выкупных платежей; устранение злоупотреблений в управлении финансами, юстициею и полициею; созвание учредительного собрания и освобождение Польши от русского господства. Еще более оживилось движение, когда московское, тверское и смоленское дворянские собрания высказались за конституцию и послали в этом смысле адрес государю. Интересы самого дворянства вызывали в нем стремление к конституции, которая ограничила бы абсолютную власть правительства, сделавшуюся, с отменой крепостного права, совершенно безграничной. Таким образом, в начале 1862 года среди студенчества, среди социалистов и конституционалистов господствовало сильнейшее возбуждение, поддерживаемое отечественной и эмигрантской [1]) прессой и передававшееся постепенно другим слоям населения. Правительство не принимало еще никаких мер, когда в апреле из глубины этого брожения на поверхности вздулся и прорвался новый пузырь, обнаруживший наиболее крайние стремления. В кровавой прокламации к «Молодой России» какой-то «Центральный Революционный Комитет» объявлял, что «Колокол» Герцена не может больше считаться выразителем надежд и стремлений «партии», так как он возлагает слишком большие надежды на царя. Романовы, а в случае надобности и вся императорская партия должна своею кровью заплатить за несчастья народа [2]). Это воззвание появилось совсем не во время: в мае 1862 г. в Петербурге произошли громадные пожары, обратившие в пепел Апраксин двор и многие общественные здания. Кто был

---

[1]) Кроме Герцена, периодические издания выпускали в 1862 году Л. Блюмнер в Берлине и кн. Долгорукий в Брюсселе.

[2]) Напечатано в «Свободном Слове» Блюмнера, 1862 года, стр. 313 и далее.

виновником их, — неизвестно, кажется, и до настоящего времени. Эти происшествия дали правительству удобный повод начать преследование радикалов. Оно запретило «шахматный клуб» и «кабинет для чтения», в котором они собирались, закрыло воскресные школы, приостановило «Современник» и два других оппозиционных органа, ограничило свободу книгопечатания, а, главное, арестовало Чернышевского и многих других радикалов. Эти правительственные меры послужили сигналом к повороту в воззрениях некоторой части общества. Лишь теперь нашелся журналист, профессор М. Катков, который испросил от правительства позволение начать аттаку в своих «Московских Ведомостях» против Герцена и его «Колокола» [1]). Катков признал заслуги Герцена в деле возбуждения общественного мнения, но объявил вредной утопией его социалистические идеи. Правительственные репрессии имели однако и противоположные результаты. Тайные общества, безымянно существовавшие до того времени в Петербурге (одно даже с 1857 года), теперь объединились и, выпустив весной 1863 года брошюру под заглавием: «Что нужно народу? — Земля и Воля», назвали свое общество «Земля и Воля». Общество это существовало в Петербурге, а в других городах имело отдельных членов. Как велика была его численность — осталось тайной; органом его считалась «Свобода» (2 номера), на ряду с которой появлялись отдельные летучие листки, не имевшие однако широкого распространения. В Казани [2]) среди офицеров и студентов существовала местная организация. Прослеженные полицией ее члены были арестованы, и пятеро за распространение воззваний и ложных манифестов были подвергнуты смертной казни через расстреляние и повешение, четверо приговорены к 15-летней каторге, а многие другие — к более мягким наказаниям.

Но вот в 1863 г. совершилось событие, оживившее русский патриотизм и тем самым ослабившее на время социалистическое движение, как это случилось потом в Германии в 1870-71 гг. Этим событием было польское восстание, которому сочувствовали русские либералы, воображая, что руководство движением находится в руках «красных». Герцен, осаждаемый своими друзьями

---

[1]) Eckardt, l. c., стр. 81.

[2]) «Подпольное Слово», № 2, сообщения участника Элпидина.

и побуждаемый польскими адресами, высказался в «Колоколе» за восстание, а Бакунин, еще в 1847 году агитировавший в пользу восстановления польского государства, собрал добровольцев, чтобы ворваться с ними в Литву через Швецию. Петербургские студенты после первого выстрела в Варшаве выразили свое сочувствие Польше пением польских гимнов и панихидой по убитым. Общество «Земля и Воля» соединилось с тайным обществом, действовавшим среди квартировавших в Польше войск и имевшим в числе своих членов многих молодых офицеров и чиновников, между прочим Потебню [1]). Они не хотели участвовать в борьбе против Польши, считая ее усмирение лишь введением к порабощению их собственной родины, и намеревались даже, как только начнется восстание, обратиться против русского правительства. При переговорах русского комитета с польским, первый стремился обеспечить Украйну и Литву от польского владычества, предостерегал поляков от несбыточных надежд на параллельное революционное движение в России и выражал сомнение в успешности преждевременно начатого восстания. Предостережение оказалось вполне справедливым. Как известно, восстание было быстро подавлено. Потебня с товарищами, которые были слишком скомпрометированы, искали и нашли смерть, борясь под знаменем «Земля и Воля». Но не одни только социалисты-радикалы сочувствовали Польше, демократы и либералы тоже колебались в начале движения. Но в решительную минуту Катков сумел воспламенить патриотизм русских. Как и год тому назад, он яростно напал на Герцена и его направление. Он не отрицал прошлых заслуг Герцена, но объявил его цели недостижимыми а стремление поддерживать польское восстание и тем самым ослаблять Россию — величайшим безумством. Кто желает федерации всех славянских племен, тот не должен подкапывать единственной силы, способной освободить родственные племена. Русский человек не может быть заодно с польским восстанием, разжигаемым врагами Российской империи—Францией и Англией. Поляки к тому же всегда угнетали русских в Украйне и Литве. Теперь руководство восстанием перешло из рук красных в руки белых; Россия должна освободить народ от этих аристократов и поддержать крестьян, которые уже восстали против своих польских помещиков [2]).

[1]) «Сытые и голодные», стр. 192.—Герцен, посмертн. сочин.

[2]) Eckardt, l. c. стр. 100.

Победа Каткова была полная; в минуту опасности он сумел направить общественное мнение в пользу национального дела. Либералы начали ему вторить, и даже петербургские радикалы прервали сношения с поляками, когда руководство восстанием действительно перешло из рук красных в руки белых. Ведь дело шло теперь об освобождении крестьян западных губерний от аристократов!

II.

Затишье в революционном движении.

(1863 г. — 1872 г.).

Итак, в 1863 году радикальный социализм и польская революция были побеждены русским патриотизмом. Герцену унаследовал Катков [1]). После ареста наиболее энергичных членов, общество «Земля и Воля» распалось на несколько меньших кружков, которые, чтобы не компрометировать понапрасну людей, прекратили свою прокламационную деятельность; разносчики воззваний, составлявшие целую организацию, были распущены, и самые кружки умерли постепенно естественною смертью. Действуя в духе Каткова, твердившего, что «наши внутренние предатели опаснее внешних врагов», правительство продолжало до самого конца 1864 г. хватать предводителей движения в Москве, Петербурге и других городах и ссылать их в Сибирь [2]). Внутреннее

---

[1]) Eckardt, l. c.—Набат, 1878 г.

[2]) Важнейшею была ссылка Чернышевского. Он был обвинен в сочинении воззвания, которым помещичьи крестьяне призывались к восстанию. После двухлетнего дознания и следствия он был присужден, повидимому, на основании совершенно недостаточных данных, к 14 годам каторжных работ. Как велик был страх русского правительства перед его умственной силой, видно из того, что по истечении первой половины каторжного срока, согласно предложения гр. Шувалова в государственном совете, Чернышевский был лишен обычного облегчения участи. Этот человек, которого русские социалисты чтут как своего умственного отца и мученика, надломленный и больной, до сих пор содержится как заключенный в Якутской области. Остальные предводители радикалов отделались несколькими, более легкими карами. Показанию, будто бы «Земля и Воля» насчитывала в Петербурге несколько

устройство тогдашних, впрочем, немногочисленных тайных обществ осталось, благодаря хорошей организации, нераскрытым, несмотря на все расследования специальной следственной комиссии.

Гораздо действительнее всех этих насильственных мер были реформы, предпринятые Александром II. Вскоре за упразднением крепостного права последовало новое судоустройство, введение губернского и уездного земского самоуправления, реорганизация войска и финансов и многое другое. Реформаторские начинания правительства во всех областях общественной жизни встречали искреннюю готовность общества участвовать в этой работе, не покладая рук. Это было время честной попытки со стороны либералов примириться со склонным к преобразованиям правительством. Вместе с тем либеральная пресса получила более простора, а прямым последствием этого была потеря *запрещенной эмигрантской* печатью ее прежнего обаяния. «Колокол», расходившийся раньше в количестве 2.000 - 2.500 экземпляров, в 1863 г. едва распространялся в 500 и лишь от времени до времени цифра эта подымалась до 1.000. Издание могло продолжаться лишь с постоянным денежным убытком. Перенесение редакции в Женеву в 1865 году не могло помочь делу, и в 1868 г. Герцен заявил, что молодое поколение идет собственными путями и в нем более не нуждается; признавая этот факт, он прекращает свою деятельность. В январе 1870 г. Герцен умер в Париже. Бакунин весь отдался анархическому социализму и сделался революционером-космополитом, обращая внимание на русские дела лишь при случае. Не раньше 1869 и затем в 1872 - 73 гг. он снова принимает в них участие. Быстрый переход с вершины журнального могущества к тишине чисто литературной работы отозвался в сердце Герцена большою горечью. В своих посмертных сочинениях он с грустью задает себе вопрос, зачем был он так податлив по отношению к тем ярым «крайним», которые увлекли его на путь безвыходного радикализма и польского восстания, путь, бесплодность которого была ему ясна, как день? .. Он признается, что размышление и наблюдение всегда имели над ним безусловную власть в области теории, но далеко не

сот, а в провинции до 3000 членов, не верили ни Герцен, ни Огарев, ни Бакунин. Последний однако прибавлял со свойственной ему восторженностью: «во всяком случае их современем может быть столько».—Герцен, посмертные сочинения.

всегда на практике: с одной стороны, он был убежден, что нужно действовать так-то, а с другой — в нем вечно жила готовность поступить совершенно иначе. Эта нерешительность, эти колебания принесли ему в жизни много зла; все ошибки совершил он «contre coeur». Ложный стыд, чувство любви и дружбы брали в нем верх над логикой. Этим объясняется тот факт, что во время энергичных движений, переходивших от слова к делу, Герцен всегда шел на буксире бушевавших крайних, тогда как Бакунин, этот несломленный Сибирью всемирный бунтарь, становился предводителем. Делается понятным, почему между богатым, высокобразованным аристократом Герценом и молодым поколением должно было зародиться охлаждение, пожалуй даже более острое чувство антипатии, тогда как энтузиаст Бакунин, которому во всех концах земли уже мерещились огненные языки ожидаемого им сошествия революционного духа, мог брататься со всяким оборванцем и чувствовать к нему полнейшее доверие.

Отзывы Герцена о представителях «молодого поколения», посещавших его после неудач 1863 года, более чем неблагоприятны. Но так как эти отзывы принадлежат перу человека, стоявшего теоретически очень близко к этому поколению, с ними во всяком случае стоит познакомиться поближе [1]). Посетители Герцена были молодые люди с готовыми взглядами, с законченным развитием. Теоретические вопросы их не занимали, частью потому, что они на них не наталкивались, а частью потому, что для них дело шло исключительно о практическом осуществлении теории. Вследствие гибели своих тайных обществ они чувствовали себя разбитыми, но хотели спасти честь развернутого ими знамени. Отсюда нетерпеливое отвращение ко всяким долгим обсуждениям, ко всякой критике и подчеркнутое пренебрежение ко всякой духовной роскоши, в особенности к искусству. В иных случаях, отвлеченно говоря, они были правы, но, живя вне будничной борьбы личных интересов, они совершенно не считались с необходимостью привести свои идеалы в равновесие с действительностью. В первое время они заинтересовывали своими рассказами о Петербургских происшествиях, но тема быстро истощалась и разговор становился однообразным и скучным; гости умели только повторяться. Они не занимались ни наукой, ни какой либо практической деятельностью;

[1]) Посмертные сочинения, 1874 г., стр. 177 и след.

даже читали мало. Живя целиком в воспоминаниях о прошедшем и надеждами на будущее, эти люди не любили забираться ни в какие иные области. Им не хватало как того общего развития, которое дается хорошим воспитанием, так и содержательности, приобретаемой изучением науки. Они поспешили в первом упоении свободой откинуть все обычные формы общежития и тем затруднили самые простые отношения. Эти «enfants terribles» были отпрысками нездоровых элементов петербургского общества. Вместо атлетических фигур и юношеской силы в них замечались печальные последствия наследственной болезненности и худосочия. Лишь немногие вышли из народа, колыбель большинства помещалась в лакейской, в казарме, в семинарии, в мелкопоместной усадьбе. Реакция против узости подавлявшего молодое поколение мелкого склада жизни поставила его в противоречие со всем человеческим обществом. Всюду и во всем они отстаивали противоположность прошлому: «вы лицемеры, мы будем циниками!» «Вы всего вежливее по отношению к стоящим выше вас, — мы будем грубы со всеми. Вы раскланиваетесь, не уважая, мы будем наступать на ноги, не извиняясь!» Эта внутренняя нагота показала однако, кто такие, в сущности, были эти молодые люди. Их неотесанность не имела ничего общего с добродушною грубостью мужика, — это была грубость лакея или семинариста. Крестьяне также мало считали этих людей своими, как и славянофилов в русских поддевках. При этом, гости Герцена знали, по его мнению, лишь некоторые слои петербургского общества, но России не знали вовсе. Отношения с этими людьми еще более затруднялись их самолюбием и бесцеремонностью, не позволявшей им хоть сколько-нибудь скрывать свои претензии и свою ненависть. Они на всех глядели сверху вниз, даже и друг на друга, почему дружба их не длилась никогда более месяца. Они просили, правда, о выработке программ, но в сущности требовали лишь изложения их собственных воззрений. На Герцена и Огарева эти молодые люди смотрели, как на почтенных инвалидов, уже принадлежащих прошедшему. Ввиду всего этого новые связи скоро должны были порваться, в особенности, когда замешался денежный вопрос, на котором всего чаще разбивается дружба [1]). Не зная, какими средствами может Герцен располагать

[1]) L. c., 180 стр.—Также «Свободное Слово», 1882 г., № 46.

и какие жертвы он уже принес, они предъявили к нему совершенно невыполнимые претензии. Эти претензии перешли в требования, когда они услыхали, что некто Бахметьев доверил Герцену в 1885 году 800 фунтов стерлингов для целей революционной пропаганды. Это был молодой дворянин, нелепый фантазер в изображении Герцена[1]), отправившийся на Маркизские острова с целью основать там социалистическую колонию и пропавший без вести. Эти 800 фунтов стерлингов были истинным яблоком раздора: все хотели их заполучить, шло ли дело о посылке эмиссаров в Одессу, на Волгу или еще куда-нибудь. Герцен же денег не давал, выжидая возможного возвращения Бахметьева. Его стали считать поэтому старым скупцом. Герцен жалуется на угрозы, на распространяемые на его счет клеветы и заключает характеристику своих юных гостей восклицанием насчет русского чернозема, требующего усиленного дренажа.

Шестидесятые годы характеризуются, как время нигилизма[2]). Тургенев в своих романах изобразил нам последовательный ход умственного развития русского общества. В Рудине, которого живость ума и темперамента постоянно толкает на действия, для которых у него не хватает характера, Тургенев изобразил, говорят, молодого Бакунина. В «Отцах и Детях» (1862 г.) герой романа является нигилистом; но автор заставляет слишком рано умереть своего Базарова; иначе он с течением времени, вероятно, выработался бы в то, чем являются герои «Нови» (1877 г.)—в социалиста. Но что же такое — нигилист? Это нелегко определить. В действительности нигилизм до того перемешан с явлениями совершенно иного порядка, что выделить его очень нелегко; да и самому русскому уму недостает точности в определениях. Нигилизм становится понятным лишь при изучении общего хода развития России.

В момент крушения николаевской системы прогресс не мог являться ничем иным, как самой строгой критикой, абсолютным отрицанием и, наконец, уничтожением существующего порядка. Нужно было упразднить наследие николаевщины, сперва в религиозной и философской, затем в общественной и, наконец, в политиче-

---

[1]) Его же в совершенно ином свете изобразил Чернышевский в лице Рахметова. *Прим. ред.*

[2]) Смотрите превосходные замечания Подолинского «Le nihilisme en Russie»; также в «Подпольной России» Степняка, предисловие.

ской и экономической областях. К этому присоединилось то обстоятельство, что при господстве цензуры не было никакой возможности дать читателям понятие о какой-нибудь положительной системе иначе, как критикуя ее противоположность. Так например, чтоб доказать необходимость свободы в России, подвергали критике абсолютизм в Австрии. Таким образом, вся литература получала отрицательное направление. Точка зрения, из которой исходила критика, была смешанная: социализм и либерализм еще сражались рука об руку против николаевщины; в деле отрицания они были единодушны. «Современник» и его сотрудники тянули больше к социалистическому направлению, другие органы были в существе либеральны и индивидуалистичны. Польское восстание уничтожило более слабое социалистическое течение и привело в 60-х годах к господству индивидуалистического либерализма. Главным поприщем нигилизма была религиозно-философская область; здесь победа досталась ему легко. Русские образованные люди не были религиозны, и поп давно представлял из себя скорее комическую фигуру. Сочинения Фейербаха, Бюхнера, Молешотта, Дарвина, Бокля, Спенсера и Конта были переведены и популяризуемы в общественных статьях. Юношество вполне подпало влиянию атеизма и материализма. Второй областью, которою овладел нигилизм, была семья и положение женщины: дело шло о том, чтобы освободить детей от произвола родительской власти, а женщину от ее тяжелой доли и обязательного невежества. Удалось и это. Молодежь добилась значительной самостоятельности, девушки покидали родительские дома и шли в университеты...

Отождествление нигилизма с социализмом и терроризмом мне кажется грубейшей ошибкою. Это скорее такое же умственное движение, какое предшествовало во Франции великой революции и затем прошло через всю Европу. Нигилизм—нечто иное, как новейший взрыв материализма и демократизма с сильным пессимистическим оттенком, при этом без всякой внутренней оригинальности, так как его учение было целиком почерпнуто из западно-европейских литератур. Нигилисты были философами-просветителями и демократами России. Это двойники германских материалистов и прогрессистов, еще встречавшихся в 60-х годах, и их изображение в «Загадочных натурах» Шпильгагена было очень популярно в среде нигилистов. Самые ошибки нигилизма не оригинальны: он разде-

лил их с либерализмом и индивидуализмом всего мира, разница лишь в том, что в России это движение началось в самой резкой крайней форме, так как было искусственно задержано императором Николаем I, заковавшим всякую умственную жизнь в железные путы.

Нигилизм был революционен исключительно в умственной области; его оружие — литературная критика — было наимирнейшим в свете. Тем не менее не было недостатка и в «непримиримых», которые не могли мириться с правительством. Они утверждали, что все произведенные реформы не более, как дым, они не принесли народу никакой пользы, а крестьянству в экономическом отношении даже повредили; и вот, примыкая к тайным обществам 1861 - 1863 гг., частью даже состоя из прежних членов этих последних, образуется в 1865 году в Москве небольшой кружок вокруг Ишутина, Юрасова, Ермолаева, Николаева, Страндена и др. Кружок этот при посредстве Худякова распространил свою деятельность и на Петербург. Это тайное общество, носившее название «Ада», имело в виду повести в народе революционную пропаганду, а также вызвать к жизни народные школы, потребительные общества и производительные ассоциации. Ермолаев отдавал на дело все свое состояние, и на его счет в земледельческой Петровской академии близ Москвы несколько товарищей готовились к будущей пропаганде среди крестьян. Далее в виды тайного общества входило: купив одну из мальцевских фабрик, обратить ее в артельную. Наконец, в более тесном кружке организации родилась мысль о покушении, хотя бы и не смертельном, на особу государя, чтобы вызвать в народе брожение. Чтобы покушение носило народный характер, его должен был совершить лишь человек, долго живший среди народа. Судьба однако устроила иначе. Один из членов организации, неизлечимо больной Каракозов вызвался выполнить дело. Некоторые из влиятельных заговорщиков воспротивились этому самым решительным образом, считая непригодным Каракозова, который вовсе не был в народе, но не смогли предотвратить покушения. Каракозов был одной из тех недаровитых, но полных сосредоточенного жара натур, у которых слово непосредственно переходит в дело. 4 апреля 1866 г. он совершил покушение на цареубийство. Спасение царя от руки дворянина было приписано крестьянину (Комиссарову). Таким образом совершившееся поку-

шение оказалось по внешности прямо противоположно задуманному. Арестованные члены организации попали в руки Муравьева. Назначенный приговор был жесток [1]).

Это покушение послужило поворотным пунктом во внутренней политике России: с тех пор начавшаяся реакция постоянно возрастала. Императорский рескрипт 23 мая 1866 года объявлял, что право, собственность и религия находятся в серьезной опасности от революционных происков, а благие намерения правительства перетолковываются и искажаются [2]). В виду этого правительство объявляло, что, опираясь на свое верное дворянство и все консервативные силы государства, оно будет энергично охранять священное право собственности и подавлять все вредные стремления. «Современник» и «Русское Слово» были немедленно запрещены, последние остатки радикализма подавлены; находившиеся на службе сторонники демократических тенденций замещены их ярыми противниками и, что всего важнее, министром народного просвещения был назначен граф Д. А. Толстой, который своими суровыми мерами по отношению к университетам не мало способствовал тому, что учащаяся молодежь бросилась в объятия революции. В одной только Польше, с целью привлечь народ на сторону правительства, была удержана система, благоприятная для крестьян.

Покушением, исходившим от крошечной горсти молодежи, правительство воспользовалось для того, чтобы направить всю свою внутреннюю политику против демократии и либерализма. В среде либералов должно было начаться разложение; пред ними возник требовавший разрешения вопрос, останутся ли они вместе с правительством на почве существующего права и собственности, или подвинутся влево, в сторону социализма?

Между тем в движении снова наступило затишье. Вместо подавленной в России радикальной печати возникла заграничная. В 1866 году эмигрант Элпидин, бывший студент Казанского университета, издал два номера «Подпольного Слова»; в одном из них говорилось о покушении Каракозова и правительственной политике, в другом рассказана была история казанских беспорядков

---

[1]) «Подпольное Слово», № 1.—«Народное Дело», №№ 2 и 3.—Автобиография Худякова, l. c.

[2]) Eckardt, l. c., стр. 111.

1862-63 гг. За этим последовало в 1868 г. издание газеты «Современность» (с апреля по сентябрь) — тощего листка, революционного, но не анархического содержания, который вскоре был заменен «Народным Делом» (с сентября 1868 г. до сентября 1870 г.). Последнее также не имело особенно широкого распространения. Этот журнал стоит уже целиком на почве международного анархизма и пытается пропагандировать его в России. Он объявляет себя сторонником атеизма и материализма, требует упразднения наследственной собственности, уравнения прав женщины, общественного воспитания детей, перехода земли к общинам и орудий производства к рабочим ассоциациям. Будущее общество должно состоять из свободно федерирующихся между собой земледельческих и промышленных ассоциаций, при полном упразднении всякой государственной организации. Бакунин одобрил эту, им же, впрочем, выпущенную программу.

Эта газета и ее программа находятся в тесной связи с нечаевским заговором, явившимся как бы введением в широкое социалистическое движение, захватившее следующее десятилетие. Несмотря на то, что нечаевская организация значительно отличалась от всех последующих, а может быть, именно потому, она не осталась без влияния на новые начинания и заслуживает нашего внимания.

Сергей Нечаев [1]), учитель приходского училища в Петербурге, неожиданно появился на сцене во время февральских и мартовских студенческих беспорядков [2]) 1869 года и старался придать студенческим требованиям касс и сходок политическую окраску. Он сам, а потом и Бакунин, обращались к студентам с прокламациями, призывавшими их твердо отстаивать свои требования. Затем Нечаев вдруг исчез, распространив при этом ложный слух о своем заключении в Петропавловской крепости, из которой ему удалось будто бы бежать. На самом же деле он отправился заграницу и уверил Бакунина и Огарева, что в России все организовано и готово к восстанию. При их посредстве ему удалось получить от больного Герцена, не пожелавшего вступить с Нечаевым в личные сношения, 1.000 фунтов стерлингов, составлявших тот революционный фонд,

¹) Отчет о судебном заседании с июля 1871 г.

²) Нечаев начал агитировать среди студентов осенью 1868 г., а во время весенних беспорядков был уже за границей и оттуда присылал свои прокламации. *Прим. редакции.*

на которой было столько притязаний [1]). Кроме того Бакунин принял Нечаева в Интернационал, снабдил членской картой за № 2771 и назначил организатором русского отдела своего интернационального альянса.

Нечаев вернулся в Россию в высшей степени интересной личностью. В первых числах сентября 1869 г. он появился в Москве, а впоследствии посетил и Петербург. Здесь еще с прошлого года оставались единомышленники, но им недоставало надлежащей организации. Ее то и привез им Нечаев из-за границы. В Москве при помощи книгопродавца Успенского он познакомился с учащеюся молодежью, преимущественно в Петровской земледельческой академии. Каждый из завербованных им студентов должен был образовать вокруг себя кружок второго разряда, не посвящаемый в конечные цели заговора; позади всего стоял таинственный и фиктивный комитет, агентом которого называл себя Нечаев, усиливая мистификацию сообщением по секрету, что вся Россия уже покрыта сетью тайных обществ. Но рядом со своими организаторскими талантами Нечаев обладал другим свойством, доставлявшим ему огромное влияние на товарищей. Он был сыном ремесленника и только в 16 лет выучился читать и писать. Ненависть к привилегированным сословиям, любовь к крестьянству и демократичность, которые в остальных членах заговора (это сознавали они сами) были чем-то внешним, являлись непосредственными живыми чувствами в 23-летнем Нечаеве. При этом он обладал железной энергией и умел подчинять себе не только своих сверстников, но и людей более пожилых, например, писателя Прыжова, которому было 42 года.

Организация была довольно искусна. Скоро завязались сношения между Москвой, Петербургом, Ярославлем и промышленным селом Ивановым; сделана была попытка основания тайной типографии; собирались деньги, немного, впрочем, — в Москве было собрано не более 300 руб., — подделывались фальшивые паспорта и читались запрещенные рукописи. Однако, собрания, кружков, судя по их протоколам, прочитанным на суде, были до смешного бессодержательны, и некоторые из членов, по их собственному сознанию, давали на собраниях фальшивые отчеты (собственные

[1]) «Вольное слово», № 46, где этот факт был наконец установлен.

деньги выдавались за собранные), чтобы казаться более действительными, чем были в действительности. Организация называлась «Обществом народной расправы или топора»; правила были весьма строги и подробны, члены обозначались номерами, с целью затруднить раскрытие заговора.

Цели общества явствуют из его воззвания, напечатанного красными чернилами. Время мирной пропаганды в народе и литературной деятельности миновало; теперь необходмо действовать, чтобы осуществить программу анархического интернационала; не следует ни перед чем останавливаться, царя не должно трогать до поры до времени. Еще хуже этого обширного воззвания были мелкие прокламации и в особенности катехизис [1]) (Бакунина), требовавший от революционеров максимума бесчеловечия и кровожадности. В заключение катехизис предлагает примкнуть к миру работников, этому замечательнейшему явлению русской народной жизни. Стенька Разин и Пугачев, которые в 17 и 18 столетиях вызвали большие народные восстания в низовьях Волги, до сих пор прославляются в России, как поедшественники социалистов, на что Энгельс справедливо замечает, что немецкие рабочие едва ли признали бы Шиндерганса отцом немецкой социалдемократии [2]).

Но Нечаевский заговор продержался недолго. Один из облеченных доверием членов студент Иванов оказался непокорным и ограниченным человеком; дело дошло до столкновения; опасались измены. Нечаев убедил Успенского, Прыжова, Кузнецова и Николаева в необходимости исполнить приказ комитета—отделаться от опасного врага общего дела, и 21 ноября 1869 г. было совершено в гроте Петровской академии ужасное убийство. Общество было вскоре открыто; к дознанию было привлечено около 300 человек, и 1-го июля 1871 г. перед судом предстало 87 обвиняемых. Сам Нечаев бежал в Швейцарию, где вел нелегальное существование и, наконец, был выдан Швейцарией русскому правительству, как обыкновенный преступник, и осужден в 1872 г.

Нечаевский заговор представляет собою замечательную попытку энергичного агитатора раздуть в широкое пламя тлеющую

---

[1]) В отчетах о судебных заседаниях и у Алисова в его Собрании литературных и политических статей, стр. 79.

[2]) Фр. Энгельс о России. *Прим. редакции.*

в недрах общества искру. Но попытка не удалась. Все предприятие имело характер эпизодический. К революционной деятельности молодежь была еще не готова. Но в то же время она деятельно организовалась в различного рода кружки. Большинство известных впоследствии революционеров во время своего студенчества основывали кассы взаимопомощи, покупали и распространяли по уменьшенной цене дозволенные книги, устраивали библиотеки, заведывали общественными кухмистерскими и проч. Молодые люди сходились также с целью обмена мыслей и саморазвития; в этих кружках шли обыкновенно оживленные споры, касавшиеся нередко политических и экономических вопросов. Таким образом в 1869-72 году мало-по-малу место нигилизма стал занимать социализм. Нарождалась новая эпоха «хождения в народ», с целью пропаганды социалистической революции.

III.

Литература социалистической пропаганды.

Перед глазами молодежи прошел Нечаевский заговор. Правительство отнеслось с иронией к кучке молодых людей, предпринявших такую неравную борьбу; общество разделяло такое воззрение правительства, ему показались просто смешными юноши, которые могли воодушевляться фантастической программой «Народной Расправы» и которые вздумали действовать, не имея под ногами твердой почвы.

Убийство Иванова и ряд нелепых мистификаций со стороны Нечаева, жертвами которых были его товарищи, бросили тень на революционную молодежь. Правительство не преминуло воспользоваться этим. Оно решило предать заговорщиков гласному суду, чтобы с одной стороны доказать свой либерализм, а с другой дискредитировать обвиняемых в общественном мнении. Но удалось только первое; пресса громко прославляла правительственный либерализм. Что же касается второй цели, то здесь правительство потерпело полное фиаско: революционная молодежь признала обвиненных честными людьми, а основные их стремления истинными.

Процесс, длившийся в течение всей второй половины 1871 года, послужил лишь к пропаганде того дела, которое хотели подавить, и идея революции приобрела не мало приверженцев. К тому же студенты, арестованные за беспорядки и привлеченные к Нечаевскому делу, теперь сошлись теснее друг с другом, а преследование вызывало мстительное чувство по отношению к правительству.

В то же время молодежь вовсе не относилась с безразборчивым одобрением ко всему, что узнала из этого процесса. Ложь, мистификации Нечаева вызвали, наоборот, такое горячее отвращение, что в молодежи надолго укоренилось глубокое недоверие к диктаторским приемам отдельных личностей и даже ко всем попыткам централистических организаций.

Параллельно с Нечаевской деятельностью возрождаются и робкие попытки революционной литературы. Выходящее в Женеве с апреля до сентября 1870 г. «Народное Дело» призывает к пропаганде социализма в народе и к слиянию с Интернационалом. Даже и «Колокол» воскрес в этом году на короткое время, но со слабыми признаками жизни.

Таким образом, в самом начале семидесятых годов, русская молодежь познакомилась с Интернационалом, правда в такое время, когда старый Интернационал Маркса после раскола, внесенного в него Бакуниным, уже клонился к упадку. Не менее, чем идея Интернационала, воодушевляла молодежь героическая борьба рабочих, в которой принимали участие и женщины и дети, во время Парижской Коммуны. Эта борьба сделалась идеалом грядущих восстаний в России. Кроме того успехи социально-демократической пропаганды в Германии не давали спокойно спать русской молодежи, на совести ее тяжелым бременем лежало сознание, что она сама ничего еще не сделала для народа. Кроме европейских событий на молодежь имела влияние и европейская литература. Сочинения Прудона, «Капитал» Маркса, агитационные брошюры Лассаля были переведены на русский язык; и, как кажется, даже невинная книжечка Бехера «Рабочий Вопрос» не мало содействовала выяснению программы будущих революционеров. Из этого видно, что в это время заграничные события и заграничная литература определяли главным образом цели русской молодежи, жаждавшей революции, вносили много путаницы в ее понятия. Но международный анархизм оказался в России искусственно вырощенным

экзотическим растением (1872 - 1878 гг.), которое скоро захирело и завяло на чуждой почве.

Все эти чужестранные влияния проникали в русскую молодежь частью через литературу, частью при поездках за границу, посредством личного общения с выдающимися социалистами. Здесь я должен просить читателя перенестись мысленно из России в отдаленный город, который был высшей школой социалистической пропаганды — в Цюрих. В начале семидесятых годов собралось в Цюрихе много русских, преимущественно, молодых девушек, приехавших сюда изучать медицину, чего они не могли делать в России. Цюрих был также пунктом, куда стремились русские туристы, и здесь же поселились Петр Лавров и Михаил Бакунин, чтобы влиять на земляков (1872 - 1873 г.). Они читали публичные лекции, после которых поднимались оживленные споры [1]). Среди проповедывавшихся тогда в Швейцарии революционных идей можно различить четыре направления: 1) Бакунина, 2) близко стоящую к нему группу «русских анархистов» в Женеве, которая в 1875 году издавала «Работник» и в 1878 году «Общину», 3) Лаврова с приверженцами журнала «Вперед», 4) Ткачева и партизанов «Набата». Самостоятельное значение имели только Бакунин и Лавров, хотя в научном отношении и их взгляды не могут претендовать на оригинальность. Содержание их устной проповеди перед цюрихскими студентами можно восстановить по их печатным произведениям. В бакунинской прокламации, написанной с целью поддержать Нечаева, впервые встречается ставшее потом лозунгом выражение «итти в народ». В его «Государственности и анархии» (1873 г.) и в книге «Историческое развитие Интернационала» идея этого лозунга развита подробнее. Особенно сильное впечатление должно было производить второе прибавление к первому из вышеупомянутых сочинений: программа славянской секции в Цюрихе. По своим конечным целям Бакунин был, как известно, социалист-анархист. Прежде всего он

---

[1]) В Цюрихе было студентов из России зимой 1872-1873 г. 138, летом 1873 г.—145, именно: юристов—1 м. и 1 ж., медиков—36 м. и 77 ж., естественников—8 м. и 22 ж., всего 45 м. и 100 ж. В политехникуме зимой 1872-73 г. было 94 ч., из них инженеров — 25, механиков и химиков—24, учеников в общем курсе—18; зимой 1873-74 г. в политехникуме насчитывается 91 русских слушателей. В это число однако входили немцы и поляки из России.

считал нужным низвергнуть государственный строй, держащийся посредством правительственной организации и закона с единственной целью эксплоатации народного труда господствующими классами. Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи должно осуществиться путем организации снизу вверх, на основе коллективного труда и коллективной собственности; последнее же будет возможно только при условии вполне свободной федерации отдельных личностей в ассоциации или независимые общины, которые, со своей стороны, общностью интересов и социальных течений соединятся в нацию, а нации — в человечество. Далее, программа требует устранения религии и проповедует материализм и атеизм; народ должен получить научное образование; женщины должны быть эмансипированы, пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые обязанности с мужчинами. Средством осуществить анархическую организацию должна быть революционная агитация. «Не трудно возмутить любую деревню». Народ, как утверждает Бакунин, постоянно готов к революции и способен самостоятельно организоваться после нее. Ему недостает только сознания своей силы, ненависти к своим притеснителям и бунтовской практики. Следовательно, революционерам нечего учиться, и нет надобности чему-либо учить народ, так как последний сознает свои страдания и знает их источник; они должны только раздуть ненависть к привилегированным классам, возбудить в народе сознание своей силы и упражнять ее путем восстаний и вспышек, что очень важно для развития революционных чувств. Наконец, заговор не должен быть организован централистически, как заговоры Каракозова и Нечаева; он должен быть веден самостоятельными группами, находящимися в федеративных отношениях друг к другу, так чтобы было уничтожено всякое господство отдельных личностей и исключена возможность всякой мистификации. Эти бакунистские воззрения нашли наибольшее распространение среди молодежи в Цюрихе, а позднее в России — именно на юге и в Москве.

В близком родстве с этим главным течением стоит направление той группы, которая выпустила в свет в Женеве книгу «Сытые и голодные», и с января 1875 г. до марта 1876 г. издавала в Женеве газету «Работник»; статьи в этой газете писались народным языком и украшались даже рисунками; так, например, на первом плане одного из рисунков изображен мужик со знаменем «Земли и Воли»

в руках, а в глубине толпа крестьян с косами, идущая на солдат, окруживших дом недоимщика. Эта группа, по своему анархическому направлению, примыкала к Бакунину, но не разделяла исключительности его бунтарства, признавая необходимость также пропаганды и агитации и объявляя себя солидарной с Интернационалом.

Другою личностью, которая рядом с Бакуниным пользовалась огромным влиянием среди русской молодежи, был Петр Лавров. Последний в шестидесятых годах был полковником и профессором военной академии в Петербурге; он близко стоял к либеральной литературе; в 1860 г. он прочел публичную лекцию в социалистическом духе об анабаптистах, которая произвела фурор; затем за свои сношения с кружком Каракозова он был сослан административным порядком в Вологодскую губернию; в 1869 году освобожден смелым революционером Германом Лопатиным, принимал потом в 1871 г. участие в восстании парижской коммуны и в начале семидесятых годов проживал в Цюрихе. Он уже раньше был небезызвестен, как автор ряда философских статей, а в 1868 году появились его произведшие большое впечатление «Исторические письма». Когда началось революционное движение и молодежь искала руководителя, кружок так называемых пропагандистов, который я назову N. N., предложил ему взять на себя редакцию журнала. Лавров согласился на это; но, к своему несчастью, он всегда был умеренным и никогда не мог угадать духа времени, между тем как Бакунин опережал движение и являлся его руководителем. В начале шестидесятых годов, во времена Чернышевского, Лавров, солидный профессор, писал в либеральных журналах. В начале семидесятых годов он является оппортюнистом и доктринером; и лишь в восьмидесятых годах, в эпоху терроризма, дошел до признания необходимости революционной агитации и восстаний. Поэтому влияние его никогда не было преобладающим и решительным; своей известностью он обязан своей усидчивой литературной деятельности. Когда в 1872–73 годах молодежь потребовала, чтобы Лавров написал ей программу, он предложил в первом своем литографированном проекте пропаганду в земских собраниях и городских думах и деятельность в пользу народа посредством этих органов самоуправления. Такая либеральная деятельность не могла удовлетворить революционеров, и Лавров должен был еще и еще раз переделать свою программу, прежде чем издать ее в первом номере

«Вперед» 1873 года [1]). Этот журнал — самое выдающееся литературное явление в жизни новой русской революционной партии. В 1873 - 77 годах вышло пять томов журнала, заключавших в первом отделе руководящие статьи и очерки, во втором — обзор событий в России, составленный из корреспонденций, а в последнем — хронику событий рабочего движения и «хаоса буржуазного господства в Западной Европе». Руководящие статьи довольно обширны и большею частью отличаются убийственной скукой, так что прочитывать их от начала до конца могли только те революционеры, которые, живя зиму в захолустьях, не имели в руках никакой другой книги. Это ежегодное издание в 1875 г. и 1876 гг. стало дополняться газетой, выходившей раз в две недели под тем же названием и состоявшей из второго и третьего отделов журнала и многочисленных корреспонденций. В конце 1876 г. Лавров сложил с себя обязанности редактора. Главный сотрудник Смирнов издал еще один том, и в 1877 г. это литературное предприятие окончило свое существование.

В программе «Вперед» (1873 г.) говорится, что журнал преследует две цели: он ведет борьбу против теологических и религиозных идей, которые, впрочем, в настоящее время могут считаться до известной степени побежденными. Главное же внимание Лавров обещает обратить на социальные вопросы, он хочет бороться за гражданские права и экономическое равенство, за права рабочих против нанимателей, за право свободных ассоциаций и общин против централизации, а следовательно, и государственности. Почвой, на которой развивается борьба за новый социальный порядок, должно служить настоящее общество. В существенных вопросах «Вперед» объявил себя солидарным с решением интернациональных конгрессов, а относительно целей и организации не делает *существенных* отступлений от бакунинской программы. Замечательно, что политической свободе отводится вполне подчиненное место в сравнении с экономическим и социальным равенством. В этом характерная черта начинающегося движения: оно имеет социально-экономический, социалистический, но ни в каком случае не политический или либеральный характер. Политическая деятельность даже отрицается, так как она отвлекает от главной

---

[1]) См. четвертое приложение. *Прим. ред.*

задачи. Политические учреждения опираются на социальные и экономические силы, и поэтому надо изменить путем революции социальные отношения, чтобы потом прочным образом перейти к новому государственному устройству. Тогда, объясняет Лавров, исчезнет централизованное государство и выступят сами собою на сцену стремления к автономным общинам и федерациям на почве экономической солидарности. Всякая централистическая программа имеет в виду только замену буржуазной монархии буржуазной республикой. Эти изменения нисколько не касаются общественных и экономических неурядиц. Национальные вопросы точно также исчезнут перед социальными, которые образуют собою общую почву для международного единения. Но в практической деятельности необходимо сообразоваться с социальными особенностями во избежание чрезмерной абстрактности.

Социальная основа, на которой должно строиться будущее русского народа, есть общинное землевладение; это исконное и пока патриархальное учреждение должно развиваться в социалистическом направлении и перейти в общинную обработку земли и равномерное распределение продуктов; в то же время община должна быть базисом политической организации. Каким же образом будут достигнуты вышеупомянутые цели? Прежде всего, уничтожением якобинского принципа, следуя которому революционеры, низвергнув прежнее правительство, сами становятся на его место, делаются благодетелями народа и навязывают ему свои законы. Революция должна быть сделана не только для народа, но и самим народом. Для возбуждения этой революции нужно только одно поколение мужественных людей, которые, пожертвовав своими личными интересами, отправились бы в народ и разъяснили ему его положение, его потребности и права, а также и пути к достижению намеченной цели. Прежде всего, эти пропагандисты должны уяснить народу его силу, которой он не сознает, что и служит главным препятствием к устранению его исконных врагов. В этом пункте Лавров и Бакунин расходятся; последний считает такую мирную пропаганду словом недостаточной и требует пропаганды фактами, вспышками. Лавров смотрел на вещи серьезнее: он не думал, чтобы одними громовыми речами и отвагой можно было поднять народ на восстание: он считал для этого необходимым продолжительное нравственное и умственное воспитание

*

народа, которое должны взять в свои руки образованные революционеры.

Далее мы встречаемся с новым серьезным пунктом несогласия Лаврова с Бакуниным. Первый требовал, чтобы пропагандист, желающий поучать народ, сам приобрел серьезные знания и опытность, и утверждал, что лишь при этом условии он может вести плодотворную деятельность; но и такую подготовку он считает еще недостаточной, — пропагандист должен изучить народ, среди которого он намерен действовать; он должен жить среди народа и уяснить себе основательно его потребности; лишь тогда он получит возможность правильно ставить экономические и общественные вопросы и, обладая знаниями, давать на них правильные ответы. Уже после этой основательной подготовки социалист должен идти в народ, сделаться рабочим или крестьянином и подготовлять своих товарищей по работе к движению. Другие могли бы действовать на пользу народа на поприще литературы, сельского хозяйства или судебной практики. Но Лавров считает эти поприща сомнительными. Ими следует пользоваться с крайней осторожностью, так как существует постоянная опасность, что молодые люди с течением времени, приобретя выгодное положение, откажутся от своих добрых намерений ради материальных выгод. Только после продолжительной пропаганды, когда народ сознает свои права и свою силу, можно вести его в дело. Когда ход исторических событий приблизит, укажет «минуту» переворота и готовность к нему народа, тогда лишь можно призывать его к осуществлению революции. Здесь Лавров становится на умеренную точку зрения немецкой социал-демократии.

Своим требованием долгого и основательного предварительного образования Лавров разворотил осиное гнездо. Как? Мы должны ждать целые годы, пока окончим изучение наук и народа? Должны до тридцати или тридцатипятилетнего возраста пользоваться всеми выгодами своего привилегированного положения, чтобы затем идти проповедывать равенство? Так мы вечно останемся при одних словах и рассуждениях и никогда не перейдем к делу. Все молодые люди, как бакунисты, так и якобинцы, вышли из себя и стали искать другую литературную силу, которая бы лучше выражала их взгляды. Тут выступил Петр Ткачев. За участие в Нечаевском заговоре он был сослан административным

порядком; в 1873 году он был освобожден некоторыми членами организации чайковцев и явился в Цюрих. Сначала он предложил свое сотрудничество журналу «Вперед», но это было невозможно: Ткачев расходился с Лавровым во всех пунктах; Лавров не мог принять его статьи, — больше всего ему претила очерченная грубыми штрихами картина будущего строя в написанной Ткачевым народной брошюре, которую Лавров не согласился напечатать. В этой брошюре, между прочим, значилось: мужику тогда бы жилось привольно; не копейками, а червонцами набивал бы он тогда свою мошну; было бы у него и скота и всего много; ел бы он пряники, а работал сколько захочется. Одним словом, как хочешь — хошь ешь, хошь на печи лежи. Развеселое житье.

Ткачев был возмущен непринятием его сотрудничества Лавровым и написал последнему в апреле 1874 года открытое письмо, начинавшееся обвинением Лаврова в единомыслии с третьим отделением и заключавшее самое беспощадное нападение на личность и программу Лаврова, написанное с замечательным искусством и таким талантом, которому, кажется, не было равного в русской революционной прессе. Прежде всего он старался показать, что Лавров желает не революции, а мирного прогресса, в немецком, лассалевском смысле, который даже и третьему отделению не показался бы опасным. Ожидать от истории, что она «укажет минуту начала революции», — это самая филистерская из философий.

Если все революционеры сначала будут долго подготовляться к пропаганде, то за это время распадется общинное землевладение, разовьется капитализм, и революционер явится слишком поздно. Лавров, как упрекал его противник, верит слишком мало в народ и молодежь; отвлекает ее от насильственной революции, чем подрывает ее веру в самое себя, в свои силы, следовательно, «Вперед» не выполняет своей задачи; надо не ждать, а действовать. «Мы хотим, — восклицает он, — посеять в обществе недовольство и раздражение и организовать молодежь! Мы хотим, посредством политического заговора, народной пропаганды и прямой агитации, вызвать восстание. Лозунгом должно быть: делать революцию! Партия реформ должна превратиться в партию действия! Надо бороться против правительства, против существующего порядка до последней капли крови!» Главным пунктом расхождения во мне-

ниях были, следовательно, средства борьбы. Вместо мирной пропаганды Ткачев требовал немедленной агитации. Лавров не долго заставил ждать ответа и послал социально-революционной молодежи брошюру, написанную с такой живостью, к которой не привыкли его читатели.

Он считает наивным заблуждением веру в возможность в каждую данную минуту произвести революцию и веру в то, что каждая вспышка может превратиться в победоносную революцию. Молодежь должна сначала подготовить как самое себя, так и народ к революции; несколько лет отсрочки не повредят,—и на Западе рост капитализма не помешал социальной борьбе. Естественно, пропаганда должна сопровождаться практической агитацией, и необходима организация революционеров. Одна политическая революция не улучшила бы ничего в социальном положении. Ткачев — якобинец, который хочет настоящее правительство заменить другим, — через это народ попадет только в руки других честолюбцев и интриганов.

Не один Ткачев восстал против Лаврова. В первом и в третьем томах «Вперед» находим мы две обширных статьи «Знание и революция», в которых издатель тщательно старается защитить себя от многочисленных нападок. Русские революционеры, которых Лавров называет только школьниками революции, вовсе не хотели учиться и заниматься, а стремились тотчас же посвятить делу революции свои драгоценные силы. Это была реакция против нигилистического принципа Писарева, призывавшего индивидуумов к самообразованию, которое в самом деле часто служило только ширмой для составления себе карьеры и маскировало индифферентизм к господствующим злоупотреблениям. Нигилист ищет личного счастья и является в этом случае реалистом. Социалист ищет счастья народа и жертвует своим собственным. Его идеал — самоотверженная жизнь, посвященная благу народа. Одни находили, что каждое замедление пропаганды затрудняет победоносное шествие революции. Другие думали: гимназическое и семинарское образование достаточны для пропаганды в народе и возбуждения в нем сознания его страданий и его силы, — для этого нужнее уверенность в правоте дела, чем знания. Во всяком случае их образование давало им возможность сообщать крестьянам более, чем последние получали откуда то ни было. Третьи были того мнения,

что революционер не должен стремиться к неравенству. В университете, под влиянием профессоров, он приспособлялся к существующему порядку вещей, у него является желание составить себе карьеру и он опошляется. — Кто знает, как молодежь склонна к крайним решениям, тот поймет, что она, хотя и читала произведения Лаврова, однако ж клялась словами Бакунина. Она уже была на пути, оставила школьные скамьи и отдалась на служение революции. Напрасно Лавров постоянно выставлял против этого на вид, что невежественный революционер, в случае восстания, будет иметь значение только как лишний борец и к тому же с меньшей физической силой, чем крестьянин, — при новом устройстве общества он не сможет дать лучшего совета, чем первый попавшийся рабочий.

Я постарался охарактеризовать четыре различных умственных течения, распространявшихся в начале семидесятых годов среди русской эмиграции и выразившихся в ее литературе. Если мы оставим в стороне Ткачева, который, как политический революционер, централист, бланкист и якобинец, в то время, да и впоследствии, не имел значения, — то наиболее влиятельными представителями различных революционных доктрин останутся Лавров и Бакунин. Хотя относительно конечной цели анархического социализма они были довольно солидарны, но зато расходились в выборе средств и в революционной практике. Осторожный философ Лавров требовал умеренной пропаганды; горячий агитатор Бакунин был представителем бунтарства. Один видел революцию только в далеком будущем; другому казалось, что она уже стучится в дверь. Такая разница в теоретических взглядах должна играть важную роль среди эмигрантов и вести к нескончаемым расколам, тем более что на практике они не могли верить справедливости своих воззрений: они жили слишком далеко от поля битвы. Но в 1873 году их личное влияние в Цюрихе прекратилось. Русское правительство запретило своим подданным заниматься в Цюрихском университете, и целая толпа молодежи устремилась назад, в свое отечество, где большинство и посвятило себя революционной деятельности. С этого времени личное влияние заменилось литературным: тогда начали появляться вышеупомянутые социалистические газеты и брошюры.

Хотя в начале 70-х годов личное влияние Бакунина, Лаврова и других социалистов и было очень велико, хотя сочинения Маркса,

Лассаля, Прудона имели громадное воздействие на образ мыслей молодежи, а Интернационал, немецкая социал-демократия и Парижская Коммуна указали ей путь, по которому следовало идти, но, тем не менее, в результате всех этих разнородных влияний, получилось лишь более ясное теоретическое понимание целей движения и способов революционной организации. Революционную практику молодежи пришлось вырабатывать уже в самой России, и помощь эмиграции в этом деле была слишком незначительна. Чем более развивалась революционная агитация в России, тем строже полиция охраняла границу и внимательнее следила за корреспонденцией. Вследствие этого, практические указания из-за границы приходили слишком поздно и вообще не могли иметь значения, так как эмигрантам недоставало знания местных условий. Революционные издания продолжали печататься заграницей — в Цюрихе, Женеве и Лондоне. В Цюрихе, например, в 1873 г. были основаны две русских типографии, в которых сочинения Лаврова и Бакунина печатались самими студентами. Но в 1878 г. и эта связь ослабела: революционеры завели свои типографии в России.

IV.

Практика и результаты пропаганды

(1872—1875 гг.).

Оставим пока все эти заграничные влияния и вернемся к «честной и искренней» русской молодежи, как называл ее Бакунин. Уже выше мы говорили о том гнете, которому подвергалась эта молодежь, о нужде, которую терпела она в учебные годы,—все это поддерживало ее симпатии к народу. Вспомним затем, что русские очень впечатлительны, легко воодушевляются и доходят до энтузиазма, довольно легко сменяющегося, впрочем, унылым разочарованием. К тому же в юной среде, о которой идет речь, с ее решительной склонностью все критиковать и решать на основании недавно усвоенных общих идей, знакомство с социализмом должно было неизбежно иметь серьезные последствия. Уже самая наука, преподаваемая в духе свободного исследования, опасна для деспо-

тизма, и русский государственный строй совершенно не в состоянии выдержать критики, черпающей свою силу в науке. Молодежь скоро заметила различие между государственным строем России и общественно-политическими учреждениями других европейских стран и поняла все противоречие преподаваемой ей науки с окружающей ее практикой. Разлад, существовавший между образованными классами и правительством, нашел в этой молодежи своего яркого выразителя [1]).

К тому же не существовало ничего такого, что могло бы отвлечь молодежь от радикализма и внушить ей более умеренный образ мыслей. Если бы в то время сами образованные классы, люди, умудренные опытом, осмелились выступить против правительства, то молодежь наверное согласилась бы подождать действовать и поучиться до более зрелого возраста. Но зрелые элементы общества постарались стушеваться и даже перестали принимать деятельное участие в делах местного самоуправления. При всей своей склонности к оппозиции они чувствовали свое бессилие и, отказываясь от самостоятельной роли, восторгались энергичной деятельностью молодежи, которой во всем потакали. Благодаря этому, экзальтированные и неразборчивые на средства агитаторы, как Бакунин с товарищами, не встретили никаких помех, когда, куря фимиам «честной революционной молодежи», вовлекли ее в движение, в котором она бесплодно растратила свои драгоценные силы. В России произошло нечто подобное тому, что случилось в Германии в 1815-20 гг., когда, благодаря пассивности филистера, политическую роль играли «буршеншафты», когда образовалась «черная банда» и всё движение закончилось убийством Коцебу и покушением на жизнь Ибеля. Не было также у студентов ни собственного опыта, ни знания жизни с ее трудностями, которые побуждали бы их к умеренности. Молодежь идеализировала крестьянина, в котором видела последнюю опору для всего доброго и благородного на Руси.

Уже в 1869-1872 гг. образовались общества, ставившие себе целью влиять на студенчество и городских рабочих посредством распространения дозволенных и запрещенных книг. Но эта деятельность никого не удовлетворяла. В своей беспомощности молодежь ставила себе тот же вопрос, который был поставлен муче-

---

[1]) „Вольное Слово“, № 50, Драгоманова.

ником за ее идеи, Чернышевским, в его знаменитом романе: «Что делать?». Тут пришли ей на помощь Западная Европа и русская эмиграция, указав цель и научив организации. Прозвучал волшебный клич, звавший «в народ», и точно заколдованные этим кличем гимназисты, семинаристы, студенты кинулись в народ, чтобы там вести пропаганду социализма. Достаточно было появиться в любом городе какому-нибудь агитатору, чтобы местная молодежь тотчас же приступила к образованию тайного общества. Председатель съезда мировых судей Черниговской губернии, Сергей Ковалик, объездил девять губерний, и всюду его появление, раздача нескольких прокламаций и два-три разговора возбуждали в местной молодежи решимость «отправиться в народ»; Ковалик успел таким образом образовать 13 обществ. Мировой судья Войнаральский объезжал места, лежащие на Волге, созывал крестьян на сходы и с судейской цепью на шее вел там пропаганду. В Петербурге в 1873-74 году была распространена прокламация, приглашавшая русскую интеллигенцию идти в народ. К русскому народу обращалась брошюра религиозного характера, требовавшая именем крестьянства следующих реформ: передела земли, уничтожения наборов и постоянного войска, устройства хороших школ, уничтожения паспортной системы и учреждения общественного контроля над финансами [1]. Призыв к русской молодежи не остался напрасным: ее не пугали ни потеря карьеры и личного счастья, ни строгие наказания; с энтузиазмом, напоминающим религиозный фанатизм, шла она навстречу нужде и смерти. «Фанатизм,—говорит Гердер,— заразительная болезнь, — быть может, наиболее заразительная из всех, каким только подвержены люди — и заразительна она по той простой причине, что человек есть существо общественное, склонное к сочувствию. Судорожные движения переходят из одной души в другую. Могучая воля приказывает, восприимчивые натуры, движимые чувством, повинуются» [2]. Не мешает также заметить, что эти молодые социалисты, заявившие, что все существующее достойно гибели, и не признававшие никаких авторитетов, сами подчинялись влиянию догм и смотрели на некоторых из своих учителей, как на пророков. Этим они лучше всего доказали, что юность вообще и русская в частности нуждается в авторитетах.

---

[1]) Вперед, II, стр. 77 и дал.

[2]) J. Schmidt в Preussische Jahrbücher, т. 45, стр. 120.

Неподготовленная, мало знающая молодежь видела конечную цель движения в проповедуемом ей анархическом социализме. Что же касается практического образа действий, то между тайными обществами существовали многочисленные отклонения, различные оттенки радикализма. Более или менее важное значение в ту эпоху имели четыре группы: маликовцы, лавристы (или общество N. N.), чайковцы и бунтари.

Около Маликова, еврея Клячко, Антонова и других образовалась в Петербурге группа энтузиастов, называвшихся богочеловеками. Они утверждали, что добрые качества, любовь к ближним, готовность к самопожертвованию свойственны всем людям, что эта «божественная искра» присуща каждому, даже самому ничтожному человеку. Надо только посредством проповеди раздуть ее в пламя, и в человеке проснется «божественное чувство» равенства и братства. Соответственно своему учению эта мистическая секта отказывалась от употребления насилия, а их вождь, будучи арестован, попытался раздуть в пламя любви к человечеству «божественную искру», заключавшуюся в прокуроре. Это удалось ему в том отношении, что прокурор принял его за помешанного и он вместе с товарищами мог беспрепятственно выселиться в Америку (1873 - 74 гг.). Все их попытки устроить там коммунистические земледельческие колонии кончились неудачей; члены стали терпеть сильную нужду и спустя 2 - 3 года вернулись в Европу. Они до сих пор остались верны своей мирной тенденции.

Большим значением пользовалось в Петербурге и значительными средствами обладало общество N. N., которое давало деньги на журнал «Вперед» и по имени его редактора стало называться кружком лавристов. У лавристов на первом месте стояло образование народное и свое собственное; они не бросали университетов, старались воздействовать на городских рабочих, и лишь при случае на крестьян. Они и доныне остались при этом самообразовании, а их вождь [1]) и по сию пору остается печальным. Поэтому в революционной практике эта группа играла лишь третьестепенную роль: ее члены были главным образом культур-трегерами и с 1876 года потеряли всякое влияние. Лавристы — прибавляю это, чтобы ниже не возвращаться опять к этой группе — не видели в крестьян-

[1]) В самой России. *Ред.*

ском общинном землевладении исходного пункта социального движения в России, во-первых, потому, что это учреждение падающее, неизбежно переходящее в частное землевладение, как показывает это западно-европейская история; во-вторых, потому, что русская община есть учреждение реакционное, основы которого покоятся на привычках и взглядах, находящихся в прямом противоречии с приобретениями современной науки [1]). Благодаря своему полному подчинению в экономической, политической и нравственной области патриархальным обычаям, неразрывно связанным с общинными порядками, русский крестьянин не в состоянии усвоить себе новое социалистическое мировоззрение, развившееся на почве капиталистического производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьян естественному ходу истории, а революционную деятельность перенести в среду промышленных рабочих, как это делают западно-европейские социалисты. На этой почве и действовали лавристы в 1875 - 76 гг., не сделавши, впрочем, и здесь ничего значительного. Их теория внушала им расположение ждать, сложа руки, разложения общества. Даже, когда в 1878 году среди рабочих на петербургских хлопчатобумажных фабриках начались большие стачки, лавристы заявили, что это реакционное движение, и советовали отказаться от подачи царю прошения.

Бакунизм или бунтарство был распространен главным образом на юге и в Москве, где Долгушин уже в 1871 году образовал тайное общество. Но число таких кружков и их членов было незначительно. При этом, хотя теоретически они стояли за бунты, за революционное дело, но практически они до этого не доходили: их призыв не находил никакого отклика в народе, и они оставались при словесной пропаганде. Таким образом, бакунизм, который играл такую большую роль в теории, на практике имел совершенно второстепенное значение и выступил на первый план только с 1875 года. До этого времени большинство социалистов даже в Москве и на юге принадлежало к старейшему и наилучше организованному обществу так называемых чайковцев [2]).

Этот кружок получил свое название от имени студента Николая Чайковского, который, благодаря своим способностям, энергии и связям, оказался отличным организатором. По странному стече-

---

[1]) Аксельрод, в Jahrbuch für Socialwissenschaft, II, стр. 12.

[2]) София Перовская, стр. 9 и 10.—Подпольная Россия, стр. 74.

нию обстоятельств он уже в 1873 году эмигрировал вместе с Маликовым и в настоящее время живет в Англии. В первые годы своего существования, с 1869 по 1872 год, вышеназванное общество представляло из себя группу товарищей, желавших влиять известным образом на студенчество; они брали от издателей на комиссию разного рода дозволенные книги и брошюры, предназначенные для народа и образованных классов (как «Капитал» Маркса, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Сила и материя» Бюхнера, «Об ассоциациях» Пфейфера и проч.), и продавали их за полцены; почти во всех городах имелись у них склады книг. Члены общества стремились также проникнуть в народные школы, чтобы давать народу элементарные сведения о законах природы и общества. Но когда правительство пронюхало об этих стремлениях, оно подняло против них гонения и сослало административным путем на 5 лет Натансона, одного из вожаков общества. Молодежь, увидевши, что культурная деятельность наказывается так же строго, как и социалистическая пропаганда, начала, рядом с дозволенными, ввозить и распространять запрещенные книги, посылать заграницу для напечатания рукописи популярных брошюр и, наконец, завела в самом Петербурге печатный станок. В 1871 и 1872 годах приступают, по инициативе главным образом Перовской, Лешерн-фон-Герцфельд, Корниловой и других, к пропаганде среди петербургских рабочих. Весною 1873 года общество значительно увеличилось, связи с рабочими расширились; некоторые члены поступили на фабрики, другие завели у себя вольные школы. В провинцию были посланы делегаты, которые должны были образовать там филиальные группы, снабжать их книгами, деньгами, адресами, словом, всем необходимым для пропаганды и следить за их деятельностью. Таким делегатом был, например, Кравчинский; членами местных групп мы встречаем в Киеве—Аксельрода, в Одессе—Желябова [1]). Общество чайковцев с его отделениями в Москве, Киеве,

---

[1]) В Киеве уже в 1872 году несколько молодых людей, не имевших никакого революционного опыта ни по традиции, ни по личному знакомству, образовали пропагандистский кружок и набросали план организации, охватывающей все центры. На первое время они решили заняться пропагандой среди киевских рабочих и студентов с тем, чтобы впоследствии, когда у них будет что-нибудь определенное, снестись с Петербургом. Вскоре этот кружок получил из Одессы рукописную газету «Вперед» от кружка,

Одессе, Орле, Таганроге и других местах насчитывало сотни членов; эта группа пропагандистов, в противоположность другим группам, имела, следовательно, определенную организацию. Некоторые из членов отправились, наконец, в народ: богатый казак Обухов отправился на Дон, офицер Шишко поступил ткачом на петербургскую фабрику, офицеры Кравчинский и Рогачев работали в качестве дровосеков в Тверской губернии, Дмитрий Клеменс — в другом месте и т. д. Таким образом, за периодом культурничества (1860-1872) последовала эпоха социалистической пропаганды (1872-1875). Софья Перовская с самого начала принадлежала к обществу и принимала заботливое участие во всех отраслях его деятельности: на ее квартире происходили собрания кружка, она занималась с рабочими, вела пропаганду в разных губерниях и завязывала связи с тюрьмами, что уже и в то время было необходимо. В ноябре 1873 г. в Петербурге начались аресты. Тогда решено было перенести центр пропаганды в провинцию, но прежде чем это было приведено в исполнение, большинство чайковцев было арестовано.

Из всех членов этого кружка в Западной Европе наибольшей известностью пользуется князь Петр Кропоткин [1]). Принадлежа к одному из старейших аристократических родов России, он часто в шутку говорил своим товарищам, что имеет больше прав на российский престол, чем гольштинский род нынешних царей. Еще в раннем возрасте зародились в нем симпатии к народу, и, как рассказывает он сам, в хижине своей кормилицы он дал клятву исправить все несправедливости, совершенные его предками по

преследовавшего те же цели, но имевшего лучшую организацию и считавшего среди своих руководителей таких опытных заговорщиков, как Волховский. Киевский кружок решил тогда войти в соглашение и вступить в федеративные отношения с одесской группой, но письмо, адресованное по этому поводу Желябову, не попало к нему в руки, так как он был в отсутствии. Между тем весною 1872 года в Киеве появился агент с.-петербургских чайковцев с литографированною программою будущего лавровского «Вперед». Агент нашел в Киеве и Одессе организованные уже общества с разработанными программами и с сознательным стремлением к созданию одной общей организации. Чайковцам предстояло стать посредниками между названными группами и содействовать проведению в жизнь организационных планов (Аксельрод).

[1]) Подпольная Россия, стр. 52—заявления самого князя перед Лионским судом 15 января 1883 г.

отношению к крепостным. Воспитание свое он получил в самом аристократическом заведении, в пажеском корпусе, однако в гвардию не вступил, а принял командировку в Сибирь в чине адъютанта. Здесь пережил он медовый месяц юного русского либерализма с его одушевлением, его надеждами и верой в царя. Но подавление польского восстания разочаровало его: потерпевши еще года-два, он вышел в отставку и поступил в С.-Петербургский университет, где втечение четырех лет изучал геологию и географию. Он сделал несколько путешествий по Сибири и Китаю, стал сотрудником известного Элизе Реклю, несколько позже стал членом императорского географического общества, даже камергером императрицы и кавалером многих орденов. Блестящая будущность ожидала его, но судьба распорядилась иначе. В 1871 или 1872 году он предпринял путешествие заграницу, где посетил Бельгию и Швейцарию, познакомился с Интернационалом и социалистами и вернулся на родину анархистом. Здесь он примкнул к кружку чайковцев, написал брошюру о необходимости революции и зимою 1872 года начал, под фальшивым именем Бородина, читать рабочим на тайных собраниях ряд лекций по истории Интернационала, возбудивших величайший интерес. В следующем году он хотел под видом маляра отправиться в народ, чтобы вести там социалистическую пропаганду, но при начавшихся преследованиях со стороны полиции был выдан одним рабочим и после задержан. Арест столь высокопоставленного лица вызвал в обществе большую сенсацию.

Лозунгом многочисленных кружков, образовавшихся между 1872 и 1875 годами, был призыв «в народ». При этом одни еще только хотели изучить эту terram incognitam, этот народ, для которого они собирались жить и умереть. Другие хотели поселиться среди народа в качестве учителей, фельдшеров, акушерок, с целью поднятия его умственного и нравственного уровня. Третьи намеревались разбудить в нем сознание его бедственного положения и выяснить ему противоположность его интересов с интересами его угнетателей, помещиков и фабрикантов, и, таким образом, сорганизовать народную партию, которая была бы готова к бою в момент революции. Многие, наконец, предавались несбывшейся надежде вызвать восстание в ближайшем будущем. Всем этим кружкам было обще желание сблизиться с народом — желание, которое уже само по себе характерно для русских условий,

где существует глубокая пропасть между низшими и высшими классами и совершенно отсутствует средний класс, который мог бы служить связующим звеном между ними. Могучее воодушевление, охватившее в 1872 и 1873 годах русскую образованную молодежь, принадлежавшую большею частью к привилегированным классам, и побудившее ее перенести социалистическую пропаганду из тайных, но шумных собраний студентов в избы крестьян и на фабрики, — это воодушевление относилось к незнакомому, идеализированному народу, источнику обновления не только русского общества, но и всей европейской культуры. Пробуждающаяся молодая сила прорвала в своем бурливом течении плотину, поставленную законом: так характеризует передовая статья «Общины» поход социалистической молодежи в обетованную землю крестьянства. Живым упреком стоял перед русской социалистической молодежью, с одной стороны — рост рабочего движения на Западе с его победами и страданиями, а с другой — нищета собственного народа у себя дома. Но где тот путь, который приведет их к народу? Ведь они чужды ему по своей культуре, по нравам, по традиции! Им было небезызвестно также, что крестьянин питает инстинктивное недоверие к высшим классам. Как же им с их белыми руками и другими особенностями дворянской культуры итти туда, где до сих пор хозяйничали их отцы и братья при помощи кнута и поборов? В этот решительный момент русские социалисты не нашли ни у кого поддержки. Их первые попытки были, наоборот (как и следовало ожидать), встречены недружелюбно. Даже доброжелательные люди находили для них лишь такие напутствия: «Что хотите вы сделать в народе, вы, белоручки и баричи? Вы хотите извратить народный ум! Но крестьяне свяжут вас по рукам и ногам, если вы хоть словом обмолвитесь против царя! Останьтесь лучше дома и научитесь чему-нибудь вы, недоросли!» Но на молодежь не действовали ни насмешки, ни угрозы. Она находила, что уже и то слишком долго откладывалась пропаганда в народе, и решила пробить во что бы то ни стало широкую брешь в стародедовских крестьянских воззрениях. Движение, имевшее в начале очень скромные размеры, скоро получило эпидемический характер, благодаря первым успехам. «В народ!» — таков стал лозунг свободомыслящей молодежи. Русский социалист рвал семейные узы, отказывался от карьеры, старался отделаться от внешних признаков

барства, дать загореть своему лицу, огрубеть рукам [1]. Он одевался в крестьянское платье, засовывал фальшивый паспорт за голенище, перебрасывал через плечи сумку с книгами, брал посох в руки и, отряхнув прах гнилого мира от ног своих, «шел в путь без дороги» [2].

Различают пропаганду двух родов: летучую и оседлую. Некоторые молодые люди отправились в народ просто затем, чтобы знакомиться с его образом жизни и лишь при случае говорить крестьянам речи, оставшиеся в большинстве случаев непонятыми, и всовывать книги тем из слушателей, которые казались восприимчивее. Нечего прибавлять, что подобная деятельность оставила слабые следы, и насмешники называли путешествия подобных социалистов parties de plaisir. Другие блуждали в продолжение долгого времени в одной и той же местности, занимаясь при этом практической деятельностью: так, например, Перовская ходила по прикамским селам в качестве оспопрививательницы. Наиболее проницательные скоро отказались от подобных бесплодных блужданий, бросили неорганизованную «летучую» пропаганду, уселись на одном месте и занялись каким-нибудь ремеслом или торговлей или устраивали школу. В записке графа Палена имеется целый список социалистических мастерских: больше всего было сапожников и столяров; в некоторых губерниях разные кружки устроили кузницы, слесарни и бондарни. Особенное внимание было обращено на школы, где, благодаря высшему образованию учителей, преподавание было лучше, чем в обыкновенных школах, и где надеялись воспитать социалистически-мыслящее поколение. Лавки и корчмы были важным центром пропаганды: здесь хранились книги, адреса и ключи для шифра; сюда обращались вновь прибывшие агитаторы, узнавали пароль и получали необходимую помощь; сюда посылались извещения о грозящей опасности, и здесь находили убежище те, которые преследовались властями. Было известное число агентов, которые служили посредниками между кружками в городах и поселениями в деревнях. В начале движение ограничивалось пропагандой среди более близких фабричных рабочих в городах, но скоро пришли к убеждению, что центр социального вопроса в Рос-

[1] Лицо они смазывали маслом и ложились на солнцепеке; руки мазали дегтем.

[2] «Община», № 1, передовая статья.

сии лежит в крестьянстве, и по понятной реакции вся работа сосредоточилась односторонним образом в деревне. Но так как непосредственное воздействие на крестьянство было очень затруднено, то пытались помочь делу при посредстве промышленных рабочих, привлекая в свою среду наиболее интеллигентных из них, чтобы затем, снабдив их деньгами и книгами, отправить в родную деревню, где они могли бы вести пропаганду, подготовлять народ к восстанию и, когда дело приблизится к нему, извещать об этом своих учителей. Эти учителя могли, правда, наткнуться иной раз на неожиданность в роде следующей, приключившейся с будущим цареубийцей Желябовым [1]). Последний, поселившись в Одессе вместе с группой рабочих в их сырой и грязной квартире, положил массу труда на ознакомление своих слушателей с содержанием революционных брошюр, но когда он обратился к одному из лучших своих учеников с вопросом, что тот сделал бы, если бы кто-нибудь дал ему 500 рублей, то получил в ответ: «Я отправился бы домой в деревню и снял бы там лавку!»

Однако, не все социалисты впали в односторонность большинства, не все вели пропаганду среди крестьян. Желябов, например, образовал в Одессе союз из рабочих с собственной кассой и библиотекой. Тот же Желябов никогда не порывал связей с обществом, а старался привлечь последнее на свою сторону. Ему вообще русская революция представлялась не как исключительное освобождение крестьян и рабочего класса, а как возрождение всего русского народа. В этом отношении его взгляды расходились со взглядами большинства тогдашних революционеров, именно со взглядами чайковцев.

Очень поучительны, хотя и не типичны, воспоминания пропагандистки Брешковской, опубликованные в «Общине» [2]). Дочь уездного начальника, она вышла замуж за мирового судью Черниговской губернии и в конце 60-х годов, имея 30 лет от роду, занималась вместе с своим мужем чисто легальной деятельностью в земстве. В 1870 году муж ее по доносу был лишен места, отправился в Петербург и здесь вместе с своей женой вступил в общество чайковцев. Под видом и в одежде простой работницы

---

[1]) Андрей Желябов, Биография, стр. 47.

[2]) Извлечения у Лавиня, стр. 328.

Брешковская отправилась в народ. Пробыла она там всего $2^1/_2$ месяца, но за это короткое время успела побывать в трех малорусских губерниях и скоро приобрела репутацию опытной женщины, умеющей читать и писать, что значительно усиливало ее авторитет. Пожилые крестьяне с удовольствием слушали ее речи и считали доказанным все, что она подтверждала ссылкой на печатные книги. Крестьяне вообще охотно слушали все, что она говорила об отрицательных сторонах их положения. Впоследствии ни один из них не соглашался давать показания против нее, несмотря на все угрозы полиции. Распространился даже слух, что это была императрица, которая в такой одежде хотела сблизиться с народом [1]).

Пропаганде служила как устная речь, так и раздача прокламаций и брошюр. Уже в 1870 году Долгушин с некоторыми московскими товарищами завел тайную типографию в деревне Сараеве близ Москвы, и сам напечатал несколько воззваний к народу и к интеллигенции. Позже правительственный стенограф Мышкин содержал в Москве типографию, в которой под присмотром канцелярского служителя Уткина печатались книги (между прочим перевод произведений Лассаля), а также и брошюры, и доставлялись в громадных количествах в поселения социалистов. Другие произведения доставлялись из-за границы, преимущественно из Женевы. Многие из этих произведений пытались, и вполне удачно, подражать народному языку. Так в разное время появились следующие брошюры и рассказы: «Дедушка Егор», «Митюшка», «Очерки степной и фабричной жизни» Левитова и Голицынского, «Сила солому ломит», «Сказка - говоруха», «Внушителя поймали», «Рабочие рассказы для народа» и т. д. В этих брошюрах изображается безнадежное положение народа,

---

[1]) Другой пропагандист рассказывает, что, имея 19 лет от роду, он занялся изучением столярного ремесла, которое, как и сапожничество, избиралось всего чаще, потому что ему легче научиться. Вскоре затем он поступил рабочим на железнодорожную станцию, потом отправился в деревню, работал в поле, имея при себе за все это время только две книги: Спенсера и Статистику Кольба. Но уже по истечении трех месяцев он убедился, что секта молокан, на которую он пытался влиять, не представляет годного революционного материала, и отправился в Петербург. В деревне крестьяне в насмешку прозвали его звездочетом, потому что он объяснял им однажды карту созвездий (Дейч).

его эксплоатация капиталом и пагубные последствия ростовщичества, а в конце концов напоминаются протесты угнетенных крестьян вроде восстаний Стеньки Разина и Пугачева. К брошюрам, восхвалявшим восстания, принадлежит также рассказ о разбойнике Стеньке Разине; его деяния и его казнь прославляются,как примеры гражданского мужества в защите порабощенного народа. Эта же тема была обработана в драматической форме одним прокурором, и,кроме того, Разин был воспет в многочисленных песнях. Кроме вышеперечисленных произведений вышли еще: «История французского крестьянина», «Сказка о четырех братьях», Собрание стихотворений и песен, и целые массы прокламаций. В «Хитрой механике» Степан рассказывает другому крестьянину о прямых и косвенных налогах, о том, с кого они взимаются и на что расходуются. Необходимо, чтобы народ привлек на свою сторону солдат, перестал платить подати и восстал против кучки своих грабителей, как это сделал Пугачев. Точно также в брошюрке под заглавием: «За богом молитва, а за царем служба не пропадают» отставной солдат призывает восстать по примеру Пугачева. В форме проповеди появилось «Слово на великий пяток» за подписью епископа Воронежского. В Женеве вышли: «Паровая машина», «Правда», «Про богатство да бедность», «Хлебопашество» и «Как наша земля стала не нашей». Некоторые из этих брошюр были отпечатаны на малорусском и белорусском наречии. К украинцам обращалась великолепно отпечатанная золотыми буквами на большом листе с красной каймой «Золотая грамота»: бог создал землю для всех — говорилось там; все друг другу равны; но царь и паны забрали землю в свои руки, и от них нельзя ждать ничего хорошего, поэтому надо надеяться только на самих себя, вооружиться ножами и отплатить врагам муками за муки. Немалую роль играли также песни, которые заучивались наизусть и распевались при случае. Один русский социалист насчитывает число розданных брошюр до нескольких десятков тысяч. Не следует, наконец, пренебрегать той интересной группой пропагандистов, которая отправилась в среду сектантов с евангелием в руках, желая на основании библии доказать испорченность современного общественного экономического порядка и необходимость замены его новым общественным порядком. С этой книгой в руках они имели большой успех.

Однако, не все социалисты оставались при вышеописанной деятельности. В своей записке министр юстиции граф Пален бросает им упрек, что некоторые социалисты пытались совершать кражи из частного и общественного имущества, с целью обогатить революционную кассу (с хорошею целью, которая, по их мнению, оправдывала средства). Пропагандисты протестовали против министерских обвинений, которые действительно не всегда соответствовали истине. Они утверждали, что министр взводит на них такую напраслину лишь для того, чтобы заставить русское общество выдавать или во всяком случае перестать поддерживать людей, замешанных в уголовные преступления. Но не лишено вероятия, что социалисты вели, когда представлялась возможность, пропаганду среди уголовных преступников и оказывали содействие их бегству. В биографии цареубийцы Кибальчича рассказывается в похвалу ему, что даже в тюрьме (1874 — 1877) он не потерял времени и сумел привлечь на сторону социализма уголовных преступников, из которых двое оказали впоследствии важную услугу революционному делу (освободивши одного заключенного в Харькове). «Нам нужны такие люди, которые были бы готовы на все, и таких людей скорее найдешь между арестантами, чем между гуляющими на воле», — так говорил один из пропагандистов. По сообщению графа Палена, у разных агитаторов были найдены адреса воров, конокрадов и всяких мошенников. В руках таких горячих голов, руководившихся принципом Кампанеллы и употреблявших такие крайние средства, пропаганда теряла, во всяком случае, свой мирный характер. Пропагандисты становились агитаторами, сторонниками пропаганды фактами. Они верили в возможность близкого восстания и думали даже сделать попытку в этом направлении, в том случае, если бы вспыхнула война с Германией и войска двинулись бы к границе.

Из всего вышеизложенного видно, что пропагандистское движение 1872—1875 годов не представляло из себя чего-то цельного и однородного.

Рядом с главным мирно-социалистическим направлением существовали группы, значительно отклонившиеся как вправо, так и влево. Во всяком случае, нельзя не признать, что пропагандисты с большим рвением проникали повсюду и не останавливались ни перед какими трудностями, поддерживая постоянную связь между

различными группами и поселениями. В 1874 — 75 гг. не было почти ни одной великорусской или малорусской губернии, где не было бы социалистических групп или кружков, находившихся под влиянием центральных групп больших городов. Больше всего социалистов было в университетских городах, откуда они главным образом и черпали свои силы. Пропаганда направилась преимущественно на нижнее течение Волги, где действовали когда то Пугачев и Разин, и на Днепр, где сохранились традиции старой казацкой свободы, и таким образом предполагалась почва для революционного движения. Уже было заложено прочное основание для агитации; во всех учебных заведениях имелись связи и последователи. Активную роль в движении играли главным образом воспитанники высших учебных заведений, хотя были среди них и люди более пожилые, состоятельные и пользовавшиеся всеобщим уважением, каким был, например, мировой судья Войнаральский, пожертвовавший на пропаганду свое состояние, достигавшее 40 тысяч рублей [1]). Все эти лица могли заниматься своей деятельностью только потому, что на их стороне были симпатии общества. В Оренбурге, например, жена жандармского полковника помогала советами своему сыну-социалисту, а в Ярославле профессор ввел известного агитатора в круг местного студенчества. В одном месте старая богатая помещица ведет пропаганду среди своих крестьян и посылает своих дочерей учиться в Цюрих; в другом бывший казначей прямо заявляет, что он готовит своего сына «для народа», а в Вятке председатель земской управы при замещении должностей советуется с скомпрометированным студентом. Богатые помещики и мировые судьи, земские врачи, почтенные московские семьи не раз давали у себя убежище известным агитаторам, скрывали их от полиции и поддерживали советами и деньгами. Спросят, откуда эта огромная симпатия общества? Почему буржуа помогали социалистам, желавшим подкопать основы их социального существования? Очевидно, потому, что общество было до такой степени озлоблено против правительства, что оно поддерживало врагов последнего, где бы они ни находились, только для того, чтобы дать исход своему оппозиционному настроению. При таких обстоятельствах почти невозможно провести границы

---

[1]) Записка графа Палена.

между простым сочувствием движению и деятельным в нем участием; — поэтому определить с достаточной точностью число активных деятелей движения нет никакой возможности. Предполагают, что пошедших в народ было от двух до трех тысяч.

Сильное участие в нем женщин составляет отличительную особенность русского революционного движения. Многие девушки, молодые и пожилые, некрасивые, а подчас и очень красивые, покидали родительский кров, чтобы итти в народ и там переносить все тягости народной жизни. Семьи Натальи Армфельд, Варвары Батюшковой, Софьи Перовской, ее подруги Софьи Лешерн-фон-Герцфельд и других — принадлежали к сливкам общества. Отцы этих девушек были действительными статскими советниками, губернаторами, генералами. Но это не помешало их дочерям работать в полях и на фабриках, жить вместе с товарищами по работе и при этом не встречать упреков со стороны своих родственников, а иногда даже находить у них сочувствие и одобрение. Среди привлеченных к ответственности с 1870 года до 1875 года было 612 мужчин и 158 женщин (следовательно, пятая часть). Наконец, достойно внимания еще то, что среди деятелей движения первое место занимает уже не дворянство, как было во время восстания 1825 года, а также и в сороковых годах, а «интеллигентная молодежь», и что уже появляются на сцену лица из народа, настоящие рабочие, как, например, слесарь Малиновский, и крестьяне, как Петр Алексеев, и другие, представляющие продукт пропаганды этих лет.

Но скоро мирный ход пропаганды был нарушен. Уже в средине 1873 года произошли аресты, а в 1874 году Долгушин с товарищами был предан суду за устройство тайной типографии и за распространение революционных брошюр; пятеро из участников были приговорены к каторжным работам на 10 лет. Но это было еще не так важно. 31 мая 1874 года в Саратове был получен донос, указывавший на распространение в народе брошюр революционного содержания. Перепугавшееся правительство недолго раздумывало. Начальник третьего отделения граф Шувалов был заменен Потаповым, в июле был обнародован более строгий закон против запрещенных сообществ, а царь обратился к дворянству, приглашая его стать на сторону самодержавия и взять в свои руки руководство народным образованием. По всей империи пошли

сильнейшие преследования; за короткий срок было забрано и привлечено к следствию до 770 человек, из которых 265 были оставлены под арестом, 452 — освобождены до суда, а 53 — остались неразысканными [1]), кроме того, еще многие сотни были арестованы и наказаны административным путем [2]).

В 1875 году социалистическая пропаганда, начавшаяся в 1872 и достигшая своего апогея в 1873 — 1877 годах, была окончательно расстроена полицейскими преследованиями. Большинство социалистов пробыло в народе только один-два года. Сильное отчаяние и полное уныние отражается в их письмах, печатавшихся во «Вперед». Пропаганде не удалось обратить крестьян к анархическому социализму; еще менее удалось ей вызвать действительное восстание. Но как только прошли первые мгновения разочарования, начался анализ причин неудачи пропаганды и изучение ее результатов. Как безнадежно относились теперь многие революционеры к движению, начатому с таким воодушевлением [3])! Некоторые отрицали даже какой бы то ни было успех. Такая низкая оценка достигнутых результатов объясняется теми преувеличенными ожиданиями, которыми все жили раньше. Во всяком случае, справедливо то мнение, что результаты далеко не соответствовали жертвам: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не следует думать, что пропаганда прошла без всяких следов. Во многих случаях социалистические идеи запали в головы крестьян, подтверждая их собственные желания, порожденные в них всем ходом жизни.

---

[1]) В мае 1875 года министр юстиции граф Пален отпечатал свою записку об успехах революционной пропаганды и разослал многим лицам. Записка была тотчас же отпечатана в Женеве и переиздана затем несколько раз.

[2]) В пятом томе «Вперед» опубликованы тайные полицейские списки подозрительных в политическом отношении лиц: привлекавшихся к следствиям, сосланных административным порядком, арестованных тем же порядком без привлечения к суду и, наконец, лиц, находящихся под гласным и тайным надзором полиции. Рядом со студентами, акушерками, мещанами мы встречаем здесь имена обер-инженера, художника, лейб-гвардии штаб-ротмистра, профессора, золотопромышленника. Один список от 1877 года содержит свыше 464 имен, другой от 1877—свыше 375. Другие списки—более специальные и содержат 150, 200—300 имен.

[3]) Например «Вперед», т. II, стр. 122 и дал.—«Община», № 8-9, ст. Я. Стефановича, и № 1, стр. 5.

И мы видим, что многие крестьяне и рабочие на суде с воодушевлением исповедуют свои социалистические воззрения. Уже в 1874 году слесарь Малиновский объясняет со скамьи подсудимых, что он не имел намерения убить царя, так как не один только царь виновен в страданиях народа, а также купцы и помещики; поэтому, надо итти на фабрики и в деревни, чтобы воспламенить народ во имя общего дела. Точно так же в 1877 году на процессе 50-ти в Москве крестьянин Петр Алексеев громил эксплоатацию. В социалистических кружках было много членов из рабочих; существовали даже чисто рабочие союзы, как, например, в Одессе. Эти рабочие могли затем итти в качестве агитаторов в народ и там рассчитывать на больший успех, чем их учителя. Наконец, пропаганда имела еще и тот результат, что было приобретено несколько точек опоры для дальнейшей деятельности в деревне. Пропагандистское движение пустило в народе более глубокие корни, чем все прежние заговоры, и заложило основы для будущей революционной партии. Не исполнилось, конечно, лишь ребячески-нетерпеливое желание создать тотчас же социалистическую народную партию.

Каковы же причины относительной неудачи пропаганды?

Прежде всего, социалисты были чересчур молоды и чересчур большие энтузиасты. Целый поток неподготовленной молодежи обоего пола, едва вышедшей из детского возраста, хлынул в народ. Все они переоценивали свои собственные силы и идеализировали крестьян. Словом истины думали они обратить последних и воспламенить их для революции; они уже по пальцам высчитывали, через сколько лет им удастся ее совершить. В своем воображении они видели быстрые и блестящие результаты, совершенно забывая, что для всего этого необходима работа целых поколений. Их энтузиазм придал движению массовый характер, но тем сильнее было разочарование. Обладая, затем, очень мелкими знаниями, эта молодежь естественно должна была обращать главное внимание на благородные чувства и добрую волю. Поэтому пропагандист оценивался не по той сумме пользы, которую он приносил делу, а по степени своей субъективной ему преданности [1]). Действительная же польза была незначительна. И чего в самом деле можно было

---

[1]) «Община», № 8-9, ст. Аксельрода «Переходный момент нашей партии».

требовать от юнцов, хотя бы и воодушевленных самыми благородными стремлениями? Иные довольно скоро уставали «двигать революцию»; появлялись на сцену всякие личные сантиментальности; в других просыпалось честолюбие, стремление играть главную роль, которое, наталкивая на соперничество, вело к раздорам и расколам [1]). Отдельные лица и целые группы враждовали между собою как лавочники, из которых каждый расхваливает достоинства товаров только из собственной лавочки. Последний упрек делали в особенности женщинам.

Затем молодежь была очень неосторожна: перед ней еще не было того горького опыта, который предстоял ей в будущем в таких громадных размерах. Как истые дети русского народа, они предоставляли дело случаю; они мало скрывали свои приготовления, вели переписку, посылали деньги, как будто у них не было никаких тайн и им нечего было скрывать; большею частью они сами были виноваты в своем аресте. «Отправляться в путь, не зная дороги», — оказалось трудным. Часто пропагандисты попадали прямо в руки полиции или ростовщика [2]); иногда из-под крестьянского зипуна выглядывала рубаха из голландского полотна, и в таких случаях фальшивый паспорт переставал служить защитой и превращался в corpus delicti. Далее. Чем больше росло движение, тем чаще в кружки попадали люди, не имевшие никакого непосредственного отношения к пропаганде, или совершенно к ней неподготовленные. Новые товарищи принимались без необходимых предосторожностей, из-за пустого стремления как можно скорее расширить круг движения, но таким образом увеличивалось число жертв. Это обнаружилось ясно при процессе южно-русского рабочего союза: пока все были осторожны, все шло хорошо, но потом стали быстро пополнять союз мало знакомыми людьми и тем облегчили доступ недостойным членам, которые впоследствии все выдали. Например, Трудницкий, народный учитель Черниговской губернии, выдал свыше ста товарищей, за что получил место прокурора на Кавказе.

Другая причина неудачи, по словам противников пропаганды, писавших в «Набате» (1878), лежала в недостаточно централизо-

---

1) «Вперед», т. II, стр. 122 и далее.
2) «Община», № 1, стр. 4.

ванной организации и в отсутствии дисциплины среди деятелей. Этот упрек применим вполне к южным бунтарям и к позднейшей московской группе, и в меньшей мере к чайковцам, у которых существовала довольно правильная организация. И если число арестованных было все-таки гораздо больше, чем при заговорах 1825, 1849 и 1860 годов, то ведь участников было много больше, и социалистический характер движения был совершенно другой, чем при прежних заговорах. Теперь не хотели ограничиться узким кругом заговорщиков и двинулись в широкую массу крестьянства и рабочих, чтобы создать социалистическую народную партию. Предусмотрительность требовала, чтобы при этой пропаганде было проведено соответствующее разделение труда между отдельными членами кружков, но это не было приведено в исполнение [1]). Все делали приблизительно одно и то же, при этом разбрасывались во все стороны, не могли усесться на месте и приняться за какую-нибудь правильную деятельность. Позднейший опыт показал, что постоянные перекочевывания не дали большинству основательного знакомства с народной жизнью и не создали твердой опоры для будущей деятельности. При этом самым односторонним образом настоящей пропагандой считалась только деятельность среди крестьян, и не обращалось внимания на городских рабочих, интеллигенцию и другие классы общества. Только тот считался действительным революционером, кто надевал на себя крестьянское платье.

Интересно, поэтому, проследить, как относились к этой пропаганде крестьяне. В этом отношении опыт пропагандистов был довольно печален. Страницы «Вперед» полны жалобами на тех, которые донесли и изменили своим доброжелателям и учителям; указывались даже случаи побоев и выдачи связанных пропагандистов полиции. Последняя пользовалась этим довольно ловко, выдавая социалистов за барских сынков, которые действуют в интересах дворянства и хотят натравить крестьян на царя. Некоторые крестьяне верили этому, но далеко не все, как угодно было утверждать правительственным органам. Нередко крестьяне внимательно прислушивались к горячим, хотя и не всегда понятным, речам об отмене налогов, о свободе общины, о новом мужицком

---

[1]) Я. Стефанович «Злоба дня».

царстве, и в их душе зарождалась вера в новое учение [1]). Бывали даже случаи, что ученик оказывался радикальнее учителя, желавшего эмансипировать его только от веры в губернатора и попа, и самостоятельно делал соответствующий вывод на счет царя и Николая чудотворца. Ничуть не соглашаясь выдать пропагандиста, он прятал его в укромное местечко, и ночью, лесными дорожками, приводил в тайное убежище. И если среди крестьян не было недостатка в шпионах и доносчиках, то ведь их было не мало и в собственных рядах пропагандистов!

Можно вообще усумниться в основательности упреков по адресу крестьян за то, что они отнеслись к стремлениям пропагандистов без должного понимания. Разве крестьянам были известны их мотивы [2])? Когда ко мне приходит чужой человек, мотивы которого мне неизвестны, и уверяет меня в своей любви и дружбе, то это возбуждает во мне естественное недоверие. Так крестьяне опасались некоторое время, как бы «господа» их не перехитрили. К тому же круг идей крестьян был совершенно различен с идеями «современных перипатетиков». Последние выросли большею частью в городах, в состоятельной среде, были, вероятно, знакомы с произведениями иностранных политико-экономов, философов и естествоиспытателей, но фактические отношения на их родине, взгляды, потребности и жалобы крестьян были им неизвестны; они даже не умели объясняться с ними на народном диалекте. Степень научного образования этих, рано покинувших школьную скамью, гимназистов, семинаристов и студентов была очень ничтожна, а их вожди были лишены почти всякой научной оригинальности. При этой неспособности к идейному творчеству русская молодежь усвоила простейшие формулы, преподнесенные ей в догматической форме ее вождями. Эти формулы были заимствованы из оппозиционной жизни Запада, специально же по вопросу о социальной революции у анархического интернационализма и у немецкой социал-демократии. Русские пропагандисты находились под влиянием этих двух течений, перед их воображением мелькали западно-европейские отношения; идеи западно-европейского социализма были их идеями. Но эти идеи были недостаточно ими обдуманы

---

[1]) «Община», № 1, передовая статья.

[2]) «Свободное Слово», № 37 и 38.

(ведь даже Шефле признал, что ему потребовались годы для того, чтобы ясно понять все следствия социализма), и все-таки они хотели проповедывать их народу, как непогрешимое целебное средство. Понятно, что эти идеи в применении к русским крестьянам оказались чересчур абстрактными. Многие пропагандисты говорили земледельцам об их нужде в чересчур общих словах, не касавшихся сути дела.

Всем предлагалось одинаковое лечение без всякого внимания к разнообразию условий, в которых находились пациенты. Рекомендуя великорусскую общину казакам, малоруссам и белоруссам, у которых преобладает подворное владение, нельзя было никоим образом привлечь их на сторону социализма. Точно так же и книги часто писались без достаточного знакомства с местностью и местными условиями: для среднего, типичного читателя, которого воображали себе авторы [1]). Так, например, «Сказка о четырех братьях» понятна только для великоросса, деяния Пугачева могли оживить революционную традицию только на Волге, тогда как Малороссия имела своих собственных народных героев и свои собственные народные движения. Точно так же в прокламациях почти исключительно употреблялась великорусская речь, мало понятная другим русским племенам, не говоря уже о других народностях, населяющих Россию. При безграмотности крестьян пропагандиста могла постигнуть еще большая беда: получивший книжку мужик обращался иной раз к попу или к чиновнику, прося разъяснить ее содержание. Но даже и помимо всех этих трудностей, у крестьян просто не было времени читать раздаваемые книги. Таким образом, невежество и бедность крестьян оказывались главными препятствиями для пропаганды.

Из вышесказанного следует, что «хождение в народ» было скорее паломничеством верующих, даже слишком легко верующих масс, мужчин, женщин и детей, к святым местам народной жизни, чем серьезно задуманным делом сознательной и организованной революционной партии [2]). Анархический социализм был столь же

---

[1]) Об издании русской социально-революционной библиотеки (циркуляр).

[2]) «Община», № 8-9, мнение социалиста Аксельрода (смотри выше цитированную статью).

чужд крестьянам, как и многим из самих социалистов; он отскакивал от сознания народной массы, потому что он не находился ни в какой связи с историческим развитием страны.

V.

Революционная агитация
(1875 г. — 1877 г.).

В 1875 году социалистическая пропаганда, благодаря полицейским преследованиям, была в полном расстройстве: большинство пропагандистов было арестовано, а их организация разбита. Оставшиеся на свободе социалисты перебрались в города, преимущественно в Петербург. Здесь в студенческих кружках началась жесточайшая самокритика и оживленнейшие споры о причинах неудачи движения и о необходимости изменить его направление. Эти споры продолжались в течение зимы 1875 и всего следующего года и привели к раздорам и нетерпимости: каждая группа претендовала на обладание талисманом, обеспечивающим успешный ход революции. В результате, однако, миролюбивые лавристы, пытавшиеся тогда начать пропаганду среди городских рабочих, отошли окончательно на задний план, а во главе движения стали революционные агитаторы, до тех пор действовавшие разрозненно на юге и в Москве, а теперь начинавшие давать тон всему движению и проникать с своими идеями в петербургские кружки. Место космополитического социализма заняло народничество, цель которого состояла в осуществлении народных желаний; вместо словесной пропаганды появилась агитация действием (бунтарство), вместо летучей пропаганды — поселение в народе, вместо простого возбуждения народа — организация его в боевые отряды. Представители этого достигшего господства направления называли себя народниками-бунтарями.

Появление этого нового направления было естественным результатом тех условий, в которых оказались русские социалисты [1]). С одной стороны, из соприкосновения с крестьянами они

---

[1]) Срав. Аксельрод, Entwicklung d. soc.-rev. Bew. Стр. 11.—«Община», № 8-9, стр. 33 и дал., ст. Стефановича.

узнали, что деревня совсем не так идеальна, как они себе представляли, что она отличается не одной только бедностью и отсутствием знаний, а также и тьмой предрассудков, что к царю крестьянство относится с почтением и ненавидит только чиновников и помещиков. А с другой стороны, у того же крестьянства оказались свои определенные идеалы: оно было привязано к общинному землевладению, с его принципом равенства, по которому даже женщина может получить участок земли; затем крестьяне желали увеличения своих наделов и относились отрицательно ко всяким падающим на землю платежам, так как, по их мнению, плату можно брать лишь за то, что сделано руками человеческими, а не за созданную богом землю. Таковы были положительные требования крестьян, им понятные и ими самими выставленные, тогда как теории анархического социализма не оказывали никакого влияния на народное сознание. Понятно поэтому, что социалисты скоро выбросили за борт чужестранные идеи, что эмигрантская литература потеряла руководящую роль в движении и уменьшился интерес к европейским событиям, которые не могли найти широкого отголоска в России. Целью движения ставят теперь осуществление всех желаний и требований, заявляемых самим русским народом. Вся земля должна перейти к крестьянам, все налоги должны быть уничтожены, и освобожденная от всякого стеснения община будет развивать присущий ей принцип общего владения. Для массы революционеров, для всех так называемых широких натур в удовлетворении этих требований и состояла конечная цель социализма; социалисты же, более требовательные в теоретическом отношении, сохранили свои анархические взгляды, заменив лишь прежнюю космополитическую бесцветность определенной русской окраской.

Резче всего сказался переворот в выборе революционных средств. Массовые аресты, длящееся тюремное заключение множества товарищей без суда и без разбора степени вины каждого — произвели сильнейшее впечатление на социалистов. Жестокость преследований толкала оставшихся на воле спешить, пока не попались, сделать все возможное для ускоренного ниспровержения старого общественного порядка. Они пришли к убеждению, что пропаганда социализма и раздача брошюр не в состоянии поднять народ и укрепить его веру в собственную силу. Нужны не слова,

а факты; место пропаганды должна занять революционная инициатива. Народ — говорилось тогда нередко — оказывает сопротивление церковным и государственным властям, но это сопротивление имеет пассивный характер. Народные восстания гораздо многочисленнее, чем восстания имущих классов, но они всегда носят местный характер, и народному движению недостает организации и общего направления. И вот тут-то необходимо вмешательство интеллигентной молодежи: она должна устраивать заговоры и вызывать бунты; раз пролитая кровь будет требовать мести, и таким образом ускорится приближение революции. Бунт, начатый горстью людей в качестве практического примера, гораздо важнее, чем распространение брошюр и произнесение речей. Это усиленное настаивание на революционной агитации часто обусловливалось темпераментом: флегматики считали возможным ждать десятки лет, пока народный дух будет революционизирован речами и книгами, а сангвиники стремились к быстрому натиску. Существовали и смешанные группы. Но всего громче раздавался призыв к созданию боевых дружин, с целью вызвать восстания в народе. Что такие организации могут быть созданы только продолжительной и последовательной агитацией, было всем ясно, а отсюда само собою вытекало требование устройства поселений в народе. Предполагалось, что бунтари станут селиться по деревням, организовывать там заговоры, вызывать восстания и руководить ими; оседлость должна была дать возможность основательно повлиять на деревню. Особенной разборчивости в средствах, при помощи которых следовало вызывать бунты в народе, не было. Так в 1875 году один делегат южно-русских групп привез в Женеву рукопись, в которой агитатором рекомендовалось пользоваться в своих целях царским именем [1]: такие, мол, примеры бывали, так как Пугачев, а в новейшее время Антон Петров (1861) были самозванцами и вызвали крупные народные движения, во время которых представляется масса случаев для удачной агитации. Редакция «Работника» отказалась напечатать эту рукопись.

При своем стремлении к самокритике революционеры не могли не заметить также, как сильно мешала раздробленность организаций успеху деятельности, и с этих пор начинают складываться

---

[1]) Аксельрод, стр. 12.

более сплоченные организации с лучшим разделением труда. В то же время революционеры начинают обращать больше внимания на деятельность среди городских рабочих и интеллигенции.

Об этих и подобных им вопросах в течение зимы 1875 и всего 1876 года велись бесконечные споры, не допускавшие, казалось, никакого объединения. Но в это время остатки петербургских чайковцев соединились с так называемой донской группой в одну организацию, к которой присоединилось также несколько отдельно стоявших личностей, среди которых был между прочим и Плеханов. В 1876 — 78 гг. эта организация бунтарей-народников была известна под данной в шутку кличкой троглодитов, а впоследствии стала называться обществом «Земли и Воли» по имени своей газеты, издававшейся в Петербурге в 1878 и 1879 гг. Программа этого общества заключала в себе все существенные народнические требования и была встречена общим сочувствием. Как это всегда бывает при революционных движениях, масса революционеров стала примыкать к «троглодитам», и в 1876 — 79 гг. их общество пользовалось в революционной среде наибольшей популярностью, а вследствие этого располагало лучшими силами и наибольшими денежными средствами. Душою общества был сначала Марк Натансон, а после его ареста с 1877 года Александр Михайлов. Члены этой организации селились в народе с тем, чтобы, пользуясь местными нуждами и отношениями, организовать боевые дружины и вызывать бунты, вести «пропаганду фактами». Но даже в этом вполне солидарном обществе существовало пока еще скрытое различие между людьми, для которых выполнение народных желаний представлялось конечной целью их деятельности, и теми, которые в агитации на этой почве видели только средство, ведущее к народной революции [1]). Среди северян преобладало первое направление, среди южан второе. Практическая деятельность на севере сводилась к агитации на почве крестьянской нужды, к борьбе с помещиками, чиновниками и кулаками; хотя в теории северяне не чуждались нелегальных средств борьбы, но на практике они по преимуществу оставались на легальной почве. На юге, напротив, как мы сейчас увидим, пускается в ход самозванство, обман и убийство, и делаются также попытки организовать боевые отряды.

---

[1]) Биография Желябова, стр. 15.

Южным революционерам восстание казалось гораздо более близким, чем северным, в представлении которых оно отодвигалось в далекое будущее. Юг оказался легче воспламенимым, более склонным к насилию, здесь же и противо-еврейские беспорядки приняли наиболее грозную форму. Кроме того в юго-западной России сохранились еще воспоминания о республиканской воле в 17-ом столетии.

Переворот во взглядах революционной молодежи отозвался и на ее заграничной прессе. Это особенно обнаружилось в появившейся в 1876 году книге П. Лаврова о «государственном элементе в будущем обществе» и в программе, набросанной им в конце того же года при сложении с себя обязанностей редактора журнала «Вперед». В этих произведениях Лавров отвел влиянию государственного элемента настолько значительное место, что вызвал нападки последовательных анархистов. Хотя Лавров и признает, что государство с течением времени из органа всеобщей безопасности превратилось в заговор немногих эксплоататоров против массы эксплоатируемых, что оно уничтожило всякую общественную безопасность и потому в современном своем виде подлежит уничтожению путем революции, тем не менее он полагает, что во все периоды народной жизни сохраняются следующие три естественные потребности — потребность в личной и общественной безопасности, в экономическом благосостоянии и в сложной многообразной технике; в виду этого принудительная власть государства должна сохраниться и в будущем, насколько мы можем предвидеть его. Затем Лавров набрасывает фантастическую картину тех учреждений, которые должны быть введены на другой день после революции, совершенной народом, но подготовленной союзом социалистов-революционеров, принужденных прибегнуть к заговору в виду полной невозможности действовать открыто при русских условиях. Таким образом Лавров совершенно покидает свою прежнюю точку зрения мирной пропаганды и соглашается даже на захват принудительной власти решительным меньшинством заговорщиков. Возможность успеха он ставит при этом в прямую зависимость от способности революционеров противупоставить организованной силе государства свою организованную силу и возлагает поэтому на интеллигентную молодежь обязанность создать организации в народе и в войске и установить более тесный

союз всех революционных сил. Таким образом, в главных чертах изменившиеся взгляды Лаврова приближались к взглядам активной молодежи. Тем не менее он в конце 1876 года сложил с себя редакторство журнала «Вперед», являвшегося наиболее выдающимся органом русской социалистической публицистики того периода. В своем элегическом прощальном слове к читателям Лавров мог справедливо сказать, что его журнал с самого начала был встречен недружелюбно и вскоре подвергся нападкам и клевете со стороны других органов. Появившийся в 1877 году пятый том журнала «Вперед», изданный под редакцией Смирнова, советовал вернуться к пропаганде и заняться более тихой и практической работой; это приглашение не встретило уже ровно никакого сочувствия, и издание было окончательно прекращено. Еще раньше, в марте 1876 года, прекратилась газета «Работник», издававшаяся в Женеве с января 1875 года русскими анархистами; причиной ее прекращения было наступившее в то время затишье в пропаганде. Таким образом в 1876 и 1877 гг. бунтарство в литературе не было вовсе представлено. 1-го июня 1876 года умер в Берне Михаил Бакунин, у которого в последние три года быстро развилась его болезнь сердца и печени.

В эту эпоху (в ноябре 1875 г.) возник «Набат» под редакцией Ткачева. Революционер 60-х годов, этот талантливый писатель и критик расходился со всеми направлениями, начиная с Бакунина и кончая Лавровым; все они были для него софистами или мечтателями и утопистами; их произведения критикуются им в самой резкой форме в статье «Анархия мысли», при чем он не останавливается ни перед ругательствами, ни перед клеветой. Вместо социализма он выдвигает на первый план политическую революцию, которую совершит энергичное меньшинство, овладев государственной властью и издав ряд законов экономического характера. Это возможно только при существовании группы заговорщиков, иерархически организованных, связанных строгой дисциплиной, при чем большинству остаются неизвестными частности заговора; федералистически-централизованная организация групп отвергается. Вместо вялой пропаганды и агитации он бьет в набат, проповедует все виды террора: убийство шпионов, изменников и угнетателей, а впоследствии также и всех тиранов без различия степени. Ткачев и группировавшийся вокруг него небольшой кружок с Турским (Амари)

во главе слыли русскими якобинцами, бланкистами. Этим, а также и другими особенностями «Набата» объясняется то обстоятельство, что ни даровитый Ткачев, ни его журнал не имели никакого влияния на русское революционное движение, и еще 20 октября 1878 года пять известных социалистов печатно высказали свое отвращение к рекомендуемым «Набатом» средствам и ко всему его направлению (Община, № 8—9), а профессор Драгоманов написал против него (в «Громаде») резкую статью.

Возвращаясь от литературных споров этого переходящего времени к практической деятельности революционеров, мы прежде всего наталкиваемся на большой московский[1]) кружок 1875 года. Большинство членов этого кружка (к которому принадлежали Зданович, Кардашев, Чекоидзе, Джабадари, а также молодые девушки как, напр., Бардина, Фигнер, Топоркова, Александрова, три сестры Субботины, две Любатович и многие другие) учились в Цюрихе, а после объявления этого университета опальным вернулись в Россию и отправились в народ. Некоторые из этих молодых девушек вступили в фиктивные браки со своими товарищами, называя в перехваченных письмах всю церемонию простой комедией, которая им понадобилась для того, чтобы стать самостоятельными и получить паспорта. Эта цель вполне освящала средство. На квартире одного крестьянина, содержавшего ночлежный приют для фабричных рабочих, пропагандисты собирали по воскресным дням своих товарищей по работе и читали им социалистические книжки. Напуганные арестом некоторых членов весною 1875 года, они направились в провинцию: Фигнер и Александрова действовали в центре хлопчатобумажного производства — Иваново-Вознесенске, Ольга Любатович — в Одессе и Туле, княгиня Цицианова — в Киеве, а Вера Любатович — в Москве. Пропагандисты работали на фабриках, знакомились с крестьянами, говорили об их тяжелом положении, о низкой заработной плате, об эксплоатации работодателями и о невозможности улучшить их положение. Затем развивали социалистические идеалы, и к устной пропаганде присоединялась книжная. Но, повидимому, результаты были не велики. По крайней мере, Зданович писал 9 июля 1875 года следующее: «С юга известия неудовлетворительные: двое из членов не хотят оставаться в Одессе,

---

[1]) Процесс 50-ти.

тульчане ведут себя непростительно; завели много знакомств с рабочими, но еще не прочитали ни одной книжки. Больше нечего сообщить. Посылаем вам книги и револьверы с патронами. Убивайте! Стреляйте! Работайте! Делайте восстание!» В приписке говорится, что везде слишком мало народу; все собрались в Иваново; следовало бы, чтобы кто-нибудь отправился в Тулу. Другое письмо упрекает товарищей в неосторожности. Денег и книг, как видно, было достаточно. У Гамкрелидзе нашли 8.545 рублей наличными и билет на 1.100 рублей и сверх того 300 запрещенных книг; в других местах — 2.450 запрещенных сочинений. Когда после первых арестов в марте 1875 г. члены общества отправились в провинцию, в Москве было устроено центральное правление, в которое поочередно вступали все члены. На его обязанности лежала доставка и сохранение книг, денег, адресов и фальшивых паспортов, ведение корреспонденции (шифрованной), предупреждение о грозящих опасностях, сообщение об арестах товарищей и сношение с арестованными. Пропаганда и агитация должны были итти рука об руку: первая должна была давать понятие о социальной революции, а вторая — побуждать лиц и группы начать непосредственную активную революционную деятельность, образовывая рабочие кассы и библиотеки или же основывая союзы, с прямой целью навести страх на правительство и привилегированные классы. Это московское общество было открыто в августе 1875 года и целиком уничтожено.

В других городах, в особенности в С.-Петербурге, остатки рассеянных революционеров начали оказывать влияние на городских рабочих, на которых лавристы и без того обратили внимание как на особый, подлежащий революционизированию объект. И действительно, в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе возникли союзы рабочих, выставившие социалистические цели и самостоятельно организовавшие кассы и библиотеки; союз одесских рабочих даже праздновал в 1878 году годовщину парижской коммуны, а оставшимся в живых участникам ее был послан адрес. Распропагандированные рабочие должны были отправиться в качестве агитаторов в деревню, где они могли работать с большей ловкостью и менее обращая на себя внимания, чем «господские сынки». Органом агитаторов и рабочих служила выходившая в Женеве газета «Работник».

30-го марта 1876 года была устроена демонстрация на похоронах студента Чернышева, умершего во время предварительного

следствия. За гробом шло до тысячи человек; перед зданием суда была пропета вечная память, а на могиле говорились речи. Удачу этой демонстрации следует приписать не организаторским способностям социалистов, а полной неподготовленности полиции. Поэтому вторая демонстрация в Петербурге, назначенная на 6-е декабря перед Казанским собором, совершенно не удалась [1]); правда, Плехановым была сказана речь и было развернуто красное знамя с надписью «Земля и Воля», но многочисленным участникам демонстрации не удалось даже выйти в стройном порядке на близлежащий Невский проспект [2]). Причину неудачи видели в том, что демонстрация уже два раза отлагалась из-за ограниченного числа участников; по той же причине устроители и на этот раз хотели отказаться от нее, но тут инициатива перешла в руки людей неподготовленных, обнаруживших этой демонстрацией бессилие революционеров. Это повело к пререканиям между различными группами, из которых одни защищали, а другие осуждали инициаторов. Тем не менее 24 февраля 1877 г. опять состоялась на похоронах студента Подлевского маленькая, но удачная демонстрация. Толпа ворвалась в часовню, овладела гробом, отстояла его в борьбе с появившейся полицией, остановилась перед зданием суда и донесла гроб до кладбища.

В то же время возобновилось и хождение в народ с изменившимися взглядами, правда, и с уменьшившимся воодушевлением [3]). Деятельность стала труднее, как вследствие усиления бдительности полиции, так и потому, что агитаторы ставили себе теперь более серьезные требования. Им не полагалось больше странствовать, а приходилось селиться в одном месте и отдаться всецело кропотливой и трудной работе создания в народе организаций, которые в случае необходимости могли бы начать войну против существующего порядка. Этот род агитации требовал много личных жертв, а в крестьянстве социалисты мало находили подходящих элементов. С самого начала агитация велась вяло, а поселения жили больше

---

[1]) Община, № 8—9; Полемика Стефановича против Драгоманова.— П. Лавров в Jahrbuch der Socialwissenschaft, 1879, стр. 279.

[2]) По этому делу 5 человек были приговорены к каторжным работам на 10—15 лет и 10 человек—к ссылке в Сибирь. Какой жестокий и в то же время беззаконный приговор!

[3]) Я. Стефанович и „Злоба Дня“, стр. 3.

интересами города, чем собственными силами. Они, правда, смеялись над теми товарищами, которые, желая служить народу, оставались в городе, но и их собственная работа была не очень продуктивна.

Нельзя, однако, сказать, чтобы вовсе не было сделано попыток создать заговор в народе и вызвать восстание; наибольшую энергию в этом отношении обнаружил юг. Вся киевская группа бунтарей, около 25 человек, распределила между собою отдельные области: в одном месте арендовалась деревенская лавочка, в другом другая пара торговала картинками или открывала трактир; у революционеров имелся запас оружия и патронов, а кое-кто торговал лошадьми для того, чтобы иметь их в достаточном количестве в случае восстания. Дебагорий-Мокриевич, Фроленко, Дробязгин и другие отправились в Каневский уезд (Киевской губ.). Здесь крестьянство мечтало о независимой Украйне и о гайдамачине и распевала песни Шевченка. Революционеры принесли этим крестьянам книги по их вкусу и затем приступили к агитации. Совершенно неожиданно пожилые крестьяне однажды задали им вопрос: «Чего собственно вы хотите?» — «Мы хотим вызвать среди вас восстание!» — «Мы готовы! Другие деревни также подготовляются, приходите опять на будущей неделе!» — Так и сделали. В назначенный день в одной хижине собралось свыше ста крестьян, которые принялись обсуждать вопрос, каким путем они могли бы заполучить свою землю. Решили организоваться в группы и поручили присутствовавшим на сходке агитаторам добыть им ружья и револьверы. Затем приступили к выбору вожаков. На собрании присутствовал деревенский пиита, бывший волостной писарь; он был очень обижен, что не его выбрали в руководители и в пьяном виде разболтал обо всем заговоре. Организация не просуществовала и полугода, как уже правительство знало о ней. Крестьяне, заранее предупрежденные, успели, однако, уничтожить все бумаги, и полиция не нашла у них ничего компрометирующего [1]).

---

[1]) С тем же Дебагорием случилось еще другое приключение. До правительства дошло известие о месте его поселения, но он успел вместе с товарищами заблаговременно упаковать все запретное и скрыться. По дороге им пришлось переночевать в корчме, причем они весь свой багаж имели при себе. В той же деревне к тому времени случилось убийство, и когда хозяева корчмы услышали, что их гости перешептываются между собой, они приняли их за убийц и послали за полицией. Социалистам и на этот раз

Также и в другом уезде Киевской губернии, в Чигирине, Якову Стефановичу[1]), самому талантливому организатору среди бунтарей, удалось воспользоваться местным недовольством и создать боевую организацию, которая просуществовала также не более полугода. Эта попытка революционной агитации, подробно описанная им и его товарищами, очень поучительна и на ней стоит подробнее остановиться.

Уже вскоре после освобождения и размежевания крестьянской земли, среди крестьян многих волостей Чигиринского уезда возникло недовольство, увеличивавшееся благодаря спорам о форме землевладения. Семьи с малым числом душ хотели сохранить прежнее подворное владение, а большие семьи требовали обычного в Великороссии передела земли по душам. Впоследствии они, благодаря различным слухам, пошли еще далее и стали требовать передачи крестьянам всей помещичьей земли. Ходоки, посланные к царю семью волостями, были захвачены полицией и отправлены обратно, что еще более укрепило убеждение крестьян, что чиновники обманывают царя. Царь — так рассказывалось среди крестьян — спорил с министром о том, какую форму землевладения предпочитают крестьяне; оба бились об заклад, при чем царь был за душевое, а министр за подворное владения. Чтобы доказать справедливость своего утверждения, министр собирает сведения, какую форму землевладения предпочитают крестьяне, но ведет он это расследование в интересах подворного владения. Мы же — говорили крестьяне — хотим остаться царскими, а не стать министерскими. Различные атмосферные явления подтверждали им справедливость их дела. Когда они после этого отказались также

удалось спрятать свои запрещенные книжки, а присутствие у них револьверов они объяснили тем, что это предмет из торговли. Это навело на их след и на заговор в Каневском уезде. Дебагорий был арестован в 1879 году после вооруженного сопротивления и сослан в Сибирь, откуда бежал через полтора года.

[1]) Яков Стефанович—малоросс, сын сельского священника, с которым никогда не порывал сношений, как бы ни был поглощен революционной деятельностью. Он организатор с ног до головы, отличный знаток людей и человек дела. Говорит он мало и при обсуждении теоретических программ засыпает. В 1873 году он посещал киевский университет, который он принужден был покинуть из-за политического проступка. Его лучшим другом и товарищем был Лев Дейч. Подпольная Россия, стр. 30.

от уплаты податей, то в мае 1875 года дело дошло до экзекуции; не принимавшие подворного владения тут же опрокидывались наземь и на глазах у губернатора подвергались наказанию; двое тут же испустили дух; все их имущество было продано на покрытие недоимок. В январе 1876 года в непокорное село Шабельники был назначен постой, что окончательно его разорило; сто крестьян было заключено в тюрьму [1]), но это не могло заставить их принять подворное владение. Несмотря на все гонения, крестьяне не теряли бодрости и верили распространявшемуся слуху, что к ним приедет сам царь.

В эту среду пассивного протеста Яков Стефанович внес революционный элемент. Назвавшись херсонским крестьянином, он сдружился с некоторыми содержавшимися в киевской тюрьме крестьянами, между прочим, с бывшим волостным судьей, и предложил им воспользоваться его услугами в качестве ходока, чтобы доставить царю в Петербург прошение. С большим трудом преодолел он их недоверчивость, получил их согласие и, сопровождаемый бесконечными благословениями и молитвами, в феврале 1876 года отправился в путь. Вернулся он только в ноябре, принесши с собою два (конечно, поддельных) документа. Великолепно отпечатанная Высочайшая Грамота содержала приказ крестьянам соединиться в тайное общество с целью вооруженного сопротивления дворянам, чиновникам, попам и великим князьям, которые с 1861 года мешают царю дать своим верным крестьянам не только свободу, но и всю землю. Тут же был набросан устав тайного общества: члены должны были давать клятву в верности и вносить ежемесячно в кассу по 5 копеек; 25 членов выбирали старшину, 20 старшин — гетмана, который должен был вступить в сношения с царским комиссаром, за которого выдавал себя сам Стефанович, получивший якобы поручение руководить союзом и в случае смерти царя довести до конца освобождение крестьян.

Когда заключенные в киевской тюрьме чигиринцы выслушали все это, они сначала были очень поражены: им не верилось, что царь так бессилен. На первых порах им пришло на мысль, не поставлена ли им ловушка каким-нибудь шпионом. Только мало-по-малу

---

[1]) В Сквире смотритель тюрьмы пользовался крестьянами как рабочим скотом, запрягая их в плуг и заставляя пахать.

Стефановичу удалось убедить их дать требуемую полицией подписку о принятии подворного владения, вследствие чего они были освобождены из тюрьмы и в феврале 1877 года отправились домой в Шабельники. Скоро их деревенские единомышленники узнали, что вернувшийся из тюрьмы член волостного суда привез утешительное известие; в числе 300 собрались они ночью в степи кургана, чтобы при свете фонаря выслушать содержание Грамоты и Устава и принести присягу в верности. Обещание Стефановича лично явиться к ним содействовало оживлению движения: общество насчитывало до 600 членов, надеявшихся на получение земли и воли от царя. В конце апреля произошло свидание «царского комиссара» с 28 старшинами (среди которых было несколько грамотных) и с гетманом — отставным унтер-офицером. Оказалось, что старшины вполне освоились уже со смыслом устава и позаботились о приобретении пик и другого рода оружия. Они имели своих агентов в волостном правлении и могли заблаговременно узнавать обо всем, что против них замышляется. Так как дело происходило весною и у них чувствовался недостаток в деньгах, то Стефанович передал им тысячу рублей, якобы по поручению соседнего союза крестьян: он не хотел воспользоваться именем царя, чтобы не приучить их к надежде на его помощь. Затем Стефанович по требованию старшин принес предписанную присягу.

Тайный союз стал теперь расти: были привлечены надежные элементы из домохозяев, движение стало распространяться и на другие деревни, и скоро число участников возросло до тысячи. Но чем обширнее становилось общество, тем больше можно было бояться измены. Уже в мае стали возникать довольно определенные слухи, что в руки полиции попали списки членов, некоторые крестьяне были арестованы, и даже прибыла в деревню специальная комиссия с генералом во главе. Но тайна была сохранена, и правительство пришло к убеждению, что уездная полиция сделала из мухи слона. Большую роль играли жены членов: они были посвящены в тайну и наравне с мужчинами приведены к присяге, но это не помешало им болтать, а местный поп пустил в ход водку и даже стал любезничать с молодыми крестьянками, чтобы выманить у них тайну. Зато были и такие женщины, которые заслуживали полного уважения: одна крестьянка, у которой был спрятан устав и список членов, просидела полгода в тюрьме, отказавшись указать

местопребывание своего мужа, несмотря на то, что из-за этого все ее хозяйство пошло прахом. Выдали тайну в конце-концов все-таки мужчины, благодаря пьянству и бессовестности. Случилось это так: гетман растратил часть общественных денег, Стефанович послал двух человек, чтобы сообщить об этом старшинам; послы на пути напились и выдали всю организацию одному солдату, которого они хотели привлечь к союзу. В августе 900 членов союза было арестовано, а 4 сентября 1877 года взят и Яков Стефанович со своими двумя помощниками. Все трое успели потом бежать из тюрьмы, так что перед судом предстали одни крестьяне, к которым суд отнесся снисходительно в виду того, что они были обмануты.

Говорят, что мистификация «царского комиссара» привела в ярость крестьян. Особенно возмущала их присяга, которую он заставил их принести, и клятвопреступление, которое совершил он сам. Характерно, что Стефанович не мог не злоупотребить именем царя; только благодаря авторитету царя он мог создать тайный союз среди крестьян; агенту социалистического комитета это, наверное, не удалось бы. Редакция «Черного Передела» не считает нужным высказать порицание за обман и клятвопреступничество; она указывает только на неудобство обращения к авторитету царя, но находит этому извинение в том, что в конце-концов имелось в виду ослабление этого авторитета. Во всяком случае, опыт Стефановича представляет организаторский подвиг, небывалый среди крестьянского населения и потому обративший на себя внимание агитаторов, хотя и оставшийся (поскольку мне известно) без подражания. Объясняется это тем, что в последнее время среди русских социалистов все более и более распространяется отрицательное отношение к безнравственным средствам, которые употреблял Стефанович.

Таким образом киевская группа избрала поприщем своих опытов область, лежащую по обе стороны Днепра. Петербургские троглодиты (народники) и их союзники послали своих эмиссаров на низовья Волги, вообще на юго-восток до Урала и Кавказа. Здесь лучшим организатором считался Александр Михайлов [1]), ставший

---

[1]) Александр Михайлов, сын землемера, родился в 1855 или 1856 году в Путивле (Курской губ.). Он посещал тамошнюю гимназию и уже в раннем возрасте обнаружил страсть организовать что-нибудь. Прежде всего основал он газету, первый номер которой появился рукописным, затем

впоследствии одним из руководителей террористического исполнительного комитета и инициатором покушений. В своей автобиографии он описал свои странствования по России. Сначала он попал в Киев (зимою 1876 г.) и здесь он познакомился с пропагандистами, бунтарями и якобинцами. Он нашел, что в этой среде много разговаривали о теориях и личных отношениях, но мало делали. Некоторые работали, но эти держались вдали от мало знакомых лиц. Михайлову, правда, удалось познакомиться со Стефановичем и его товарищами, он даже прятал у себя весь их запас револьверов и седел, но вполне приобрести их доверие он не мог. Они больше всех ему нравились, но они чересчур ударялись в крайность. Михайлов заметил, что в Киеве недостает энергичной деятельности и солидной организации; тут были только генералы и адъютанты, но не было солдат. Он понял, что здесь ему не удастся осуществить свою мысль о создании крепкой организации, которая охватила бы всю Россию. Летом 1876 года он вернулся в Петербург. Здесь он стал усердным посетителем студенческих «коммун», где познакомился с членами возникавшего тогда общества троглодитов (позднее «Земли и Воли») и примкнул к ним. Тотчас же он вместе с Оболешиным начал борьбу против широкой русской натуры, против неосторожности и недостатка энергии; он требовал усиления дисциплины и некоторой централизации, — вещи, о которых в то время никто не смел говорить, рискуя быть обозванным якобинцем, генералом или диктатором. Только постепенно сама практика, пока-

---

он устроил общество самообразования и тайную библиотеку среди гимназистов. В седьмом классе он являлся организатором протестов против «идиотов»-учителей, основав в то же время общество распространения популярных сочинений в народе, на что было израсходовано несколько сот рублей. В планы общества входила также денежная поддержка пропагандистов, но это не удалось; впрочем гимназисты имели о пропагандистах такое же представление, как о любой заграничной партии. В 8-м классе читались запрещенные книги, присланные из Москвы, и так как Михайлов из-за этого забросил свой латинский язык, то он должен был перевестись в другой город, где поступил в реальное училище. Наконец, он поступил в С.-Петербургский технологический институт и здесь опять занялся устройством кружка самообразования и помощи пропагандистам. При помощи нескольких других лиц устроил он студенческий союз, имевший свою кассу и разветвления в других учебных заведениях. Но $3^1/_2$ месяца спустя Михайлов был выслан на родину за непосещение репетиций, и тут, т.-е. с зимы 1875-76 года, начинается его Одиссея.—На Родине, № 3, стр. 1-51.

зывая всю пользу исполнения требований Михайлова, доставила им полное торжество в организации.

Весною 1877 года все общество народников, подкрепленное несколькими десятками единомышленников, отправилось в народ, устроив поселения по низовьям Волги и дальше на восток до гор. Каждая местная группа имела свой «центр» в губернском городе. Астраханская и Саратовская группы имели непосредственные сношения с группой, работавшей на земле Войска Донского. Над всеми ими стояло петербургское общество, управлявшее делами всей партии. Важным центром был Саратов, куда попали Михайлов, Ольга Натансон и еще 5 — 6 человек из Петербургского центра и около десятка из других мест. Они могли рассчитывать на 5.000 руб. в год. Тем не менее прошло довольно много времени, пока различные элементы сплотились в одну группу. Одни устроили кузницы, другие сделались лавочниками, а третьи устраивались в качестве волостных писарей. Михайлов нанял себе квартиру у сектанта-беспоповца и принялся за изучение священного писания и весьма своеобразных сектантских обычаев; он участвовал даже в публичном диспуте с православным попом. В его планы входило получение места учителя у сектантов; тогда большая часть русских революционеров была того мнения, что сектанты представляют прекрасный материал для их целей, находясь в длящейся целые столетия оппозиции к правительству. Но намерения Михайлова не осуществились. Уже в конце 1877 года саратовские поселения обратили на себя внимание полиции. Одна местная группа, правда, сохранилась до лета 1879 года и при поддержке со стороны центра могла бы очень много сделать, но в Петербурге дела шли не блестяще: организация росла очень медленно, денежной поддержки не было, так что саратовской группе пришлось жить впроголодь. Сверх того петербургские события начала 1878 года пробудили надежду на близость революции. Михайлов уехал в Петербург в апреле месяце, и здесь, увлеченный бурным ходом событий, сначала фактически, а потом и принципиально отказался от работы в народе, взяв в свои руки после ареста Натансона руководство обществом.

Вообще говоря, не было недостатка в попытках устраивать заговоры и бунты, но успех был всегда непродолжителен. А там, где народ действительно приходил в возбуждение, обыкновенно чувствовался недостаток в агитаторах. Не мало было такого недо-

вольства и таких движений, при которых агитаторы могли бы внести социалистический, даже революционный элемент в пассивное сопротивление масс. Я не буду говорить о многочисленных стачках фабричных рабочих в Серпухове, в селе Тейкове (Костромской губ.), в С.-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Не буду также останавливаться на брожении среди кубанских, уральских и донских казаков, так как здесь не место перечислять все те случаи, при которых крестьяне оказывали пассивное сопротивление. Я передам только напечатанное в № 2 «Общины» сообщение из Красноуфимска (Пермской губ.) об одной экономическо-религиозной секте, к которой революционеры, повидимому, еще не проникли.

В означенной местности, на Урале, во времена крепостного права, горные рабочие после десятилетней службы получали в безвозмездное пользование двор и участок земли, а после пятнадцати лет — пенсию. При уничтожении крепостной зависимости им было предоставлено на выбор: или служить до конца на прежних условиях или сейчас же получить землю и вносить за нее выкупные платежи в течение 49 лет. По понятным причинам рабочие предпочитали первое предложение, а предприниматели второе. Воля последних восторжествовала: крестьянам была выделена земля, и на них наложены платежи. Крестьяне протестовали против этого и решили не платить никаких налогов. Дошло до экзекуции; крестьяне подвергнуты телесному наказанию, и на них были наложены принудительные работы в копях. Когда и это не помогло, то десять человек крестьян были подвергнуты аресту, в нетопленном помещении, где двое из них умерли, а третий лишился рассудка. Чтобы сломить их сопротивление, у них отняли первое издание свода законов и снабдили другим, так называемым Анисимовским. (Уральцы ссылались на закон.) Так как это издание было отпечатано мелкими буквами и не содержало тех мест, на которые ссылались крестьяне, то они считали его подложным и отныне перестали верить всякому закону. Этот протест повел к образованию секты. Повод к этому подали сами священники, которые, по побуждению чиновников, пытались цитатами из евангелия доказывать справедливость требований начальства. Так как попы стояли за чиновников, то крестьяне бросили церковь. На испорченности церкви основывали они свой главный догмат о близком конце мира. Признаки этой

близости они видели, между прочим, в том, что на обратной стороне новых кредитных билетов находились изображения прежних русских царей: по их мнению, этим оправдывалось пророчество апокалипсиса о восстании мертвецов. Умершие цари, говорили сектанты, ходят по рукам и в форме денег господствуют над людьми так же, как и живой царь. Впрочем, под концом мира они подразумевают не совершенное его исчезновение, а уничтожение существующего порядка и замену его другим, где не будет ни бар, ни мужиков. На Урале есть много подобных экономическо-религиозных сект, не желающих платить никаких повинностей, ни ставить рекрутов.

Несмотря на несколько демонстраций в городах и на попытки заговоров в деревнях, в движении замечается сравнительное затишье, которое можно приписать двум причинам: войне и аресту революционеров. Военное возбуждение 1876 — 78 годов отвлекло внимание части молодежи в другую сторону, ее энергия нашла достижимую цель. С воодушевлением отправились многие социалисты на борьбу за освобождение славянских братьев в Сербии и Болгарии; одни хотели показать, что не один царь и славянофилы готовы на жертвы за их освобождение; другие надеялись, что война даст им опыт, нужный революционным организаторам. Большинство социалистов было, однако, против войны, отвлекающей внимание народа от внутренних неурядиц. Но их голоса были заглушены громом событий. Кроме того, ослаблению революционного движения содействовали еще многочисленные аресты, разрушившие существовавшие общества и лишившие их руководителей, а война мешала притоку свежих сил и созданию новых организаций. Было уже упомянуто, что четыреста человек были преданы суду за социалистическую пропаганду; число арестованных и подвергнутых наказанию административным путем было гораздо больше. Образовавшееся в 1876 году общество троглодитов не успело еще развить всех своих сил. Но уже и тогда [1]) семеро из членов состояли волостными писарями, трое — сельскими фельдшерами и еще многие — сельскими учителями в Саратовской, Самарской и Тамбовской губерниях. Кроме того, общество имело полную возможность и впредь занимать эти должности своими людьми, имея

[1]) Стефанович. Злоба дня.—Перовская, стр. 13.

основательные связи в тех сферах, от которых зависело назначение.

Не следует также упускать из виду, что многие социалисты были заняты доставкой денег, одежды и книг своим заключенным в тюрьме или сосланным товарищам, а также устройством побегов. Последние не всегда удавались: так неудачей кончилась попытка Ковалика и Войнаральского — двух выдающихся организаторов из пропагандистской эпохи, — хотя им удалось взобраться на тюремную стену; зато некто Тельсиев был освобожден благодаря необыкновенной смелости Дмитрия Клеменса, явившегося в Петрозаводск под именем инженера Штурма, якобы посланного для геологических исследований в Финляндию, очаровавшего всех своей любезностью и под конец забравшего с собою арестанта для того, чтобы не подвергать его опасности одинокого путешествия. Еще спустя год местный исправник справлялся у одного проезжего о инженере Штурме: «Вот был отличный человек. Он обещал заглянуть к нам на обратном пути!» Счастливо кончилось также бегство князя Кропоткина 29 июня 1876 года [1]). Благодаря своему слабому здоровью он был переведен из тюрьмы в госпиталь и употреблял все усилия, чтобы казаться умирающим. На своих прогулках по двору он скоро заметил, что при возке дров (госпиталь запасался ими на зиму) у отпертых ворот не ставили часового. На этом он построил план бегства: кто-нибудь из друзей должен был ждать его у ворот в экипаже и везти, когда он выбежит. Самое трудное был выбор момента: в узкой улице обоз с дровами мог загородить дорогу, верховой казак мог задержать экипаж. С этой целью в четырех различных пунктах были поставлены часовые, а пятый часовой должен был, при наступлении удобного момента, пустить красный воздушный шар. По странной случайности во всем Петербурге не могли найти красный шар, а сфабрикованный домашним способом еле поднялся до крыш. Так первая попытка кончилась неудачей. Затем условились, что сигналом будет служить скрипка. В назначенный день Кропоткин вышел на прогулку; игра скрипки продолжалась пять минут, но он не хотел воспользоваться этим временем, так как инстинктивно в начале надзор солдата всегда внимательнее. Но вот скрипка замолкла: спустя несколько

---

[1]) Подпольная Россия, стр. 103 и дал.

минут тяжело нагруженный воз с дровами въехал во двор. Скрипка заиграла снова. Кропоткин взглянул на часового, оглядывавшего свое ружье, и стал считать про себя: раз!.. Но вдруг скрипка опять замолкла: по одному из переулков прошел полицейский обход. Через минуту скрипка заиграла снова. Тремя заранее изученными движениями он сбросил с себя длинный больничный халат и стрелой бросился к воротам; здесь его посадили в дрожки, надели на него офицерскую фуражку и военную шинель, и скоро он был на свободе. Солдату пришлось сделать большое расстояние, чтобы добежать до ворот, а для преследования беглецов не было на месте лошадей.

Еще более отважным было бегство из киевской тюрьмы Якова Стефановича и его товарищей — Дейча и Бохановского. Одному из членов партии удалось под фальшивым именем Фоменко поступить на службу в тюрьму и в короткое время пройти всю служебную лестницу от дровосека до надзирателя сначала над уголовными, а потом и политическими преступниками. Приходилось спешить, так как мнимый Фоменко мог быть узнан кем-нибудь из многочисленных сидевших в тюрьме революционеров и по неосторожности скомпрометирован. Решено было, что двое переоденутся часовыми, а двое останутся в чем были и ночью постараются выйти из тюрьмы. Наступила полночь. Но тут оказалось препятствие: дежурный сторож стоял в корридоре, не показывая ни малейшего желания уходить. Тогда Стефанович выронил, как будто нечаянно, книгу во двор, а Фоменко приказал дежурному разыскать книгу и передать ее в контору. Теперь беглецы стали без шума пробираться по корридору, но так как там царила глубокая темнота, то один из них поскользнулся и, чтобы не упасть, инстинктивно схватился за что-то... Вдруг громкий звон огласил тюрьму: поскользнувшийся схватился за веревку сигнального колокола. На этот звон в корридор должен был явиться караул. Казалось — все потеряно. Но Фоменко не растерялся: он побежал в кордегардию сказать, что нечаянно зацепил за веревку. Опять все стихло. Фоменко собрал спрятанных по углам товарищей и отправился с ними прямо к воротам. Сторож дал ключ, а часовой не обратил никакого внимания на необыкновенное шествие. Скоро беглецы были на свободе, где как из-под земли выросла перед ними фигура Валериана Осинского, радостно протягивавшего им руки. Целую неделю (дело

происходило в мае 1878 года) провели они на Днепре в лодке, гребя по очереди до Кременчуга, где Осинский снабдил их паспортами и деньгами. В тюрьме только поздно утром было замечено их бегство; и так велико было доверие смотрителя к мнимому Фоменко, что он был уверен, что беглецы убили надзирателя. В сентябре 1881 года Стефанович вернулся в Россию, был в феврале 1882 г. взят в Москве и в последнем большом процессе приговорен к каторге.

В течение всего этого времени, начиная с июня 1874 года (дело Долгушина и товарищей) тянется ряд процессов против арестованных пропагандистов [1]), заканчивающийся грандиозными процессами [2]) 50-ти (в Москве, в феврале и марте 1877 года), и 193-х (в Петербурге, с октября 1877 по январь 1878 года). Революционеры, не имевшие до сих пор возможности ни в прессе, ни на собраниях открыто провозглашать свои цели и убеждения, решили превратить скамью подсудимых в трибуну и попытались в своих защитительных речах выяснить бедственное положение народа, неудачу всех реформ, невозможность легальной агитации и, как следствие всего этого, необходимость революционного пути, на который они вступили, чтобы подготовить победу социализма. Публика была изумлена: до сих пор она мало знала о социалистах и мало ими интересовалась, а тут она услыхала в Москве спокойную речь Здановича, пламенные слова Бардиной и страстную обвинительную речь крестьянина Петра Алексеева. Публика негодовала на нарушение гласности судопроизводства и чувствовала, что ораторы, так часто прерываемые председателем, представляют народившуюся силу. Уже в Москве дело дошло до скандала в зале судебных заседаний, и председателю пришлось обратиться к жандармам, чтобы вывести двух ораторов. Еще более страстными оказались прения во время петербургского процесса 193-х. Начался он с того, что большин-

---

[1]) В шести больших процессах перед судом предстало 298, в десяти малых—20, всего 318 пропагандистов. Кроме того правительству стали известны имена еще 80 человек, которых не удалось разыскать, а 20 человек умерло до суда на свободе или в тюрьме, так что судиться должны были около 400 социалистов, среди которых были также крестьяне, рабочие и солдаты. В это число не вошли еще все те, которые были арестованы, отданы под полицейский надзор и сосланы административным путем. (Набат, 1878).

[2]) Община, № 1.—Выдержки у Лавиня, стр. 352.—Лавров, Jahrbuch стр. 270.—Также и отдельные издания.

ство обвиняемых оспаривало компетенцию суда; другие, между прочим Мышкин, протестовали против отсутствия гласности: на суде могли присутствовать только немногие официальные лица, да и их временами удаляли из залы суда, а представители прессы вовсе не были допущены. Часто прерывавшаяся речь Мышкина вызвала восторг всех сочувствующих, как геройский поступок. После многократных препирательств с председателем за право говорить свою речь, Мышкин закончил ее следующими словами: «Это не суд, а гнусная комедия, нечто более позорное, чем дом терпимости. Там женщины из нужды торгуют собственным телом, а здесь сенаторы из подлости, из низкопоклонства, ради чинов и наград, торгуют жизнью других, торгуют истиной и справедливостью, торгуют всем, что только есть дорогого для человечества!». За этим последовал оглушительный шум и борьба между обвиняемыми и жандармами, женщины падали в обморок, и публика была удалена силою. После этой отповеди обвиняемые отказались участвовать в суде и более не пытались говорить, но сцены в зале суда стали известны большой публике и приобрели социалистам много симпатий. 23 января 1878 года приговор был представлен на утверждение царя. Число всех лиц, втянутых в процесс, включая сюда и свидетелей, доходило до 3800, число обвиняемых — до 770, число лиц, представших перед петербургским судом — 193 [1]). Из них 94 были оправданы, остальные отделались сравнительно легким наказанием, но все-таки 36 человек приговорены были к ссылке в Сибирь, а Мышкин — к 10 годам каторжных работ. Говорят, что в предварительном заключении во время следствия, тянувшегося несколько лет, умерло до 70 человек. Будущий цареубийца Кибальчич, случайно давший брошюру одному крестьянину и за это просидевший под следствием три года, отделался двумя месяцами тюремного заключения. Но царь не утвердил приговора, так как на другой день после его постановления Вера Засулич стреляла в Трепова. Окончательный приговор не был опубликован, но говорят, что 13 человек было отправлено на каторгу. Не воспользовались своей свободой и лица, оправданные судом; они вскоре после того подверглись административной каре; очень многие вовсе не видали

---

[1]) При процессе южно-русского рабочего союза (в июне 1877 года) было арестовано 60 чел., а отдано под суд—15.

*

никакого суда, а были втихомолку «заботливо удалены» третьим отделением канцелярии Его Императорского Величества. С самого начала преследований против социалистов, предписания судебных уставов нарушались на каждом шагу, и все подозрительные лица были предоставлены произволу полиции. С начала и до конца в этой области царило возмутительное бесправие.

VI.

Переход к террору.

(1878 и 1879).

В 1878 году русское движение пережило ряд глубоких изменений, поведших в следующем 1879 году к открытому разрыву в революционной партии. Социалистическая цель отходит на задний план, уступая место политической борьбе, причем мирные средства заменяются террором, а на место прежней, довольно расплывчатой организации, состоявшей из почти независимых друг от друга тайных обществ, создается централистическая организация, основанная на строгой дисциплине и конспиративности. Подобные стремления проявлялись и раньше, но они тогда не оказывали еще никакого влияния на ход событий. Только теперь наступило время их господства, хотя и не исключительного, так как прежние направления, хотя и ослабленные, сохранили свою самостоятельность. Беря движение в его целом и оставляя в стороне некоторые побочные течения, мы с самого начала семидесятых годов можем отметить в нем одновременно существование трех направлений, из которых вначале преобладающей является децентрализованная мирная пропаганда социализма, затем столь же децентрализованная революционно-социалистическая агитация, наконец, господство переходит к политическому централизованному терроризму. Зародыши последнего направления существовали с самого начала, но теперь в пылу борьбы они достигли преждевременной зрелости. С головокружительной быстротой прошло, впрочем, русское движение и все стадии своего развития, при чем ход этого развития вытек из кон-

кретных отношений и вначале вовсе не входил в намерения большинства социалистов: централизованный терроризм был естественным продуктом беспощадной борьбы деспотического правительства с доведенной до отчаяния революционной молодежью, при чем обе стороны не отступали ни перед какими средствами.

Неудивительно, что зимою 1877—78 года политика выступила на первый план. Турецкая война обнаружила бесконечную испорченность бюрократии; известия о поражениях при Плевне привели общество в отчаяние, а впечатление от берлинского трактата, заключенного в июле 1878 года, было нисколько не благоприятней. При таких обстоятельствах в обширных кругах общества назревала мысль о необходимости подвергнуть государственное управление контролю общества. Рядом с патриотическим течением шло и чисто либеральное, причем как либералы, так и славянофилы открыто заговорили о конституции. Но в среде революционеров это течение затронуло тогда очень немногих. Большинство оставалось строго социалистическим, считало политическую борьбу делом второстепенным и даже опасалось, как бы такая борьба не отвлекла их от главной цели — социальной и экономической революции. Они, как уже было сказано, продолжали заниматься своими демонстрациями и попытками организаций в городах и деревнях; некоторые сражались на полях Болгарии, или устраивали освобождения из тюрем своих товарищей, которые в то время еще изнывали в заточении, ожидая решения своей участи. Тем временем не прекращались ни преследования, ни аресты; напротив, и те и другие продолжались с особенной рьяностью: система шпионства совершенствовалась, и число этих агентов дошло до огромных размеров, хотя после конфиденциального циркуляра министра юстиции графа Палена, опубликованного в марте 1876 года [1]), они перестали появляться на суде, чтобы не компрометировать ни себя, ни беспартийности суда. Один шпион, которому удавалось вкрасться в доверие какого-нибудь кружка, мог выдать десятки своих товарищей. Поэтому революционеры должны были в интересах самозащиты прибегнуть к убийствам. Так, уже 6 сентября 1876 года в Одессе был тяжело ранен Л. Дейчем шпион Горинович, бывший пропагандист, выдавший

---

[1]) Община, № 1.

в 1874 году своих товарищей и после освобождения нашедший возможность снова проникнуть в один киевский кружок. Лицо раненого шпиона было обожжено серной кислотой, а прикрепленная к нему записка гласила: «такова судьба всех шпионов» [1]). В сентябре 1876 года убит шпион Тавлеев, а в июле 1877 года — Финогенов в С.-Петербурге. К самозащите вскоре прибавился второй могучий мотив убийства — месть.

24 января 1878 года, на другой день после объявления приговора по делу 193-х, раздался выстрел Веры Засулич в Петербургского обер-полицийместера генерала Трепова, имевший решающее значение сигнала к аттаке. Явившись к нему в качестве просительницы, она выстрелом из револьвера тяжело ранит генерала, бросает на пол оружие и спокойно дает себя арестовать. Причиной покушения, по ее словам, послужило оскорбление, нанесенное в тюрьме лично ей незнакомому студенту Боголюбову [2]). Дело в том, что Трепов, явившись 13 июля 1877 года в петербургскую тюрьму, набросился с ругательствами на встретившегося ему политического преступника Боголюбова, велел отвести его в карцер и там подвергнуть телесному наказанию. За этим последовал страшный шум: многие из арестантов были насильно схвачены, избиты и посажены в карцер, некоторые из них в такие ямы, откуда никогда не выносились экскременты, и где температура достигала 30°. Известие об этом событии проникло даже в русские газеты, хотя и в очень скромной форме. Женевская пресса громко и открыто требовала мести. Трепов в своей секретной записке сознается, что приказал высечь Боголюбова, который был весьма дерзок и упрям. Впрочем, прибавляет Трепов, телесное наказание нисколько не противоречило закону, так как приговор над Боголюбовым уже вошел в законную силу, да кроме того Боголюбов был сыном дьячка, следовательно, не был дворянского происхождения. В то же время Трепов признал существование полицейского произвола: юстиция может исполнять свои функции лишь постольку, поскольку это соответствует желаниям и ожиданиям администрации; в противном случае ее приговоры подлежат испра-

---

[1]) Община, № 8—9, письмо Дейча.

[2]) С.-Петербургские баши-бузуки.— Вперед, т. V. — Russische Wandlugen: Denkschrift von Trepow, стр. 250, 256, и дал.—Лавров в Jahrbuch für Socialwissenschaft, 1879, стр. 281.

влению. Провозглашенная с такой торжественностью независимость и самостоятельность суда оказались фарсом, и когда, например, после истории с Боголюбовым, потребовали уголовного преследования тюремной администрации, то в этом было отказано.

1 апреля 1878 года начался процесс Засулич. Она была предана суду присяжных, так как граф Пален лично поручился царю, что присяжные вынесут соответствующий приговор. Но общественное мнение было настолько благоприятно Засулич, что ему поддался сам прокурор, начавший оправдываться в том, что не смотрит на генерала Трепова как на «обвиняемого», «вполне веря», впрочем, в правдивость объяснявшей свои мотивы молодой девушки. Защитник Александров назвал эту речь «благородной и умеренной», и затем в своей блестящей защите требовал для обвиняемой смягчения наказания. Семнадцатилетней девушкой Вера Засулич, по словам защитника, познакомилась с Нечаевым, который тогда еще не был революционером, и позволила ему получать письма на свой адрес. Арестованная по этому поводу, она два года просидела в тюрьме под следствием. Затем была освобождена, но отправлена административным путем в ссылку в Крестцы, оттуда в Тверь, затем в Солигалич, в Харьков, по временам опять попадая в тюрьму, и наконец была предоставлена самой себе. Из Харькова она, не обращая на себя ничьего внимания, отправилась в Петербург, здесь узнала историю с Боголюбовым и, не будучи лично знакома ни с ним, ни с Треповым, решила отомстить за возмутительное обращение с заключенными, испытанное ею на себе самой. Против этой набросанной защитником биографии Засулич Трепов не мог ничего возразить. Он только утверждал, что ее сношения с Нечаевым были революционного характера, что она была нигилисткой и лицемеркой, что она стригла волосы и носила кожаный пояс, что она служила в Серпухове письмоводительницей, а ее сестра была даже замужем за заведомым нигилистом, находившимся в ссылке — целый ряд фактов, ничуть не оправдывающих, однако, вышеописанного обращения с 17-летней девушкой. Когда присяжным был затем поставлен вопрос, виновата ли Вера Засулич в нанесении раны генералу Трепову, произошло нечто неожиданное: присяжные ответили отрицательно, и обвиняемая была оправдана. Ликование было всеобщее; говорят, что даже чиновники министерства юстиции и другие высокопоставленные лица аплодировали приговору. По

приказанию председателя, Засулич была освобождена, но на ближайшей улице ее карета была остановлена жандармами. Толпа не хотела отдать снова в руки полицейского произвола ту, которая только что была оправдана судом. Последовала всеобщая свалка, во время которой Засулич удалось скрыться, а потом пробраться в Швейцарию.

Двор и высшая бюрократия были возмущены исходом процесса. Граф Пален получил отставку, а Набоков занялся в 1878 году «очисткой» судебного ведомства. Та страстность, обыкновенно свойственная лишь оппозиционной прессе, с какою Трепов нападает в своей записке на судей и прокуроров, как нельзя лучше доказывает, до какой степени должен он был раздражать судебное ведомство произвольным полицейским вмешательством в деятельность юстиции.

Совершенно другое впечатление произвел процесс на общественное мнение. Всеобщая симпатия была на стороне молодой девушки [1]). Ее судьба ясно показывала, до какого напряженного настроения доводят молодежь произвольные преследования; деятельность «нигилистов» начинает становиться понятной. Уважение к ним возросло, когда стало известным, что Засулич не преследовала никаких личных интересов и ею не руководила личная месть; в то же время она не действовала также и по поручению какой-либо партии, а единственно по своей личной инициативе выступила в качестве мстительницы за акт произвола, который в противном случае, при испорченности русских порядков, остался бы безнаказанным. Выстрел совпал с периодом, когда публика и без того была возбуждена и сильно раздражена против правительства. Он нашел такой громкий отклик в обществе и имел такой огромный успех, потому что в нем увидели протест человеческого достоинства против жестокостей и угнетения. Не Вера Засулич стояла перед судом в качестве обвиняемой, говорит в своей записке Трепов, а сам он, генерал Трепов. Можно к этому прибавить, что обвинение было направлено против Трепова не как частного лица, а как олицетворение принципа административного произвола, под которым стонала вся Россия. В этот-то принцип и был направлен выстрел, — так рассуждала пресса и общество. Этим объясняется

---

[1]) Лавров, l. c.

ликование по поводу оправдания, продолжавшееся до тех пор, пока Управление по делам печати не положило ему конец, запретив публичное обсуждение этого процесса [1]).

В среде революционеров процесс должен был действовать опьяняюще. Для них Вера Засулич была героиней, «современной Шарлотой Кордэ». Одобрение, которым был встречен ее поступок, повело к исчезновению многих сомнений на счет пригодности этого средства, к устранению многих устарелых «предрассудков» против убийства и к целому ряду преступлений. Но все последовавшие за этим убийства еще не являются выражением систематического террора; это только последствия самозащиты или мести, предвестники политического терроризма. Прежде всего нужно было «расправиться» с несколькими шпионами, чтобы защититься от их доносов. Так 1 февраля 1878 года в Ростове на Дону был убит Никонов, в Одессе — Фетисов, в Москве — Розенцвейг, а впоследствии—Рейнштейн, погубивший многих революционеров. Некоторые шпионы, как предатель Сембрандский в Киеве, носили панцыри, от которых отскакивали пули. Покушавшийся на его жизнь революционер Поликарпов после такой неудачи застрелился (24 марта 1879 г.). Стремление к мести привело 25 февраля 1878 года к покушению (неудавшемуся) на товарища прокурора Котляревского, которого революционеры упрекали в желании выслужиться, вследствие чего он раздувал всякую мелочь, возводил обвинения на совершенно невинных людей и никогда не освобождал арестованных даже на поруки. Говорили также, что он приказал жандармам раздеть до-нага двух девушек и что он выпытывал у арестованных показания, угрожая смертной казнью. После покушения на Котляревского был заколот кинжалом на улице киевский жандармский полковник барон Гейкинг, о виновности которого сами революционеры были различного мнения. Собственно говоря, он был убит только за то, что был жандармом, хотя никаких особенных жестокостей за ним не числилось.

По поводу покушения на Котляревского был арестован студент, товарищи которого стали требовать его освобождения на поруки. Следствием этого были беспорядки, за которые 150 студентов были

---

[1]) Сообщено в «Общине» и затем вкратце изложено Лавровым в Jahrbuch, стр. 288 и дал.

уволены, а 30 сосланы в северные губернии. При их отъезде из Киева и при проезде через Харьков и Москву им были устроены студенчеством овации, причем в Москве дело дошло до крупного побоища между студентами или, вернее, между всеми лицами, одетыми в немецкое платье, — с одной стороны, и верноподданными охотнорядцами — с другой. При этом несколько человек поплатились жизнью.

На юге начало 1878 года было богато всякого рода демонстрациями. В Одессе Ковальский (выдающийся знаток сектантства) и Виташевский с товарищами оказали вооруженное сопротивление проникшим к ним ночью жандармам, не впустив их до тех пор, пока не были сожжены компрометирующие бумаги и не выброшен за окно шрифт. В Одессе и Харькове были сделаны попытки освобождения арестованных (Фомина и Ковальского) при перевозе их с одного места в другое. Когда 24 июля в Одессе был произнесен смертный приговор над Ковальским, в толпе произошло сильное смятение, раздались даже выстрелы.

Возбужденное настроение русских революционеров отражается также на литературной деятельности, в которой в это время начинается сильное оживление. В 1877 году вышел последний том «Вперед», не встретивший никакого сочувствия. Оно и понятно: в эпоху сильного возбуждения и страстного стремления к революционной деятельности бесплодны всякие увещевания заняться тихой, специальной, невидной работой, и невыполнимо стремление исключить из среды социалистов всех тех, кто недостаточно подготовлен для пропаганды социализма. Поэтому руководящая роль в периодической прессе перешла к женевской группе анархистов, издававших в 1875—76 гг. «Работник» и выпустивших с января по декабрь 1878 года девять номеров «Общины», которая, благодаря своим содержательным статьям, представляет богатый источник для знакомства с революционным движением. Программе был намеренно придан более широкий характер, чтобы привлечь большее число выдающихся сотрудников. Она требовала подготовления бунтов и устройства демонстраций, но допускала в то же время пропаганду и агитацию, принимая также в соображение и национальные интересы, например, малороссов; вообще журнал открывал свои страницы всем тем, кто был вполне предан делу освобождения рабочих и мог оказать какую-нибудь услугу этому

делу [1]). И в журнале действительно работали представители разнообразнейших взглядов, как малоросс Драгоманов, революционер-агитатор Стефанович, социалист в западно-европейском смысле Аксельрод и многие другие. Как ни превосходен был этот журнал с литературной стороны — а в этом отношении он был, вероятно, лучшим произведением русской революционной печати, но его нельзя считать партийным органом. В последнем номере дело дошло до горячей полемики между профессором Драгомановым и Яковом Стефановичем, причем первый подчеркивал необходимость политической, а второй требовал социальной революции; таким образом это литературное предприятие, к сожалению, погибло в первый же год своего возникновения.

Еще раньше «Общины», с 9 мая 1877 года в Женеве начало выходить «Общее Дело», выпускавшееся правильно раз в месяц вплоть до 1889 года. Эта газета хотела стать органом политических и конституционных стремлений в России. Ее редактором был Христофоров, а в числе ее сотрудников мы видим Алисова и умершего в 1882 году Зайцева, очень талантливого писателя, бывшего сотрудником Писарева в «Русском Слове». Тем не менее «Общее Дело» не имело ни тени влияния на революционное движение.

Вообще, начиная с 1876 года, влияние эмигрантской литературы по очень понятной причине падает. Пока движение было более теоретическим и носило чисто социалистический характер, пока практическая деятельность не требовала быстрых решений, заграничная пресса могла еще служить отражением движения на родине, занимаясь в то же время теоретическим обсуждением его целей. Теперь же, когда начинала разгораться открытая война между правительством и революционерами, когда каждый день приносил новые вести о столкновениях и убийствах, необходимо стало, чтобы зарождающиеся идеи и меняющиеся настроения нашли более быстрое и более непосредственное выражение. С 1878 года в России возникает самостоятельная пресса, а продолжавшие выходить в Женеве «Общее Дело» и «Набат» теряют всякое значение. Прежде всего появляется ряд прокламаций в С.-Петербурге. Так, одна прокламация, распространенная в апреле, требует конститу-

---

[1]) Лавров, Jahrbuch, l. c., стр. 274.

ции и народного представительства; заведывание общественными делами должно перейти в руки общества; если это не произойдет законным путем, то в стране возникнет тайный Комитет Общественной Безопасности. Затем были изданы прокламации русской учащейся молодежи, протестовавшей против обращения с арестованными и высказывавшей свои симпатии социалистам. Появились летучие листки, называвшие себя органами русской социалистической партии. В этих листках отражается отсутствие всякой организации, когда каждая группа революционеров объявляет себя представительницей партии. Наконец, с марта по май 1878 года вышло три номера настоящей газеты, носившей название «Начало». Это молодое и недолговечное предприятие имело уже свою историю. Еще в 1876 году несколько либеральных писателей вызвались основать газету с политически-конституционными целями, но их предложение было тогда отвергнуто социалистами, так как программа их газеты была не народной, а буржуазной. И вот те же литераторы создали весною 1878 года «Начало», но их конституционные требования не встретили большого сочувствия. Так газета и прекратила свое существование, хотя не была открыта полицией.

Большинство народников, в особенности петербургские троглодиты, стояли еще на старой точке зрения. В апреле и мае 1878 года в С.-Петербурге состоялось обычное ежегодное обсуждение их программы. При этом пересмотре та часть программы, в которой речь идет о целях, не подверглась почти никакому изменению [1]. Напротив, в вопросе об организации Александр Михайлов настаивал на необходимости коренных перемен в смысле более строгой централизации и подчинении местных групп центру. В набросанной Михайловым программе на наибольшее сопротивление натолкнулся параграф, требовавший, чтобы каждый член Общества обязался исполнять постановления большинства даже в том случае, когда они расходятся с его личными взглядами. Доводы Михайлова были приблизительно таковы: принадлежность к Обществу предполагает согласие с его главными требованиями, а во второстепенных вопросах каждый обязан уступать. В конце концов и этот параграф был принят, с тем только добавлением,

---

[1]) На Родине, № 3, стр. 25 и 44.

что организация должна по возможности сообразоваться с личными наклонностями своих членов.

Так подготовлялся в Петербурге переход к централизации, а в то же время на юге (в Киеве, Харькове, Одессе) вырабатывалась практика терроризма, явившегося скорее созданием юга, чем севера. В этом отношении наиболее решительное влияние имел Валериан Осинский[1]) (Аполлон революции, как его назвал Степняк). Сын генерала, замлевладельца, Осинский родился в 1850 году в Ростове на Дону и вынес из дому лоск светского воспитания. Окончив курс в Институте Путей Сообщения, он получил место секретаря ростовского городского управления, отсюда ездил в Петербург, где был арестован за посещение одного судебного процесса без надлежащего разрешения. После своего освобождения он вступил в общество троглодитов (1877) и зимою 1877-78 г. отправился в Киев с целью освободить из тюрьмы Стефановича. Явившись в Киев, он поднял дух тамошних революционеров, совершенно дезорганизованных многочисленными арестами. Всюду привлекая общие симпатии, Осинский быстро сгруппировал вокруг себя киевскую молодежь и завел связи также в других городах. Скоро без его участия не обходилось уже ни одно крупное событие, ни одно покушение. Его можно считать эмпирическим основателем терроризма. В его кружке прежде всего выработалось то направление, которое видело в терроризме не только акт мести, но и средство борьбы. Такие отчаянные головы, как, например Ивичевич, не могли понять, почему нельзя было бы терроризировать правительство и заставить его дать политическую свободу и политические права населению. Но большинство социалистов не хотело в то время ничего знать ни о систематическом терроре, ни о чисто политических стремлениях: «конституционалисты и политики» были ругательными словами! Таким образом террористическое направление развилось на юге и отсюда распространилось по всей России.

Этот способ борьбы явился естественным продуктом русских условий[2]). В большинстве других стран социалисты прибегают к тем же средствам борьбы, как и другие партии: они органи-

---

[1]) Процесс социалистов 5 мая 1879 года.—Биография Желябова, стр. 16.
[2]) П. Лавров, Jahrbuch, I. c.

зуются в союзы, устраивают собрания, создают свою прессу и этим законным путем стремятся повлиять на народное мнение. В России же все легальные пути для них закрыты; там, следовательно, все союзы, собрания, все произведения печати уже сами по себе противозаконны и подлежат преследованию. И чем строже преследовало и наказывало за все это правительство, чем чаще за распространение прокламаций социалистов приговаривали к многолетней каторге, а за вооруженное сопротивление при арестах — к смертной казни, тем ожесточеннее становились гонимые. Отчасти в целях самозащиты, отчасти из мести они начинают убивать шпионов и жестоких чиновников, оказывать сопротивление при арестах, освобождать арестованных. Как и следовало ожидать, жестокость правительственных мероприятий возрастает и опять повышает склонность к насилию со стороны революционеров; страсти разгораются с обеих сторон. Наиболее впечатлительные люди объединяются в общества мстителей или на собственный страх практикуют суд Линча за проступки, которые при бесконечном произволе администрации остались бы безнаказанными. О социализме, нравственности, справедливости нет больше речи: началась ожесточенная война между двумя смертельными врагами, и, как при всякой войне, руководящим принципом осталась одна лишь целесообразность. В описываемое время эта борьба велась еще неорганизованными отрядами анархически мысливших и трудно поддававшихся дисциплине южно-русских революционеров, а потому имела мало успеха.

Тем временем произошло одно новое важное событие. Политические заключенные в Петербурге, содержавшиеся в Петропавловской крепости — подследственные, а в Харьковской центральной тюрьме — приговоренные, решили при помощи так называемых «голодных бунтов», т.-е. продолжительного отказа от принятия пищи, добиться лучшего обращения со стороны тюремного начальства, хотя бы такого же, какому подвергались в Харькове уголовные. Некоторых удалось обращениями склонить к прекращению голодовки; другим по приказанию харьковского губернатора Крапоткина насильственно вводили пищу посредством вспрыскиваний; третьи, бывшие еще в силах воспротивиться этому, умерли.

Слухи об этих ужасах дошли до революционеров. Пред легко воспламеняющимся воображением молодежи встали бледные, страдальческие лица товарищей, и первой ее мыслью была—месть! В Петербурге виновником этих страданий был начальник третьего отделения генерал Мезенцев, и вот 4 августа 1878 года он среди белого дня на людной улице был заколот кинжалом, причем виновникам удалось скрыться [1]). В объяснение этого убийства была выпущена брошюра «Смерть за смерть», в которой, согласно с мнениями Осинского, политическое убийство объявлялось целесообразным и справедливым средством борьбы против правительства, которое будет упорно сохранять господствующую систему. Во всем остальном автор стоит еще целиком на почве социализма: по его мнению, в России идет борьба между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией, и он наивно предлагает правительству отстраниться от вмешательства в борьбу. Кроме того, от правительства требуются еще следующие уступки: прекращение преследований, устранение произвола, суд присяжных при политических процессах и полная амнистия для политических преступников.

Но правительство вовсе не помышляло о кротости; напротив, оно усилило строгость своих мер [2]). Уже весною был введен по всей России новый род сельской полиции, с почти неограниченными полномочиями. По указу от 9 мая все преступления против должностных лиц были изъяты из ведения суда присяжных и переданы Судебным Палатам с сословными представителями, или Особому Присутствию Сената, или Верховному Уголовному Суду для того, чтобы обеспечить правительству в будущем желанные приговоры. После убийства Мезенцева, по указу 9 августа, все политические преступления, сопровождавшиеся убийством, нанесе-

---

[1]) Морозов, Террор.—Вольное Слово, № 38, Бонди.—П. Лавров, Jahrbuch, I. с.—Впоследствии обнаружилось, что Адриан Михайлов раздобыл лошадь и экипаж, а врач Веймар — револьвер. Убийца живет за границей. Это даровитый писатель, в качестве такового часто упоминается в немецкой прессе.

Прим. ред. Сергей Михайлович Кравчинский (Степняк), умерший в Лондоне. Он же сам и написал упомянутую в тексте брошюру «Смерть за смерть».

[2]) П. Лавров, Jahrbuch, I. с.

нием ран или каким-нибудь насилием, судятся военными судами. Кроме того, 20 августа, царь обратился «к обществу» за помощью в борьбе с крамолой. Царь обещал, что правительство будет с неутомимой твердостью и строгостью бороться с государственными преступниками, но прибавил, что правительство должно найти опору в народе, и поэтому он обращается ко всем слоям населения, приглашая их поддержать его. В том же смысле высказался царь (в ноябре) в Москве перед собранием представителей всех сословий.

Данное царем обещание действовать твердо и строго было исполнено. 15 сентября в Петербурге была разгромлена самая большая из тогдашних организаций — общество «Земля и Воля». В это время центральная группа этой организации состояла из 50 человек, из которых около десятка были заняты заведыванием всеми ее делами: доставкой паспортов и денег, нахождением убежищ и привлечением новых сил из среды студенчества и рабочих. Наиболее способные члены, как Адриан Михайлов, Сабуров, Оболешин, Соболев, врач Веймар, Малиновская и Коленкина были арестованы. Полиция захватила паспорта и печати, многочисленные связи были затеряны. Те члены, которым удалось скрыться, не имели ни денег, ни паспортов. Нашлось однако 4 — 5 человек громадной энергии, которым удалось восстановить организацию. Особенно отличался опять таки Александр Михайлов, который бегал повсюду, собирал деньги, фабриковал паспорта, завязывал сношения; в результате общество «Земля и Воля» не только не распалось, но нашло даже возможность устроить свою типографию [1]) и с 25 октября выпускать правильно газету, носившую также имя «Земля и Воля [2])».

В первом номере этой газеты говорится о «народной революции», вызвать которую составляет задачу партии; вопрос о земле

[1]) Прим. Ред. Эта типография ко времени появления газеты «Земля и Воля» существовала уже более года. Она была устроена еще летом 1877 года. В ней печаталась речь Мышкина на суде 193-х и многие прокламации. При осеннем погроме 1878 года она уцелела, проработала весь следующий год и при разделении общества «Земля и Воля» перешла к народовольцам, у которых заарестована лишь в январе 1880 года.

[2]) На Родине, № 3, стр. 25 и 46.—Я. Стефанович, Злоба дня, стр. 7.— Биография Перовской, стр. 13.—Лавров. Взгляд на прошлое и настоящее русского социализма.

занимает первое место; от революционеров требуется, чтобы главные силы они сосредоточили на работе в деревне. В провинции террор был мало популярен: многие из работавших там революционеров отказывали ему в своей помощи, так как, по их мнению, петербургские события не имели никакого значения, а «эффектные фейерверки» террористов казались им опасными. Тем не менее газета «Земля и Воля» подчеркивала необходимость организации террористов, чтобы служить партии «охранительным отрядом» в «беспощадной борьбе» против вредных личностей.

«Общество» охотно откликнулось на призыв к «содействию», выраженный в правительственном циркуляре и в царской речи [1]). Зимою 1878 — 79 гг. многие земства стали обсуждать различные виды этого содействия, и некоторые выставили требования либеральных реформ, которые даны даже болгарам. Харьковское и Московское земства послали даже депутации министру с подобными требованиями. Черниговское земство решило, что в распространении противогосударственных идей повинна, во-первых, превратная организация высшей и средней школы, затем отсутствие свободы слова и прессы и мало развитое в народе чувство законности; с невыразимой болью земство вынуждено констатировать, что при таких условиях оно вполне бессильно в борьбе со злом. В зале Черниговского земского собрания появились жандармы. В Полтаве была выбрана комиссия для составления прошения о расширении прав земства, но губернатор отнял у депутатов приготовленную бумагу. Тверские земцы тоже находили причину крамолы в плохой организации школы, но председательствовавший в собрании предводитель дворянства не допустил даже обсуждения этого вопроса. В марте 1879 г. либералы, у которых поприбавилось мужества, воспользовались другим случаем для устройства демонстрации в обеих столицах империи и встретили при этом поддержку со стороны более умеренных социалистов. Дело в том, что в то время прибыл на несколько месяцев в Россию знаменитый Тургенев, проживавший обыкновенно в Париже. Хотя он и относился критически, даже отрицательно к нигилизму и социализму, но, как истинный либерал, он в значительной степени содействовал уничто-

---

[1]) Лавров, Jahrbuch, l. c.—Вольное Слово, № 56: Ближайшие задачи земства.

жению крепостного права и постоянно выставлял к позорному столбу ничтожность и грабительские инстинкты правящих, а в своей «Нови» изобразил героя будущего в виде этого русского Шульце-Делича — Соломина. Речи и адреса, которыми профессора, ученые и студенты приветствовали престарелого писателя, дышали большой смелостью и вызвали такой же смелый ответ со стороны знаменитого романиста. «Все говорит за то, сказал между прочим Тургенев, что мы живем накануне, хотя мирного и законного, но очень значительного преобразования нашей общественной жизни». Эти либеральные выходки весьма не понравились царю. «C'est ma bêtenoire»,так выразился он о любимом писателе, который был окружен шпионами и получил благой совет убираться по-добру, по-здорову. Арестовать его однако не посмели, и он мог беспрепятственно покинуть Россию незадолго до покушения на царя.

Либеральное течение, стремившееся к конституции и сильно выросшее со времени русско-турецкой войны, зимою 1878-79 гг. достигло своего апогея. Само собою понятно, что оно оказало очень сильное влияние на социалистов. После быстрого и решительного подавления пропагандистов и агитаторов, социалистам в течение 1878 года стало ясно, что их опаснейшими врагами являются не помещики и фабриканты, а правительство и чиновники, которые с беспримерным произволом и всемогуществом подавляли всякое свободное движение. При их господстве не могло быть и речи о безопасности личности, так как даже лица, оправданные судом, ссылались административным порядком и отдавались под строгий надзор. Не могло быть также речи о политических правах, о свободе слова, собраний и союзов, а без всего этого нет законной почвы ни для какой агитации. Поэтому завоевание этих прав представилось той ближайшей задачей, достижение которой обеспечило бы самую возможность пропаганды в народе. Споры о конституции велись уже и раньше, и отражались в рукописной литературе [1]).

Желательна ли конституция для успеха социализма? Нет, отвечали одни, так как силы общества и даже части революционной молодежи будут поглощены парламентской борьбой, которая, как

---

[1]) Вольное Слово, № 38, Бонди.

показывает западно-европейский опыт, для народа бесполезна. Народ будет в продолжение некоторого времени возлагать все свои надежды на парламентаризм и останется глух к проповеди социализма. Однако, наперекор этому мнению, среди революционеров постепенно вырабатывалось большинство, относившееся благосклонно к конституции. Его аргументация была такова. История не терпит скачков. Русское самодержавие не может быть поглощено сразу социализмом. Переходные ступени необходимы. Пример Западной Европы показывает, что первой ступенью к улучшению служит конституция, которая приносит свободу слова и печати и вместе с тем возможность теоретического развития социализма. Кроме того в России буржуазия еще недостаточно сильна, довольно невежественна и лишена ясного сознания своих классовых интересов; поэтому здесь при парламентском режиме легче будет покончить с нею, чем в Западной Европе. Взгляды этих сторонников конституции подтверждались исходом процессов 50-ти и 193-х, так что в течение зимы 1878 — 79 гг. большинство перешло на их сторону. Хотя вера в возможность непосредственного перехода к социалистическому строю сохранилась еще вплоть до 1879 года, но это была уже только слепая вера. Существовали весьма понятные психологические основания, почему многие революционеры не хотели и не могли сразу порвать с социалистическими традициями и выдвинуть на первый план политическую борьбу: они слишком далеко зашли в отстаивании социалистической агитации и слишком резко выступали против чисто политического движения. Только наиболее энергичные и наиболее страстные революционеры могли порвать с прошедшим: темперамент здесь играл решающую роль. Не обращая внимания на упреки в непостоянстве и ограниченности, они выдвинули на первый план политические цели.

Это сблизило революционеров с либералами, так как теперь цели тех и других были одинаковы. Были начаты переговоры с радикальными политиками в земствах, с либеральными журналистами и адвокатами, чтобы побудить их перейти от либерального шопота к энергичным действиям; от них даже не требовали самостоятельных действий, а лишь энергичной поддержки революционеров. В этих переговорах принимали участие наиболее серьезные представители молодежи, погибшие впоследствии как терро-

ристы. Одним из недолговечных плодов этого союза была, например, появившаяся весною 1878 года газета «Начало». Сама «Земля и Воля», орган революционной партии, относясь критически к требованиям либеральных земцев, все же объявила эти требования заслуживающими внимания и напечатала ответ на известный правительственный циркуляр 1878 года, приглашавший общество на борьбу с крамолой. В тайной типографии землевольцев в Петербурге печатались прокламации умеренных либералов с конституционными требованиями; впрочем некоторые из этих прокламаций были сочинены самими революционерами, следовательно, являлись фальсификацией. Несколько либеральных земцев имели даже в виду выпустить коллективное заявление и с этой целью послали депутатов в Петербург, но затеянная ими демонстрация не состоялась [1]). Конец этим отношениям между либералами и революционерами положило покушение на царя, после которого они были опять предоставлены своей собственной судьбе.

Не велика была также та поддержка, которую революционеры получили со стороны двух других оппозиционных слоев общества — со стороны студенчества и рабочего класса [2]). В конце 1878 года во многих университетах произошли беспорядки. Студенты Харьковского Ветеринарного Института прогнали одного профессора. Студенты местного университета приняли сторону своих товарищей, а в Петербурге и Киеве состоялись по этому поводу (в декабре 1878 года) бурные сходки, разогнанные саблями жандармов и нагайками казаков, причем много студентов было ранено и несколько человек убито.

С полным правом протестовали против такого поведения властей профессора. «Употребление таких возмутительных средств, писали они, нисколько не вызывалось положением вещей. При таких условиях представителям науки будет трудно поднять не только умственный, но и нравственный уровень учащейся молодежи. Будущие врачи, учителя, судьи почерпнут очень много вредного для государства и общества из того обстоятельства, что их, без всякого судебного приговора, били на улице нагайками». В то же время отчет комиссии, исследовавшей это дело, указывал,

---

[1]) Вольное Слово, l. c.

[2]) Лавров l. c., стр. 293—298.

что, кроме «общих, коренящихся в условиях всей общественной системы» причин студенческих, беспорядков, существуют еще специальные, а именно: недоверчивое отношение к студенчеству, как к политически-неблагонадежному элементу; полицейские стеснения студенчества в частной жизни, лишающие молодежь сознания личной безопасности; подчиненное положение университетского начальства, которое не может со спокойной совестью пользоваться дисциплинарными мерами, так как за таковыми обыкновенно следуют «административные» мероприятия, подкапывающие всю будущую карьеру молодого человека; наконец, крайняя легкость подвергнуться аресту и полицейским мероприятиям, вредно отзывающимся на будущности молодежи. Устранение этих причин волнений отчет считает необходимым в интересах развития в молодежи «уважения к закону и его требованиям».

Рабочие с своей стороны устроили ряд стачек в различных промышленных центрах. Наибольшее значение имело движение среди петербургских ткачей и прядильщиков. В начале 1879 года появилось воззвание петербургских рабочих, излагавшее программу «Северно-русского рабочего союза», который должен был объединить всех городских и сельских рабочих. Программа содержала обычные социалистические требования, а среди ближайших целей упоминалась политическая свобода и законодательство в защиту рабочих. Задачей союза было привлечение рабочих и крестьян путем пропаганды и мирной агитации, но говорилось и о возможности открытого восстания. Число членов доходило до 200, но весною того же года 50 из них были арестованы по доносу шпиона Рейнштейна; также взята была только что устроенная ими типография. Руководила этими движениями рабочая группа, состоявшая из интеллигенции и рабочих; деньги и паспорта доставлял им Михайлов и другие члены организации «Земля и Воля» [1]).

Тем временем не прекращалась и борьба между правительством и революционерами. На место Мезенцева начальником тайной полиции был назначен генерал Дрентельн. Начались массовые аресты: за одну зиму в Петербурге было арестовано до 2000 человек. Конечно, не обошлось без столкновений, так как революционеры оказывали вооруженное сопротивление; жандармы стали

---

[1]) Лавров, Jahrbuch, стр. 297.—На родине, № 1, стр. 48.

носить панцыри. Продолжались и акты мести со стороны социалистов. 9 февраля 1879 года Гольденберг выстрелом из револьвера убил харьковского губернатора князя Кропоткина, близкого родственника известного революционера. Убийство было совершено ночью, когда губернатор, которого обвиняли в допущении бесчеловечного обращения с арестованными, в открытом экипаже возвращался с бала; убийце удалось скрыться. 12 марта произошло покушение Мирского на генерала Дрентельна, отличавшегося чрезвычайной строгостью, предпринявшего целую массу арестов и вызвавшего второй голодный бунт.

Покушения направлялись все чаще и чаще против сановных и высокопоставленных лиц, и революционерам становилось все яснее и яснее, что их энергия должна быть направлена против того, кого они считали главой государства и виновником всех преследований, — против царя. Таким образом, из предпринятого первоначально в интересах самозащиты и мести убийства шпионов и чиновников—последовательно родилась идея о цареубийстве. Эта мысль появилась одновременно у разных лиц, живших в различных местах. Если я не ошибаюсь, то уже осенью 1878 года южнорусские бунтари Давиденко, унтер-офицер Логовенко, Чубаров и другие, при содействии офицеров флота, подложили близ Николаева мину, единственную, которая была открыта полицией до покушения. В то время прибыл в Петербург А. Соловьев, 30-летний фанатик, оставивший университет на втором курсе и после того бывший учителем в Торопце. Здесь он под влиянием одного помещика стал социалистом, научился кузнечному ремеслу и в 1875 году отправился в большое промышленное село Павлово на Оке. Позже он получил место волостного писаря в Саратовской губернии и здесь пришел к решению убить царя [1]). По приезде в Петербург он, не найдя там других знакомых, доверил свой план Александру Михайлову, отношения которого к обществу «Земля и Воля» были ему известны. В средине марта прибыл в С.-Петербург Гольденберг, еще сильно возбужденный успехом своего покушения на Кропоткина, и сообщил тому же Александру Михайлову о своем намерении убить царя. Михайлов, Зунделевич и Квятковский стали посредни-

---

[1]) На родине, № 2. Биография Соловьева и показания Михайлова на процессе 20-ти, стр. 49.

ками между Соловьевым и Гольденбергом. Состоялось несколько сходок в трактирах. Разговоры на них были оживленные; теоретически вопрос обсуждался всеми, но посредники старались избегать давления на тех, для кого это был вопрос жизни и смерти, так как они сами тогда еще не были готовы к самопожертвованию и чувствовали это. Они поставили, однако, на вид, что еврей менее годится для подобного дела, так как репрессалии приняли бы характер национальной травли и пали бы на головы миллионов невинных. Соловьев особенно принял к сердцу это соображение и закончил беседу следующими словами: «Нет, только я удовлетворяю всем условиям. Мне необходимо итти. Это мое дело. Александр II — мой, и я его никому не уступлю». И Гольденберг и посредники не сказали ни слова. Избранное Соловьевым место и время действия исключили участие прямых помощников, только Михайлов наблюдал издали [1]). 2 апреля 1878 года Соловьев 5 раз выстрелил в гулявшего царя, но ни разу не попал. Существовавший уже тогда Исполнительный Комитет террористов-конституционалистов формально имел право слагать с себя ответственность за этот поступок, совершенный по инициативе одного человека и заранее известный только узкому кругу лиц. Но в действительности к этому узкому кругу принадлежали как раз вожди тогдашнего движения, которые и должны нести нравственную ответственность за это покушение.

Террористы дошли, таким образом, до крайнего предела смелости. Кровь закипела, учащенно забился пульс! Но для того, чтобы итти дальше по этому пути и сделать террор правильным орудием борьбы, необходима была более крепкая организация с строгой дисциплиной и хорошо проведенной конспирацией. Покушение Соловьева поставило этот вопрос ребром. Решительное объяснение с социалистами-федералистами насчет целей, средств и организации партии становилось необходимым.

После покушения вся Россия была поделена между шестью генерал-губернаторами, которым дана была чрезвычайная власть. Наступило мрачное время правления Гурко в Петербурге и Тотлебена в Одессе; белый террор правительства ни в чем не уступал красному. Все население Петербурга было отдано под неусыпный

---

[1]) Автобиография. На родине, № 3, стр. 27.

надзор дворников, содержание которых легло тяжелой повинностью на домовладельцев. Паспортная система была усилена, над торговцами оружием и ядами назначен особый контроль; над учащимися и извозчиками установлен особый надзор; многие служащие получили расчет и подверглись арестам и высылкам. В то же время многие революционеры были приговорены к повешению; некоторые из них за то, что оказали или думали оказать вооруженное сопротивление. Осинский, напр., был осужден и казнен в Киеве, хотя не успел даже вытащить своего револьвера из кармана. Другие, арестованные еще в 1876 году, были повешены просто потому, что в них правительство нашло, в Одессе, напр., готовые жертвы для своей мстительности. Теперь для революционеров борьба с буржуазией и землевладельцами отошла на задний план, и первое место заняла борьба с правительством. Мирные средства казались теперь бессильными, все сосредоточилось на терроре.

Но тем чувствительнее делался недостаток сильной организации, способной действовать систематически. Но, как мы видели, в организационном отношении север всегда стоял выше юга [1]). Южане пустили в ход самозванство и политические убийства, но не сумели организовать необходимые для таких действий силы. Их священнейшей догмой была личная свобода, допускавшая объединение близких товарищей. При помощи таких небольших групп можно выполнить какое-нибудь смелое предприятие, но нельзя одержать верх над правительством. А между тем, все первые покушения исходили именно от таких групп или от отдельных личностей. Теперь дело шло о систематизации террора, завещанной Осинским своим товарищам, а для этой цели террористам необходимо было забрать в свои руки самую большую и самую богатую из существовавших тогда организаций.

Весною 1879 года таковой была организация «Земли и Воли», имевшая небольшие группы на юге, но созданная целиком севером. Это общество успело уже оправиться от нападения, совершенного на него предыдущей осенью, имело собственную тайную типографию, издавало газету, имело тысяч десять рублей дохода от разных пожертвований и насчитывало в Поволжье, особенно в Саратовской губернии, несколько солидных поселений. Здесь члены общества

---

[1]) Желябов, стр. 16.

занимали места волостных писарей и некоторые другие должности, а отношения к влиятельным лицам были так хороши, что можно было рассчитывать на какое угодно количество мест, лишь бы нашлись на них кандидаты. Один из этих волостных писарей находился в постоянных сношениях с предводителем дворянства и с председателем земства, хотя и тот и другой знали, что имеют дело с нелегальным агитатором, решавшим все споры в пользу крестьян, которые боготворили его за это. Только летом 1879 года правительство, занимавшееся расследованием прежней деятельности Соловьева, который тоже был волостным писарем в Саратовской губернии, напало на следы поселений и разрушило их. Затем изо всех кружков в рядах «Земли и Воли» находилось небольшое число опытных и энергичных людей, оно пользовалось также наибольшей известностью, что для заговора имеет, быть может, первостепенное значение. Землевольцы, работавшие в деревнях, так называемые деревенщики, твердо отстаивали социалистическую пропаганду и, как убежденные «народники», стремились к образованию народной партии. Они отвергали террор потому, что он толкает на путь политической деятельности, отвлекая, таким образом, от главной цели — от социально-экономической революции. Городская часть организации была, наоборот, того мнения, что в данное время следовало выбирать между совершенным отказом от пропаганды и агитации и завоеванием политической свободы, так как при данных условиях революционизировать народ невозможно. Представители этого мнения были очень непопулярны, их называли новаторами и конституционалистами. Это заставило их быть осторожными и искать себе повсюду единомышленников, среди которых оказался также и Желябов.

Между тем, приближалось время, когда по уставу «Земли и Воли» должен быть состояться съезд, на котором предполагался на этот раз основательный пересмотр как задач Общества, так и его организации. Большинство членов надеялось воспользоваться съездом, чтобы покончить с террористическими стремлениями. Местом съезда был назначен город Воронеж, лежавший в центре юго-восточной России, таким образом, наиболее удобный для большинства действовавших в народе поселенцев. Террористы, с своей стороны, тоже хотели воспользоваться съездом для своих целей и созвали без ведома своих несогласных сочленов предварительный

съезд на 17—21 июня в Липецке (Тамбовской губ.), чтобы явиться в Воронеж с заранее выработанным планом. На этот предварительный съезд были приглашены не только террористы из общества «Земля и Воля», но также влиятельные люди из других групп, не объединенные до того времени ничем, кроме сознания необходимости выдвинуть на первый план политический момент, централизовать организацию и вести активную борьбу с правительством.

В первостепенном историческом документе, каким является написанная Тихомировым биография Желябова, автор подробно излагает нам взгляды, которые развивал на Липецком съезде Желябов. Русская социально-революционная партия, говорил он, должна преследовать социально-экономические, а не политические задачи. Политическая свобода должна быть целью либеральных стремлений. Но так как русские либералы бессильны и не в состоянии создать свободные учреждения, гарантирующие права личности, а без этого невозможна социально-экономическая агитация, то революционной партии остается только самой сломить силу деспотизма и завоевать народу такую конституцию, при которой будет возможна борьба идей. Поэтому, по мнению оратора, ближайшая цель должна состоять в завоевании политической свободы. Отсюда само собою вытекало выставленное впоследствии требование созыва учредительного собрания и принцип господства народной воли. Соображения Желябова встретили всеобщее, хотя и неопределенное одобрение. Затем было приступлено к обсуждению вопроса о том, как лучше отмстить за наступившие после покушения Соловьева гонения. Желябов заметил по этому поводу, что, если партия считает деспотизм вредным, если она думает, что освобождение может быть достигнуто только открытой борьбой, то она не должна относиться безучастно к белому террору Тотлебена в Одессе и Черткова в Киеве. Но первым виновником их действия является царь; его именно должна наказать партия, его казнить. Силы для этого имеются и будут расти тем быстрее, чем энергичнее партия будет действовать. И этот взгляд Желябова не встретил особых возражений; в глубине души все присутствовавшие уже раньше решили вопрос о цареубийстве и лишь ждали его определенной формулировки. Третий пункт, подлежавший обсуждению, был вопрос о форме организации. В то время Желябов еще не имел определенных взглядов на этот вопрос, но по настоянию других, между про-

чим, Александра Михайлова, съезд высказался за централизованную конспиративную организацию с строгой дисциплиной[1]). Эти прения легли в основу выработанной программы, главным требованием которой был переход управления государством в руки самого народа, а одним из средств для достижения этой цели признавалось цареубийство; тут же был избран и исполнительный комитет. Гольденберг, арестованный с динамитом на Елисаветградском вокзале за несколько дней до московского покушения и выдавший всех своих товарищей, в своих признаниях представил дело так, как будто в центре всех прений стоял вопрос о практических средствах к цареубийству. Но Александр Михайлов это решительно отвергает[2]). По его словам, неверная окраска, приданная Гольденбергом прениями на съезде, объясняется тем, что Гольденберг после покушения Соловьева был весь поглощен мыслью о необходимости цареубийства; в действительности же систематический план покушения был выработан позднее, и сам Гольденберг, по уверению того же Михайлова, был приглашен на липецкий съезд лишь по недосмотру.

Тем временем в Воронеже собралось большинство членов «Земли и Воли», оставшихся сторонниками старой программы. Но так как заседавшие в Липецке террористы заставили прождать себя целых четыре дня, то многие деревенщики разъехались из Воронежа, боясь потерять занятые в деревнях места. Явившиеся после их отъезда террористы поставили первым требованием прием новых членов, чтобы сделать партию многостороннее. Съезд согласился на это и принял несколько новых членов, между прочим, Желябова и Ширяева. Прения на этом съезде были мало содержательны, оба направления слишком далеко разошлись, чтобы могла еще быть речь о соглашении. Большинство состояло еще из старых мирных

---

[1]) На липецком съезде, как говорят, присутствовали Александр Михайлов, Фроленко, Тихомиров, Колоткевич, Желябов, Ширяев, Квятковский, Морозов, Кошурников, Гольденберг; Михайлов, Фроленко и Морозов были избраны руководителями Исполнительного Комитета, а Тихомиров и Морозов—редакторами органа. (См. признания Гольденберга, читанные во время процесса 16-ти 25—31 октября 1880 г.).—Тихомиров, сын врача, в 1871 г. занялся пропагандой, был арестован в 1873 году и оставался в заключении до 1878 года. После этого он являлся главным руководителем всех террористических предприятий.

[2]) На Родине, № 2, стр. 53. Показания Александра Михайлова на процессе 20-ти.

пропагандистов и революционных агитаторов, сохранивших отрицательное отношение к политике, террору и централизации. «И это революционеры!» воскликнул в сердцах Желябов. Он полагал, что разрыв необходим и развил пред противниками свои мысли в самой резкой форме, вызвав не мало удивления и неудовольствия. Его друзья, преимущественно те, которые еще колебались, но также и некоторые из убежденных террористов, как например, Александр Михайлов, хотели, наоборот, во что бы то ни стало избежать разрыва, чтобы не разрушать единственной сильной организации. Они просили Желябова не ставить вопроса так резко, после чего Желябов замолчал и принимал участие только в частных разговорах, особенно с Софьей Перовской. Съезд закончился компромиссом. Программа партии осталась старая, но было решено, что активная борьба с правительством будет усилена, и партия будет оказывать деятельную помощь политическим убийствам, направленным против тиранов.

По поводу поднятого против газеты «Земля и Воля» обвинения в том, что она слишком склоняется в сторону терроризма и в вышедшем после покушения Соловьева № 4 «Листка» уделила так много места политике, что социализм оказался оттесненным на задний план, съезд признал, что тенденции газеты соответствуют взглядам партии. Поселения в народе решено было сохранить.

Террористы не могли примириться с этим результатом, хотя в их руках были теперь материальные средства и, кроме того, они могли надеяться привлечь к себе новых союзников. Тотчас после съезда они направились потому в большие городские центры — Желябов в Харьков, Киев и Одессу, Михайлов в Петербург—и стали вербовать себе сторонников. В Петербурге сторонники обоих направлений собирались спорить, но в сущности уже в это время каждая партия действовала почти самостоятельно и принимала новых членов, а 15 августа 1879 года на конгрессе представителей обеих групп партии «Земля и Воля» вопрос о разрыве был решен окончательно. Из образовавшихся двух партий, одна была политическая, имела централистическую организацию и главным орудием борьбы признавала террор; ее члены впоследствии стали называться народовольцами от имени издаваемой ими газеты «Народная Воля», № 1 которой вышел в октябре 1879 года: народовольцы издавали также с зимы 1880 года до начала 1881 г. «Рабо-

чую Газету». Другая партия — социалистическая, — считала главным средством борьбы революционную агитацию и отстаивала федералистический принцип организации; по имени газеты «Черный Передел», № 1 которой вышел 15 января 1880 года, ее члены назывались чернопередельцами, также народниками; с июня 1881 года они издавали газету для рабочих «Зерно». Обе партии расстались очень дружественно. Они обещали при надобности помогать друг другу своими типографиями, поддерживать денежными средствами и оказывать помощь при убийстве шпионов и при освобождении арестованных. Так оно и было впоследствии, когда, напр., шпион Жарков выдал типографию народников, то он был убит террористами.

26-го августа Исполнительный Комитет подписал «смертный приговор» отправившемуся в Ливадию царю. План похода был уже выработан.

VII.

Террор.

(С 1879 года).

Весь этот громадный переворот в революционном движении произошел не сразу и не с одинаковой силой захватил собою различные кружки и отдельные личности по городам и деревням. Нелегко принимали они решение оставить достижение конечных целей социализма в пользу ближайших задач политики, не имеющих непосредственного отношения к экономическим вопросам. Нелегко было покинуть дорогу сравнительно мирной пропаганды и агитации и вступить на путь убийств и других преступлений. Нелегко было отказаться от самостоятельности, неограниченно царившей в небольших обществах, и преклонить свою гордую голову перед высшим авторитетом одного комитета, не будучи даже посвященным во все его планы и намерения. У некоторых этот психологический и нравственный процесс вполне закончился только через два года, а у большинства даже еще позже. Прежде всего новые идеи

овладели характерами сангвиническими и нетерпеливыми, энергичными и отчаянными, между тем, как остальные все еще продолжали стоять между двумя крайностями и, как Софья Перовская, с одной стороны соглашались с народниками в том, что не следует отказываться от деятельности среди народа, с другой же стороны, вместе с террористами, из чувства мести требовали смерти Александра II; деятельность одной партии, по их мнению, должна была дополнять собой деятельность другой. Эти нерешительные элементы не допускали до открытого разрыва и еще долго сглаживали разногласия, не желая признать, что партия вступает на путь политической борьбы и, таким образом, оказывается в этом пункте солидарной с жестоко осмеянными якобинцами и с либеральной буржуазией. Несколько позднее все эти элементы окончательно перешли на сторону террора.

Такое революционизирование умов, естественно, должно было привести к подробным обсуждениям, и тут очень скоро оказалось, что не хватает самого главного средства для выяснения всех вопросов — хорошо организованной прессы. Между товарищами происходили, конечно, дебаты, в рукописной литературе также не было недостатка; но всего этого было слишком мало, особенно для живших по деревням пропагандистов. Конечно, нет ничего удивительного, что в то время не было удовлетворительной литературы, и что в теоретическом образовании русского революционера существовало много пробелов [1]). С юных лет попадал он в огонь полицейских преследований, у него очень часто не было даже комнаты, которую он мог бы назвать своей. Месяцы и годы оставался он без определенного места жительства. Вставая утром, он часто не знал даже, где найдет себе пристанище ночью. Такие условия не могли благоприятствовать умственным занятиям. К тому же откуда было доставать книги? Все же социалисты сами видели, что успех их пропаганды находится в тесной зависимости от знаний агитаторов. Литература была нужна поэтому как для них самих, так и для народа.

Между тем, пресса занимала в это время самое незначительное место среди революционных предприятий. И, однако, как вполне справедливо заявляет циркуляр, касающийся издания социально-

---

[1]) Циркуляр об издании русской социально-революционной библиотеки.

революционной библиотеки, ни одна партия не может безнаказанно пренебрегать теорией. А так как приходилось признать, что и теперь, как при начале движения, продолжает господствовать все та же неясность взглядов, и что литература не в состоянии удовлетворять быстро растущих требований интеллигентного читателя, то и решено было издавать под редакцией Лаврова, Гартмана и Морозова социально-революционную библиотеку. Издания этой редакции оказались очень скудными: в три года появились три брошюры, из них две переводные—Квинтэссенция социализма Шеффле (с критическими замечаниями Лаврова и Тарновского) и Коммунистический Манифест Маркса, а третья — брошюрка Лаврова о Парижской Коммуне. Теоретической разработкой более злободневных вопросов занялись в своих брошюрах, вышедших в 1880 и 1881 годах, Морозов и Тарновский—с террористической точки зрения, Я. Стефанович и Борисов—с народнической. В это же время «Набат», продолжавший выходить в Женеве, счел, наконец, возможным признать себя солидарным с руководящей партией русской революции. Официальными же органами обеих партий считались упоминавшиеся уже выше «Народная Воля» и «Черный Передел». В 1880 и 1881 году, кроме того, вышла целая масса программ и прокламаций [1]). Кем они собственно издавались, определить очень трудно, так как издания в большинстве случаев анонимные. И даже тогда, когда являлись от имени всей социально-революционной партии, они часто противоречили друг другу. Повидимому, здесь действовали и писали отдельные революционеры, каждый на свой собственный страх. На вопрос же о том или другом авторе часто получался ответ: ему нельзя придавать никакого серьезного значения. Даже прокламации Исполнительного Комитета «Народной Воли» не всегда встречали одобрение со стороны членов партии, а иногда случалось, как напр., с воззванием по поводу южнорусских еврейских гонений, что от них приходилось отказываться. Не без основания говорит Яков Стефанович о хаотическом характере русской революции, в ходе которой почти невозможно усмотреть какой-либо законосообразности. Тем труднее для непосвященного правильно охарактеризовать взгляды партий, которые так неточно формулированы и заключают в себе такую массу самых

---

[1]) Вольное Слово, № 18, Драгоманов.

разнообразных оттенков. Только со всевозможными оговорками решаюсь я приступить к более подробному изложению целей, средств и организационных форм сначала террористической партии народовольцев, а затем агитаторской партии чернопередельцев.

Как уже было сказано, террористы решительно отрицают всякую возможность мирной пропаганды и агитации идей социализма; для этого недостает необходимого правового обеспечения личной неприкосновенности и свободы мнений. Прежде всего, поэтому, следует завоевать себе политические права, и тут социалисты встречаются в своих требованиях с либералами. Далее, — так аргументируют они, — совершенно невозможно говорить в России о борьбе между классами в западно-европейском смысле слова [1]). Несмотря на все старания правительства, дворянство не сделалось самостоятельным классом; буржуазия же развита очень слабо; таким образом, и дворянство и буржуазия являются социальными группами низшего порядка, и о борьбе между трудом и капиталом в западно-европейском смысле не может быт и речи. Самой крупной силой в России как в общественном, так и в экономическом отношении является правительство, отчасти благодаря своим собственным поместьям, крупным предприятиям, своему штату служащих и чиновников, отчасти же благодаря тому покровительству, которое оно оказывает привилегированным классам в форме таможенных тарифов, субсидий, внутренних займов и т. д. Это могущество правительства и бюрократии по отношению к крестьянам усилилось еще больше с 1861 года, когда все подати и налоги, платившиеся раньше помещикам, направились в государственную казну. Противоположность экономических интересов, существовавшая между крестьянами и помещиками, с этих пор также перенеслась на правительство. Хотят ли уменьшить подати, или увеличить земельные наделы, или расширить автономию крестьянского общества, — во всех случаях приходится иметь дело с правительством и его чиновниками. Таким образом, социальное и экономическое освобождение народа ведет к непосредственной борьбе с правительством. Борьба экономическая и политическая сливается здесь в одно, и победа над правительством должна спасти

---

[1]) Народная Воля, № 2. — Вольное Слово, № 13. — Против этого — Фридрих Энгельс: Социализм в России, 1874.

от усиления буржуазии. По взглядам народовольцев, единственно жизненными силами в народе являются интеллигенция, рабочий класс и крестьянство, и эти элементы должны быть представлены в учредительном собрании. Чтобы сделать это возможным, правительство должно предоставить при выборах полную свободу слова, собраний и союзов. На обязанности же учредительного собрания лежит издание законов, гарантирующих всем гражданам политические права.

Такая аргументация и такие требования без сомнения сильно подкупают западно-европейского читателя и до известной степени заключают в себе много верного и справедливого. Но не следует итти так далеко, чтобы думать, будто для террористов политическая свобода является конечной целью. Без сомнения, народовольческая тактика способна внушить убеждение, будто революционное движение в России есть по существу только политическое и потому сравнительно безобидное. Статьи Степняка и Кропоткина, написанные на итальянском и английском языках, еще больше склонны убедить в этом заграничную публику. Точно также и прокламации, появившиеся тотчас же после убийства Александра II, представляют дело в таком виде, как будто весь вопрос заключается в созвании учредительного собрания и приобретении политической свободы, в уменьшении налогов, увеличении земельных наделов и расширении самоуправления, после чего террористы обещают приостановить свои «казни» и вполне подчиниться постановлениям собрания. Но все это не должно вводить в заблуждение [1]). Достижение политической свободы является лишь ближайшей целью. Как только она будет достигнута и таким

[1]) Точно так же не должно придавать значения газетным известиям, будто Богданович заявил на суде (в апреле 1883 г.), что террористы борятся не против принципа монархии, а против образа и способа ее действия. По всей вероятности, он сказал, что террористы не являются противниками государства вообще, т.-е., что они не анархисты и тотчас же перестанут практиковать террор, как только изменится государственная конституция. Если же Богданович и действительно сделал первое заявление, то оно является только его личным воззрением. Ведь нам известно заявление Златопольского, что партия не хочет такой конституции, которая ограничилась бы распределением власти между царем и имущими классами, и что она требует действительного народного представительства. (Протокол процесса по Indépendance Belge.)

образом создадутся условия для мирной агитации, тотчас же на сцену явится социализм. Отложить — не значит еще отменить. После политической революции должна последовать социальная, и в результате водворится новый строй, основанный на принципах свободы и справедливости.

Какими же средствами следует добиваться политической свободы? Организовать народную партию мирным путем, по мнению террористов, невозможно; при этом будут только напрасно растрачены все силы, и придется биться вокруг бдительной полиции, «как рыба об лед». Исход — отказаться от немецких форм революции и обратиться к террору, направленному против царя и его главнейших помощников с тем, чтобы добиться от них уступок. Ужасы убийств в России при конкретных условиях действительности, когда всякое другое средство оказывается совершенно бесплодным, не только вполне оправдываются, но и горячо рекомендуются. Так смотрели все рассудительные и вдумчивые руководители партии Народной Воли. Мечтатели же, вроде Морозова и Тарновского, пошли дальше. Террористическую практику в России они возводили в систему; они объявили ее новым средством борьбы, применяемым во всех случаях. При всех бывших до сих пор массовых движениях, говорили они, народ только терзал себя, нисколько не улучшая своего экономического положения; между тем действительно виновные тираны оставались безнаказанными. Молодежь должна взять на себя борьбу за свободу и провести целый ряд убийств, попадающих прямо в цель. Эти таинственные убийства должны стать традиционными, и всякий честолюбивый человек, вроде Наполеона III и Бисмарка, должен быть уничтожен при самом начале своей карьеры; все равно, каким путем он достигает господства, путем ли плебисцита или с помощью армии. Всякий раз, как оживает деспотизм, снова появляется террор, и живое воспоминание о нем навсегда остается в массах. Каждый человек в праве убить тирана, и народ не смеет лишить этого права ни одного из своих сограждан. Эти страшные слова Сен-Жюста должны оставаться лозунгом террористов. Возникновение этой теории у Морозова вполне понятно. Всякое новое течение имеет всегда тенденцию по крайней мере хоть в теории дойти до своих крайних выводов. При завершении логической системы снова возникают различные сомнения, которые снова вызывают пересмотр всей аргументации.

Так было и с этим вопросом. В Исполнительном Комитете Морозов не встретил сочувствия к своей теории. Комитет отказался от печатания его брошюры. Тогда автор вышел из Комитета и уехал в Женеву, где и занялся изданием своего произведения.

Здесь Морозов и Жуковский сблизились со старым теоретиком убийств — Ткачевым. Последний был очень доволен новым оборотом дел в России; себя он уже давно называл бланкистом и якобинцем. Теперь, казалось, счастье снова повернулось в его сторону. Но это только казалось так. Сойдясь с Морозовым в его воззрениях на убийство, как на универсальное средство борьбы, он тем самым снова разошелся с оффициальным учением Исполнительного Комитета, который признал убийство как средство политической борьбы, специально применимое при русских условиях. Между тем Ткачев задумал оживить свой орган «Набат», и его богатый друг Турский, который под именем Амари «согрешил» однажды брошюрой, с готовностью предложил ему деньги. Осенью 1880 года Ткачев перенес свою типографию в Петербург, но тотчас по прибытии туда она была арестована. В общей сложности у Ткачева в России едва ли насчитывалось более дюжины сторонников. К тому же зимою 1882 года он заболел и был помещен в дом умалишенных. Наиболее авторитетные заявления партии[1]) были также направлены против морозовской теории. Сам Морозов был-де террористом третьей степени (в процессе двадцати (Тригони) он был «помилован» и приговорен к 20 годам каторги). Цареубийство, по оффициальной формулировке террористов, является средством борьбы, вызванным специальными условиями русской действительности. В начале движения революционеры вовсе не имели в виду этого средства и были принуждены прибегнуть к нему, как к единственно действительному средству в борьбе против невероятно жестокого правительства. Газета «Народная Воля» (см. №№ 7 и 8) высказала американскому народу свое сожаление по поводу покушения на Гарфильда, мотивируя его тем, что насилие следует применять только против насилия, и что в свободной стране должно найти лучшие способы борьбы.

На ряду с убийствами народовольцы применяли и другие средства борьбы, имевшие второстепенное значение. Мы имеем

[1]) Суханов и Исаев в своих речах на процессе Суханова-Тригони.— Прокламации Исполн. Комитета.—Желябов.

в виду добывание денежных средств путем воровства и подлогов. Но это были только предприятия отдельных лиц или групп, за которые Исполнительный Комитет не берет на себя ответственности. В Кишиневе попытку обокрасть казначейство (в сентябре 1880 г.) не удалось довести до конца. Фроленко, Лебедева и Лиссовская (последняя в качестве кухарки) поселилась в гостинице «Швейцария» и отсюда предприняли подкоп под здание казначейства, но эта попытка «конфисковать государственные бумаги» была в январе 1881 г. открыта. После Херсонского воровства со взломом в июне 1879 года все деньги (свыше миллиона рублей) были найдены нетронутыми через несколько дней. В Малороссии, говорят, один народник пробовал обокрасть почту. Исполнительный Комитет заявил, что он допускает «конфискацию» государственных капиталов, но отнюдь не воровство собственности частных лиц или благотворительных заведений. Он протестовал против обвинения, что 300.000 руб. из московского воспитательного дома были якобы похищены его агентами. Скверно, однако, то, что общество не может знать, является ли какое-либо похищение «конфискацией», сделанной по приказанию Исп. Ком., или «воровством», совершенным отдельным революционером или даже совершенно посторонним человеком, только украшающим себя революционными перьями. Тайная власть не должна уклоняться от ответственности за свои деяния перед общественным судом и перед судом истории, и, конечно, было бы чрезвычайно целесообразно, если бы Исп. Ком. время от времени публиковал отчеты о том, какие «казни и конфискации» были совершены его агентами [1]).

С тех пор как завоевание политической свободы стало целью, а средством стал террор, необходимо должна была создаться централизованная организация со строгой дисциплиной и с самыми строгими правилами конспирации. Первые убийства исходили еще от небольших обществ. Но раз революционеры пошли в этом направлении дальше и решились заняться истреблением царя и его высших сановников, им приходилось подумать о систематической деятельности с обширными материальными средствами. Таким образом они принуждены были отказаться от федеративного принципа и снова вернуться к централизации якобинцев 1792 и 93

---

[1]) Народная Воля, № 7.—Вольное Слово, № 21, Драгоманов.

годов. А с каким энтузиазмом еще недавно прославляли они федерализм и какими насмешками осыпали «устаревшие формы» революции и якобинцев, называя их ихтиозаврами революции, которые никогда не осмелятся выступить со своими мнениями! И вдруг эти самые революционеры так беззаветно подчинились всем предписаниям Исполнительного Комитета, не осмеливаясь даже обсуждать и критиковать их! А каким нападкам и насмешкам подвергся со стороны враждебной партии этот самый Исполнительный Комитет в начале своего существования! Еще в 1880 году Яков Стефанович [1]) характеризует его как комитет, Бог знает откуда взявшийся и вдруг претендующий на безграничные права над всеми; такая система способных и честолюбивых людей может временно добиться большого успеха, но надолго она не может оказаться благотворной, при торжестве же революции мы не гарантированы даже, что не будут применены, как во Франции, какие-нибудь недостаточные меры. И все-таки комитет оказался реальною силою, пользовавшеюся громадным влиянием и стремившеюся возвести свои убийства на степень «казни». Составленный из революционеров конституционного и террористического образа мыслей, Исп. Ком. образовался уже весною 1879 года. Члены его были взяты не только из «Земли и Воли», но и из других обществ. Когда на Липецком съезде создалась террористическая партия, руководителями ее были выбраны Тихомиров, Фроленко и Александр Михайлов. В распоряжении у комитета был целый ряд агентов и подчиненных трех степеней доверия [2]); агенты третьей высшей степени, как Желябов, были повидимому одновременно и членами Исполнительного Комитета; эти агенты привлекали на свою личную ответственность помощников, которыми они пользовались для своих целей. Такая организация гарантировала, во-первых, глубокую тайну всех предприятий, так что ни одно покушение на Александра II не было выдано, а во-вторых самую строгую дисциплину, которой современем подчинились все члены партии. Исполнительный Комитет приобрел своей деятельностью громадную известность, привлек массу сочувствующих и собрал громадные деньги. Благодаря этому, он сумел провести самое

[1]) Злоба дня, 1880 г.

[2]) Показания Гольденберга; впрочем Александр Михайлов и А. Квятковский отрицали их на суде.

последовательное разделение труда и сравнительно с прежними небольшими обществами работал со всеми преимуществами крупного производства.

На такой централизации революционных сил в Исполнительном Комитете террористы не остановились. Идя дальше, они предприняли локализацию сил и именно в тех пунктах, где каждый шаг ведет ближе к цели, т.-е. в правительственных центрах [1]). Организационная работа сосредоточилась после этого на тех элементах, которые могли принять непосредственное участие в революции. Это считалось необходимым, так как всякое движение по деревням или на окраинах без восстания в административных и промышленных центрах было бы моментально подавлено и пропало бы совершенно бесследно для дела народного освобождения. И чем совершеннее становились технические средства, например, железные дороги и телеграфы, находившиеся в распоряжении у правительства, тем больше увеличивались эти невыгоды положения. Сверх того организация крестьянства и не включалась непосредственно в программу партии. Деятельность ее должна была направляться в эту сторону только для того, чтобы разъяснить народу истинный смысл своих требований и в момент восстания оградить их от реакционных попыток.

Принцип централизации должен был сохраниться и после победы революции [2]). Временное правительство партии будет иметь только формальное значение; она явится только ликвидационной комиссией, писал Желябов. Экономическую революцию должен произвести сам народ, обязанность же правительства только санкционировать экономическое равенство. Но если сам народ не сумеет ниспровергнуть хозяйсвенные учреждения, то это возьмет на себя временное правительство. Оно отменит право частной собственности на землю и на орудия производства и одновременно введет новые учреждения. После этого должны последовать выборы, и в парламент попадут действительные представители народа, освобожденного политически и экономически; народная жизнь начнет регулироваться волею народа. На окраинах братья

---

[1]) Народная Воля, № 8 и 9, и Вольное Слово, № 37.

[2]) Народная Воля, №№ 5, 8 и 9.—Программа рабчих членов Партии Н. В., Прокламация Исп. Ком. Н. В. к русскому рабочему народу от 24 авг. 1880 г., Черный Передел, № 4.—Вольное Слово, №№ 39 и 40,

также вздохнут свободнее, и права наций, бывших некогда самостоятельными, снова должны быть восстановлены. Но раньше власть парламента должна распространяться на всю Россию, и только после окончательного утверждения революционных приобретений и прочного обоснования нового порядка, различные национальности могут получить право самим определять свои политические отношения ко всему государству. Иначе темные силы реакции найдут в них свою Вандею и снова поведут отсюда борьбу против революции. Таким образом самая полная централизация сохраняется на первых порах и в государственном механизме. Если же Желябов говорит в письмах к Драгоманову об автономии общин и национальностей, то это, вероятно, только для того, чтобы привлечь в свою партию этого защитника малороссийской независимости. Россия настолько же централизована, как и Франция, а с 1789 года все правительства — республиканские, монархические и роялистские — поддерживали эту форму организации. Раз получив власть над государством в свои руки, никто добровольно не откажется от нее. О малороссийской же автономии наверное ни один член партии Народной Воли не думал серьезно.

Террористы немедленно же приступили к проведению в жизнь своих взглядов. Все последующее время очень богато террористическими фактами. Уже летом 1879 года, сейчас после основания партии, был выработан целый план обширной кампании против царя. Было решено взорвать на воздух поезд, в котором Александр II должен был проследовать из Ливадии в Петербург. Начиная с сентября было заложено целых три мины: под Одессой, Александровском и Москвой; до 50 человек было занято этим делом [1]). Подкоп под Одессой (14 верст от города) не достиг своей цели, так как царь не поехал через этот город. Главные надежды возлагались на подкоп под Александровском, так как в случае удачи поезд в этом месте полетел бы в пропасть. В октябре Желябов купил здесь недалеко от полотна железной дороги кусок земли,

[1]) В Одессе работали: Фроленко в качестве железнодорожного сторожа—Кибальчич, Колодкевич, Златопольский, Лебедева; в Александровске Желябов, Пресняков, Окладский, Тихонов, Якимова, а в Москве—Александр Михайлов, Гольденберг, Гартман, Перовская, Ширяев, Баранников и некоторые другие, частью оставшиеся неузнанными.

якобы для устройства кожевенного завода. Отсюда под рельсы были подведены две мины, они соединялись электрическим проводником, а аппарат был помещен на крестьянской телеге. Однако по каким-то техническим причинам взрыва не произошло. Плодотворнее была работа под Москвой [1]). Здесь, среди правоверных раскольников, также недалеко от полотна железной дороги, поселились в качестве ремесленников Гартман[2]) и Перовская, якобы в ожидании своих старых родителей. Но они были здесь не одни; при всем своем желании они не были бы в состоянии уничтожить все приобретаемые ими пищевые продукты. В доме ютилось целое общество людей, никогда не показывавшихся на дневной свет. Эти отшельники были землекопами. По ночам один из товарищей приносил им динамит и все инструменты, необходимые для прорытия подкопа. Впрочем эти инструменты были приобретены только в последнее время, вначале они действовали самыми примитивными орудиями, а так как в проход просачивалась вода, то им и приходилось работать, стоя в ней. Направление указывал им небольшой

---

[1]) Подпольная Россия.

[2]) Лев Гартман был сын немецкого колониста в Архангельске, но немецкий язык он знал плохо. В Саратове, где он был членом местного кружка, он занимал должность писца. Пользуясь его химическими знаниями, его приставили в помощники к Кибальчичу, а потом послали в Москву для устройства электрических батарей. Особенно видной роли в партии он никогда не играл. В Париже, куда он бежал после покушения, его жизнь, как известно, висела на волоске (февраль 1880 г.); незадолго до прибытия русского прокурора, он был освобожден, благодаря главным образом энергичной агитации радикальной партии. После этого он уехал в Лондон, работал на фабриках, потом отправился в Северную Америку и произносил там речи; однако к нему относились там, как к уголовному преступнику, с таким недоверием, что он предпочел снова вернуться в Англию, чтобы продолжать работать по электричеству. Повидимому, он был очень предприимчивым человеком.

За несколько дней до Московского взрыва полиция поймала на Елисаветградском вокзале Гольденберга, который обратил на себя внимание жандармов тем, что сдал в багаж небольшой, но необыкновенно тяжелый ящик. В нем оказалось 2 пуда динамита. Благодаря искусно веденному следствию, Гольденберг дал обширные показания и запутал массу лиц. Это был ограниченный, честолюбивый человек, которому захотелось разыграть роль главного лица в движении; это побудило его отчасти присочинять в своих показаниях. Когда он понял, что попал в ловушку, он покончил с собой.

компас, в роде тех, которыми пользуются военные. При каждом появлении полиции рабочие тотчас же предупреждались, и она находила всегда одних только хозяев; на худший случай на столе все же стояла бутылка нитроглицерина, в которую Перовская должна была выстрелить из револьвера. Наконец настало 19 ноября. Перовская подала сигнал, Ширяев сомкнул цепь... моментально последовал взрыв. Но это оказался не тот поезд, и царь благополучно прибыл в Петербург. Преступники своевременно скрылись.

Но эта неудача не могла сломить крепкую организацию Исполнительного Комитета. Наоборот, только теперь партия окончательно сформировалась и зимою приняла название «Народной Воли». Даже разгром типографий обеих партий 17 и 28 января 1880 года вызвал только временную задержку в делах. Типография «Народной Воли» в Саперном переулке [1]) была открыта случайно, аттакованные защищались в продолжение нескольких часов и дали более ста выстрелов, пока не уничтожены были все бумаги и документы. Типография помещалась в верхнем этаже, под крышей, и занимала четыре комнаты. Первая из них содержалась очень чисто и была хорошо меблирована; в остальных производились работы, но отнюдь не ночью, чтоб не вызвать подозрений; даже в самых экстренных случаях работа продолжалась не позже 10 часов вечера. Квартиру эту знали всего три-четыре человека из редакции «Народной Воли», но и они посещали ее только при крайней необходимости. Арестованные товарищи были скоро замещены другими; например, Александр Михайлов был вызван в Петербург после того, как он сорганизовал террористическую группу в Москве.

Между тем Исполнительный Комитет начал подготовлять новый план покушения, более грандиозный и дерзкий, чем когда бы то ни было. Выполнение этого плана было поручено сыну вятского крестьянина, Халтурину [2]). Как агитатор, он действовал очень энергично среди петербургских рабочих, и под именем Степана пользовался у них громадною популярностью. В 1878 году он сорганизовал Северно-Русский Рабочий Союз, насчитывавший несколько сот членов. До последнего времени этот союз считался

---

[1]) Общее Дело, №№ 31 и 32.

[2]) Календарь Народной Воли 1883 г., стр. 40—48.

самой большой рабочей организацией в России. Халтурин начал даже издавать печатавшуюся самими рабочими газету и устроил типографию; впрочем она провалилась при наборе первого же номера. Когда Халтурин увидел, что все его планы разрушены полицией, он пришел к идее цареубийства и осенью 1879 года предложил свои услуги Исполнительному Комитету. Было решено, что, в случае неудачи тройного железнодорожного покушения, Халтурин взорвет на воздух царя в Зимнем дворце. Как чрезвычайно искусному лакировщику, ему нетрудно было найти себе работу во дворце, и вот, начиная с октября, он стал изучать во время отсутствия царя план дворца. Оказалось, что царская столовая лежала как раз над тем подвалом, в котором помещались столяры, и что она отделялась от него только одним этажем, занятым дворцовой стражей [1]). После неудачи железнодорожных покушений взрыв Зимнего дворца оставался единственной надеждой Исп. Ком. Член его Квятковский вел сношения с Халтуриным. Но вскоре Квятковского арестовали и при нем был найден план Зимнего дворца, на котором царская столовая была отмечена крестом. Этот крест вызвал сильнейшие подозрения в дворцовой полиции. Надзор стал чрезвычайно строг, были произведены внезапные обыски. Когда жандармы в первый раз ворвались ночью в спальню столяров, Халтурин чрезвычайно встревожился; он думал, что все уже потеряно, так как под головой у него в качестве подушки лежал сверток с динамитом. Обыск был сделан очень поверхностно. Гораздо больше мешал доставке динамита контроль, учрежденный над всеми возвращающимися во дворец, и водворение жандарма в подвале у столяров. С этих пор приготовления начали подвигаться вперед очень медленно. Между тем Халтурин страдал жестокими головными болями, вызываемыми ядовитыми испарениями от нитроглицерина, служившего ему подушкой. Опасность,

---

[1]) Халтурин рассказывает о страшных беспорядках в управлении и о воровстве среди служащих. Они устраивали свои собственные празднества и приглашали дюжины своих знакомых, которые вполне свободно ходили, выходили и даже оставались ночевать во дворце, между тем как парадные лестницы оставались недоступными даже для высокопоставленных лиц. Воровство было так распространено, что самому Халтурину приходилось самому красть блюда, чтобы своей честностью не вызвать подозрений. Надо заметить, что прислуга получала по 15 рублей месячного содержания.

в которой он постоянно находился, и быстро развивающаяся чахотка еще сильнее действовали на нервы. Несмотря на все это Халтурин продолжал спокойно работать, не вызывая ни малейших подозрений; к Рождеству он получил сто рублей наградных, и караульный жандарм вздумал даже завербовать себе в зятья молодого искусного столяра. Наконец, в ящике было собрано три пуда динамита; техники объявили такое количество вполне достаточным. Желябов, руководивший покушением после ареста Квятковского, лихорадочно настаивал на немедленном выполнении предприятия, Халтурин же говорил, что без большого числа человеческих жертв все равно не обойтись и что поэтому лучше прибавить еще динамиту, чтобы не рисковать всей произведенной им работой, которая может оказаться напрасной. Мнение Желябова восторжествовало.

5 февраля 1880 года обстоятельства сложились благоприятно. Халтурин поставил ящик с динамитом в угол капитальной стены, соединил трубку с приготовленной для этого зажигательной ниткой и имел еще достаточно времени, чтобы выбраться из дворца в безопасное место. Вскоре последовал беспримерный взрыв; огни во дворце потухли, на Адмиралтейской площади стало темно. Десять человек стражи было убито, 58 ранено. Но царь, благодаря счастливой случайности (запозданию ожидавшегося высокопоставленного гостя), пошел к столу позднее обыкновенного и таким образом избежал смерти. Халтурин скрылся с помощью Желябова, но он никогда не мог простить ему того, что называл его «ошибкой», т.-е. того, что он помешал ему прибавить динамита в ящик. После этого Халтурин продолжал принимать участие в покушениях. При убийстве Стрельникова это он ждал убийцу с лошадью и экипажем и бросился к нему на помощь, когда увидел, что толпа схватила его. Только после повешения Халтурина (22 марта 1882 г.) в нем узнали столяра Зимнего дворца. В своей прокламации Исп. Ком. выразил сожаление по поводу гибели несчастных солдат, но на ряду с этим он заявил, что будет продолжать борьбу до тех пор, пока общественные реформы не будут поручены учредительному собранию, свободно выбранному и снабженному от своих избирателей определенными инструкциями. Свою цель, убийство царя, неумолимый комитет решил неуклонно преследовать дальше. В сознании слабости существующей прави-

тельственной системы царь призвал к управлению графа Лорис-Меликова, снабдив его диктаторскими полномочиями. Однако либеральные намерения, которые тот обнаружил, не подкупили террористов. Они называли режим его тиранией, замаскированной внешним либерализмом. Его назначение вскоре послужило даже поводом к покушению Млодецкого (20 февраля). Впрочем это покушение исходило не от Исполнительного Комитета и даже вызвало его неодобрение.

Между тем организация террористической партии быстро подвигалась вперед [1]). В начале 1880 года Исполнительный Комитет разослал отдельным группам, примыкавшим к «Народной Воле», рукопись относительно «подготовительной деятельности партии». Воля народа, говорилось в рукописи, должна быть источником всех законов, а так как правительство вряд ли согласится уступить мирным образом, то нужно принудить его к этому путем восстания; для этой цели необходимо сорганизовать все силы. После того, как ответы групп на эту рукопись были получены, ее проредактировали еще раз и в окончательном виде снова разослали по группам для того, чтобы они, сохранив документ в своих архивах, пользовались ими как инструкцией. Впрочем, эти инструкции не были обязательными, так как обязательные нормы мог бы провозгласить только партийный конгресс, созвать который Исполнительному Комитету ни разу не удалось. Отдельные группы все же выработали на основании этой инструкции свои уставы.

Во главе всей организации стоит Исп. Ком. Он пополняет себя сам по свободному выбору из среды своих агентов или членов отдельных групп. Эта система самовыполнения является общим правилом. По всем уставам группы высшего порядка пополняют себя из групп низшего для того, чтобы таким образом лучше сохранить тайну. Члены Исп. Ком. являются агентами высшей степени и одновременно главными руководителями всех предприятий. Эта форма организации, как заявляет Грачевский в своих записках, найденных у него летом 1882 года [2]), имеет ту слабую сторону,

---

[1]) Относительно нижеописанного см. Календарь Нар. Воли 1883 г., стр. 120—134. также стр. 112. Самые важные данные редакция Календаря дала в своих примечаниях.

[2]) Сообщения авдоката Спасовича в его защитительной речи на процессе семнадцати в апреле 1883 года.

что в случае ареста членов Исп. Ком. вся их деятельность должна приостановиться, что и происходило несколько раз. Всегда проходит некоторое время, пока рассеянные и перепуганные остатки Комитета снова сорганизуются. На этом основании Грачевский предлагает отделить руководителей партии от активных членов ее, которые вовсе и не должны быть посвящены во все тайны. Во главе должен стоять вполне надежный человек не моложе 30 лет, так как более юный возраст не может гарантировать необходимой энергии и самообладания. Деятельность в различных районах Исп. Ком. предоставляет местным группам, а на себя берет, как это следовало уже из устава 1880 года, только то, что служит к сохранению единства организации и имеет отношение к вооруженной борьбе с правительством. В этой последней террористической деятельности местные группы находятся у Комитета в безусловном подчинении. Кроме того Исп. Ком. следит за точным проведением программы, заботится о партийной прессе, регулирует взаимные отношения групп и т. д. В остальном отдельные группы являются в своей области вполне самостоятельными. Комитет и группы обязаны поддерживать друг друга людьми и средствами. На обязанности Исп. Ком. лежит главным образом помощь группам в период их возникновения или после массовых арестов в их среде. За то с своей стороны Комитет в праве требовать от них регулярной поддержки; размер ее определяется уставами в форме определенного процента с их доходов и известной части активных сил группы.

Группы делятся на местные и на группы со специальными целями. Первые ограничивают свою деятельность географической или этнографической территорией и имеют свои собственные уставы, утвержденные Исп. Ком. В основных чертах эти уставы совершенно одинаковы и расходятся только в деталях, определяемых местными условиями. На обязанности местных групп лежит подготовка восстания, влияние на общественное мнение, на выборы в учредительное собрание, формулировка желаний крестьянства и т. д. Члены их должны были занимать различные должности в правительственных учреждениях и в войске. Среди крестьян они должны были привлекать наиболее способные головы, не задаваясь целью организовать всю массу, так как это последнее уже заранее признавалось вполне безнадежным. Далее им рекомендовалось завязывать сношения с либералами и конституционалистами, добы-

вать денежные средства; близко знакомиться с положением дел своей провинции для того, чтобы в день революции привлечь ее на сторону «Народной Воли». В 1880 году число таких местных групп доходило до 12.

Кроме этих существовали еще группы со специальными целями: для агитации среди войск, среди студентов, среди рабочих, для руководства типографиями и прессой, для фабрикации мин, бомб и т. д. Сношения со специальными группами велись через агентов Исп. Ком., на обязанности которых, как напр., Квятковского, Желябова, лежало руководство предприятиями. В виду громадного значения армии в случае восстания, пропаганде среди войск придавалось большое значение; но так как доступ к солдатам был очень труден, то главным образом имели в виду офицеров, которые, пользуясь своей популярностью, могли увлечь за собой и солдат, или же, как это и делали морские офицеры, могли оказывать большие услуги доставкой взрывчатых веществ и своими познаниями. Были организованы группы и для пропаганды среди учащейся молодежи. При каждой местной группе образовывались подгруппы из студентов и для студентов. В Петербурге создался даже (в 1880 г.) «Центральный студенческий союз», который принимал деятельное участие во всех студенческих движениях и выпускал прокламации. Услуги, которые молодежь в состоянии оказывать делу революции, были подробно указаны в одной гектографированной инструкции. Но больше всего значения придавалось организации городских рабочих, так как от их поведения и поведения солдат зависел успех восстания. Первая рабочая группа «Народной Воли» была основана в Петербурге уже в конце 1879 года; в продолжение следующего года она выросла вчетверо и насчитывала у себя несколько сотен членов. Значение рабочих для характера революции было впоследствии разобрано в «Программе Рабочей Партии Народной Воли», которая была составлена в Петербурге Центральным Союзом рабочих по соглашению с Исп. Ком. Центральный Союз в Петербурге сносился непосредственно с Исп. Ком. и имел несколько секций, разветвлявшихся в рабочей массе. Душой рабочего движения в Петербурге был Желябов, который вместе с Перовской привлекал тогдашних молодых студентов, как Гриневецкого, Рысакова и некоторых других, и с их помощью организовал рабочих. Он создавал секции для агитации среди рабочих, для убийства

шпионов, царя, для наблюдений за выездами последнего и т. д. Он основал также «Рабочую Газету», первый номер которой вышел 15 декабря 1880, а второй 27 января 1881 года. Популярно написанная передовица во втором номере доказывает, что у царя слишком много власти, и что он считается только с богатыми людьми. В другом очерке была представлена жизнь рабочих с ее нуждой и горем. Такие же рабочие союзы возникли, как секции местных групп, и в других городах, именно на юге. Две секции нашли даже возможность повести энергичную агитацию среди крестьян.

Наконец создались специальные боевые дружины, которые значительно отличались от других групп. Каждая такая дружина должна была по своему уставу представлять небольшой союз из десяти лиц, который непосредственно и безусловно подчинялся Исп. Ком. в направлении своей деятельности, но был вполне самостоятелен в выполнении возложенных на него поручений. Такой союз должен был состоять из лиц, вполне полагающихся друг на друга; поэтому он составлялся и организовывался вполне самостоятельно; Исп. Ком. оставлял только за собой право запретить прием неизвестных лиц в эти группы. Свои внутренние дела эти дружины решали по большинству голосов; в военное время они выбирали из своей среды гетмана, который пользовался диктаторской властью. Членами принимались только такие лица, которые были вполне готовы пожертвовать своею жизнью.

Такой вид имела организация, которая выработалась в течение 1880 года. Число членов всех групп доходило до 500. Кроме того, несколько тысяч людей сочувствовали идеям партии, не вступая в нее формально[1]). И вот наступила зима 1880—81 года. Движение оживилось, как никогда. Инициатива покушения 1 марта 1881 г. исходила от Исп. Ком., выполнение было предложено Рабочему союзу. За $1^1/_2$ недели до назначенного срока Желябов обратился к различным боевым дружинам, приглашая добровольцев. 47 человек предложило свои услуги; из них Желябов выбрал нескольких. На конспиративной квартире, которую содержали Саблин и Геся Гельфман, Кибальчич знакомил с употреблением бомб, за городом производились примерные пробы. В это

---

[1]) Календарь, стр. 113—Процесс 26-го марта 1880 года.

же время Богданович (Кобозев), сначала студент, а потом писарь на государственной службе, подготовлял из сырной лавочки взрыв на Малой Садовой улице. Кроме того, Желябовым и его товарищами была заложена мина под Каменный Мост. Таким образом, как и в ноябре 1879 года, должна была произойти тройная попытка. С утра 1 марта 1881 года шесть человек стояло на готове с бомбами. Софья Перовская платком подавала им сигналы. Первого взрыва, произведенного Рысаковым, царю удалось избежать. По неосторожности он вернулся назад. На этот раз совершенно правильно прицелился Гриневицкий, и оба, убийца и Александр II, пали жертвами.

После этого с одной стороны последовала масса прокламаций [1]), ставивших новому царю свои требования — полную и всеобщую амнистию всех политических, созвание учредительного собрания при полной свободе печати, слова, собраний и избирательных программ, с другой же стороны — резкий отказ в реформах в известном манифесте [2]) Игнатьева. Этот первый министр преследовал революционеров с беспощадной жестокостью, исход же возбужденному настроению он думал дать в травле евреев и немцев. Но, повидимому, ничто не могло заставить террористов отказаться от их цели — убийства царя. Было обнаружено, что к ожидавшейся в Москве коронации в мае 1882 и 1883 года были сделаны обширные приготовления, между тем как найденные вблизи царских дворцов смертоносные орудия показывают, что и они не ускользали от внимания террористов. В декабре 1881 г. было совершено покушение на товарища министра Черевина, впрочем не по постановлению Исп. Ком., а 18 марта 1882 года в Одессе был застрелен Желваковым военный прокурор Стрельников, вызвавший своими бесчеловечными и жестокими преследованиями гнев революционеров [3]). С какими планами носятся террористы теперь, и как велика их сила, я, конечно, не могу сказать.

Повидимому тайная полиция считает теперешнее положение дел менее опасным, так как в январе 1883 года царь снова

---

[1]) Мне известны 10 прокламаций и программ.

[2]) Хронику происшествий до лета 1882 года читатель найдет в «Russische Wandlungen», стр. 376 и далее.

[3]) Обстоятельный отчет об этом можно найти в № 3 «На Родине», стр. 51.

вернулся в Петербург, начал делать частые выезды и окончательно назначил коронацию на май. Но возможно, что настоящее спокойствие есть только затишье перед бурей [1]).

В общей сложности от 1872 до 1882 года было совершено 6 покушений на высокопоставленных чиновников: Трепова, Котляревского, Гейкинга †, Крапоткина †, Стрельникова † и Сибирского губернатора Ильяшевича (сентябрь 1882 г.), 4 покушения на шефов полиции: Мезенцова †, Дрентельна, Лориса-Меликова и Черевина и 4 покушения на царя Александра II. Кроме того, убито 9 шпионов и предателей, 2 ранено. 24 раза было оказано вооруженное сопротивление, именно: в 1875 году — 2 раза, в 1878 — 7 раз, в 1879 — 9 раз и от 1880 до 1882 г. — 2 раза. Казнены в общей сложности от 1878 до 1882 года 31 человек революционеров. В 1826 году—5 декабристов, от 1862 до 1866

[1]) Несколько важных революционеров, арестованных весною 1882 г., были представлены на суд Сената в Петербурге от 28 марта до 5 апреля 1883 года. Воспоминания об этом «процессе семнадцати» еще живы в памяти наших читателей (официальный отчет в Правительственном Вестнике от 8-го апреля 1883 г.). Начиная с февраля 1883 года, были произведены многочисленные важные аресты. Начались они на Кавказе среди офицеров Мингрельского полка. 5-го февраля в Петербурге один студент сделал в бане попытку к самоубийству. Свое намерение он объяснил следующим образом. По уговору он должен был убить царя при посещении им одного учебного заведения; на это у него не хватило мужества; и вот теперь он думал самоубийством избежать мести Исп. Ком. В тот же день застрелился управляющий вышеупомянутой бани. Раньше он был управляющим того дома на Малой Садовой, из которого Богданович прокладывал свою мину. Это происшествие повело к открытию конспиративной квартиры и к аресту нескольких лиц.—В эти же достопримечательные дни произошел загадочный пожар в подвале под парадными залами университета. Вскоре после этого тайная полиция представила двух террористов, схваченных в Вержболове. Они имели при себе компрометирующие предметы и шифрованные письма. Ключ к этим письмам был найден в Харькове у арестованной Филипповой. В письмах говорилось о покушении на царя во время коронации. Это повело к многочисленным арестам. Далее в Петербурге была открыта мастерская, в которой готовились шапки с бомбами внутри. Наконец полиция выследила конспиративную квартиру с восемью жильцами, которые оказали сопротивление; здесь было найдено 4 пуда динамита. В апреле прошел слух, что в Смоленске открыт военный заговор и арестовано много офицеров, которые оказали вооруженное сопротивление. «Общее дело», № 53.

9 человек, в 1878 году — 1, в 1879 — 16, в 1880 — 5, в 1881 — 5, в 1882 — 4. В последние годы при различных обстоятельствах (демонстрациях, попытках к побегу, вооруженных сопротивлениях) погибло 8 революционеров, и трое застрелились сами, чтобы не попасть в руки полиции [1].

VIII.

Партия черного передела.

Против направления «новаторов, конституционалистов, террористов», против отживших взглядов «якобинцев», — в «Черном Переделе», органе «сонных деревенщиков», велась оживленная полемика. Надо сознаться, что первый номер этой газеты вышел очень удачным: к партии в то время принадлежали Яков Стефанович, Плеханов (редактор), Аксельрод и еще несколько дельных выдающихся голов и талантливых писателей. Особенно характерно письмо от 8 декабря 1876 года к прежним товарищам. Параллельно тому, как одна партия выдвигала на первый план политику, террор и централизацию, — другая, в силу понятной реакции, подчеркивала социалистические стремления и федералистические принципы; но с течением времени противники сблизились не столько благодаря теоретическим соображениям, сколько благодаря действительному ходу событий.

Чистые политические революционеры,—возражали чернопередельцы, — всегда верили, что достаточно одной политической свободы для устройства идеального государства. Они исходили из отвлеченных понятий о правах человека и народов и игнорировали экономические отношения; они хотели сделать все для народа и ничего через народ. Якобинцы во имя человеческих прав и общественного спокойствия употребляли террор и насилие. В сущности система Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона I одинакова: централизация, авторитет и инициатива с одной сто-

---

[1]) Календарь «Народной Воли» за 1883 г., стр. 146 и след.

роны, покорность и безмолвие масс—с другой. Если партия «Народной Воли» усвоит эти принципы, она станет партией реакции и застоя и потеряет сочувствие масс. Это признано в Западной Европе с 1848 года. Вожаки рабочего движения на Западе оставили в стороне политические вопросы и требуют реорганизации экономических и социальных отношений, которая должна произойти с помощью самого народа.

Чернопередельцы относятся совсем не враждебно к политической свободе и конституции; стремление к ней они считают, наоборот, результатом прогрессивного развития; но на первом плане они ставят социально-экономические вопросы; без экономической революции всякая политическая деятельность является сизифовой работой; ведь, в конце концов, все политические, правовые и нравственные отношения определяются экономическими. Целью партии оставался уже много раз упомянутый нами анархический социализм. Аграрная революция представляет только минимум по отношению ко всему предстоящему перевороту, но она не может его подготовить. И здесь при этом нужно считаться с сложившимися взглядами масс. Нужно воспользоваться народным требованием увеличения земельных наделов, уменьшения податей, организации земельного кредита, расширения крестьянского самоуправления и защиты против административного произвола и, исходя из этих требований, постепенно развивать их далее. Но требования эти во всяком случае не могут стать целью, а должны служить лишь поводом для агитации, так как, осуществившись, такие паллиативные меры послужили бы лишь к укреплению существующего ненавистного строя. Чернопередельцы вообще отличаются от прежних народников тем именно, что для них народные идеалы сами по себе не представляют ничего священного и неприкосновенного, а приняты ими лишь постольку, поскольку могут служить, по крайней мере в экономическом отношении, переходной ступенью к социализму. Бунтари были просто «широкие русские натуры». Соприкасаясь с народом, они от чистого сердца делали его желания и упования своими собственными, не подвергая их критике с точки зрения социалистических теорий. Уяснить и распространить среди бунтарей социалистическое мировоззрение стало теперь задачей более образованных людей. Общинное владение само по себе не имеет

*

особенной цены в глазах чернопередельцев; они дорожат им лишь постольку, поскольку оно может облегчить переход к коммунистическому хозяйству. За крестьянами не должны быть забыты и фабричные рабочие, почвой для агитации среди них могут служить стачки и споры о заработной плате. Лозунгом должно стать: «крестьянам земля, рабочим фабрики». Сообразно с этим избрано и самое название газеты «Черный Передел». Название это заимствовано у крестьян, среди которых упорно носятся слухи о переделе всей земли, внушающие доверие, не поколебленные даже циркуляром министра Макова, изданным в 1879 году. Крестьяне говорили, что как перед упразднением крепостного права помещики и чиновники старались заглушить слухи о «воле», так и теперь они хотят рассеять слухи о «черном переделе» всей земли, в том числе и помещичьей, между крестьянами. Но чтобы революции придать экономический и социальный характер и этим путем гарантировать народу результаты борьбы, необходимо организовать самый народ. На кого же иначе рассчитывают опереться народовольцы в случае революции? На армию, как единственную организованную силу? Но это невозможно. На буржуазию и образованное общество? Но они не имеют самостоятельной силы и слишком тесно связаны с правительством. Они крайне неопытны и пугливы, к тому же они не представляют собой организованного класса с ясным сознанием собственных интересов и сил. Таким образом единственной опорой остаются интеллигентная молодежь и единичные личности разных сословий и общественного положения; они образуют главный контингент революционной партии. Но было бы чистым самообольщением думать, что можно ограничиться одними этими силами. «Пусть так! — восклицают террористы — но зато эта небольшая кучка страшна теми средствами, которые она практикует». — «Ну, ладно!—отвечают чернопередельцы, — допустим даже, что испуганное правительство дарует конституцию. Что же из этого выйдет? Буржуазия добьется законодательной защиты своих интересов, и рост ее будет ускорен покровительственной системой, внутренними займами и субсидиями железнодорожным и промышленным обществам. Вместе с тем она обрушится на общинное землевладение, служащее теперь препятствием к переходу крестьянских земель в частные руки. В этом отношении характерна докладная записка

московской биржи, поданная министру финансов Грейгу, в которой говорится, между прочим, что все финансовые мероприятия правительства должны быть предпринимаемы с ее ведома и соответственно ее интересам. Буржуазия и теперь уже имеет своих представителей в печати, которые формулируют ее требования; а труды различных комиссий и ученых обществ доказывают, что буржуазные тенденции уже сложились и готовы выступить на арену парламентской деятельности. Капиталисты, ростовщики, ученые, адвокаты, литераторы — вот кто извлечет пользу из конституции. На избирательную агитацию нечего рассчитывать: будут, конечно, споры, могут явиться даже волнения, но ничего положительного из этого не выйдет. Результаты будут те же, что и при теперешних городских и земских выборах. Города будут избирать богатых и сильных купцов, деревни — зажиточных и влиятельных крестьян и даже помещиков на том простом основании, что народ находится в экономической зависимости от них. Явятся подкуп, интриги и систематические запугивания; честные люди и заурядные крестьяне хотя и будут, может быть, избираемы, но вследствие постоянной фильтрации при выборах их останется весьма немного. Из-за такого народного представительства и такой конституции народ не будет проливать свою кровь».

Между тем в течение 1880 — 1881 годов социалистам становилось все яснее и яснее, что продолжать систематическую агитацию невозможно, так как недостает необходимого для этого условия — политической свободы. В виду увеличивающихся арестов и казней, разочарование росло все более и более. Совершилось успешное покушение 1 марта 1881 года, и руководство делами партии, вследствие арестов и бегства ее вождей, перешло в другие руки. Целый ряд обстоятельств привел к заключению, что политическая свобода и ограждение прав личности могут благотворно отразиться и на экономической жизни народа; взгляд этот нашел себе место в № 4 «Черного Передела» от 19 сентября 1881 года. При конституции преследования социалистов не были бы так жестоки, явилась бы возможность организовать партию и выставить своих кандидатов. Отношение парламента к требованиям социалистов послужило бы лучшим доказательством того мнения, что народ ничего не дождется от мирных реформ и что только революция может удовлетворить его требования. Партийные

собрания и выборы неизбежно вызовут брожение, которым агитаторы обязаны воспользоваться. Свою статью автор кончает словами: быть может, мои друзья назовут меня оппортунистом; но признавать в конституции долю пользы или считать ее конечной целью — это две различные вещи. Чтобы быть в состоянии гарантировать народу те экономические выгоды, которые он может извлечь из политического переворота, партия считает необходимым (№ 1 газеты) обратиться к народу, а не ограничиваться в своей агитационной деятельности одной интеллигентной молодежью. Народ надо организовать в мирное время и стать во главе его во время революции. Если будет невозможно охватить своей агитацией весь народ, то во всяком случае необходимо добиться хоть прочной организации меньшинства в народную партию борьбы, способную выступить в решительный момент и поддерживать движение в городах. Практика выработает организаторские таланты; последние найдутся в самом народе, и в этом случае деятельность агитаторов будет и более успешна и менее заметна для полиции. Скептики обыкновенно игнорируют эти хорошие стороны русского народа. При такой тайной агитации полиция не слишком страшна, и ведь не могла же эта полиция помешать успехам терроризма! Революция не за горами, необходимо как можно тщательнее подготовиться к ней. Перед наступлением переворота, в революционном народном движении можно различить три последовательные фазы. Сначала патологические явления развиты слабо, народ настроен мирно, в нем берет перевес желание разрешить все недоразумения мирным путем. Это период пассивных протестов, ходоков и петиций. Затем, по мере исчезновения веры в легальные пути, начинается период активных протестов, проявляющийся увеличением преступлений против собственности, всевозможными аграрными преступлениями и мелкими бунтами. В течение этого периода в народе ходит обыкновенно масса различных слухов. Наконец, когда все экономические, социальные и политические противоречия достигнут высшей интенсивности, тогда под влиянием какого-нибудь случайного удручающего события все небольшие изолированные течения почти мгновенно сливаются в один всесокрушающий поток революции, и наступает переворот. Россия переживает вторую фазу. Положение ее крестьян подобно положению крестьян во Франции в конце

XVIII столетия; требование минуты состоит в том, чтобы организовать народ, в противном случае политическая революция, как буря, пронесется над страною и не принесет народу никакой пользы в экономическом отношении.

Чернопередельцы не вполне отрицают пользу террора. Крупные террористические явления могут быть весьма целесообразными, как искры, воспламеняющие революционное движение. Неожиданный смелый удар вверху и ряд систематических нападений внизу разрушат старое экономическое и политическое здание, и на развалинах его появится новый строй. Позднее (в № 4) террор восхваляется за то, что он побуждает народ начать и с своей стороны активную борьбу. Идея царского авторитета будет уничтожена, и возрастет вера в собственные силы. Но так как прежде необходимо организовать в деревнях народную партию борьбы, то главные силы партии не должны итти на борьбу с центральным правительством [1]). Таким образом успехи терроризма не остались без влияния на направление противной партии. Последняя прониклась убеждением в пользе террора и пришла к мысли органически связать терроризм со своими целями. В 1881 году эта партия уже рекомендует систематический аграрный и фабричный террор, как средство борьбы [2]). В народе должны быть устроены особые отряды, с помощью которых энергичные и решительные защитники народа должны открыть партизанскую войну с его врагами. Отсюда не следует, что каждый фабрикант или помещик должен быть убит; народ в высшей степени гуманен и оправдывает убийство лишь в тех случаях, когда для него существуют достаточные основания. Конечно, нельзя с точностью определить, какова должна быть степень вины помещика, чтобы иметь право убить его; в этом случае не надо доверять своему личному мнению, так как оно часто бывает пристрастно, а необходимо прислушиваться к народной молве, прежде чем решиться на дело. Для каждого отдельного случая глас народа может служить критерием того, нужно ли убийство или более мягкое средство устрашения. Когда такого рода террор привлечет к себе

[1]) Напр., № 3, стр. 10. Статья о покушении 1 марта 1881 г.

[2]) «Черный Передел», № 4, Борисов, Аксельрод в «Вольном Слове», № 19.

симпатии народа, когда последний будет видеть, как враги его падают от руки таинственных исполнителей народных решений, — тогда пульс его забьется быстрее, и в нем пробудится самосознание и чувство собственного достоинства. К тому же, при подобной борьбе, личной инициативе открыто более широкое поле действий. Организованная борьба в Ирландии выставляется в качестве примера для подражания. Другие формы борьбы, как стачки и народные волнения, требуют от революционеров более выжидательной тактики, они не зависят от воли социально-революционной партии и могут возникать лишь при известных условиях. Хотя они и не лишены значения, все-таки в данное время главную роль должен играть аграрный и фабричный террор. Он уже практикуется народом, напр., в форме поджогов или еврейских погромов, но, будучи неорганизован, он приносит мало пользы.

После удачного покушения 1 марта 1881 года завершилось сближение партий в отношении как целей, так и средств. Действительно, прямые программные противоречия уже исчезли, вся разница сводится теперь лишь к тому, что одна партия оттеняет более одну сторону программы, другая — другую. Чернопередельцы не отвергают более политической свободы и конституции, но они настаивают на том, что только народные, крестьянские организации могут обеспечить народу экономические выгоды от революции, в этих видах они выпустили в течение 1881 года 6 номеров рабочей газеты «Зерно». Народовольцы в свою очередь потеряли свое прежнее доверие к либералам и покинули надежды на них: они поняли, что на либералов рассчитывать нечего, и обратились опять к народу, главным образом к городскому пролетариату, так как они сами жили и действовали в городах. Я уже говорил, что Желябов и другие террористы занимались организацией рабочих кружков и издавали «Рабочую Газету» (вышло 6 номеров). Далее обе партии намеревались практиковать террор, но одна — с целью завоевания политической свободы, другая — чтобы привлечь на свою сторону народ, поднять в нем веру в его силы и затем создать в нем боевые дружины. Третий пункт разногласий касается формы организации. Большинству прежних федералистов, не забывших еще мистификации Нечаева, не могло нравиться подчинение всесильному комитету, намерения которого держались от них в тайне. Чернопередельцам децентрализация была нужна

еще потому, что при организаторской деятельности в деревнях успех дела находится в сильнейшей зависимости от личности агитатора. С этим организационным требованием тесно связаны все их федералистические тенденции. Газета их называет себя органом социалистов-федералистов и объявляет, что нормальное развитие может быть гарантировано лишь полным отсутствием принуждения, каждая местность требует самостоятельного развития, так как население каждой имеет свои особенности; трудно предсказать, в какой мере возможно сразу осуществить федералистический принцип.

Тем не менее один из выдающихся организаторов этой партии, Яков Стефанович, еще в 1880 г. [1]) требовал более строгой централизации в агитационном деле, смотря по месту и времени степень ее может изменяться; он не стремится к таинственному комитету и не одобряет тактику Нечаева, но считает необходимым создание центра, опирающегося на признание его всеми активными членами партии. Стефанович жалуется на непривычку к партийной дисциплине и антипатию к ней, в особенности же на безграничный разброд мыслей, сказывающийся в планах кружков народников. Ни один кружок не концентрирует своих сил на какой-нибудь практической деятельности, как террористическая партия, которая все свои силы устремила на одну цель — цареубийство; напротив, каждый строит массу разнообразных и сложных планов. Так, южные народники ставят себе следующие задачи: 1) экономический террор, 2) политический террор, 3) тайная агитация, 4) пропаганда среди выдающихся личностей всех общественных слоев, 5) связь с родственными кружками, 6) установление связей с войском и администрацией. Настолько же разнообразен перечень целей и средств народнической организации, опубликовавшей свою программу в «Вольном Слове» от 3 ноября 1881 г. [2]). Естествен-

---

[1]) «Злоба дня», стр. 8.

[2]) Из сообщения «Черного Передела» (№ 1), от 15 декабря 1879 года, видно, как незначительны эти децентрализованные кружки. В то время в Киеве существовали 3 кружка, тесно связанные друг с другом, и насчитывавшие всего 36 человек, часть которых отправлялась к тому же в соседние промышленные центры для пропаганды и организации. В другом месте образовалась группа из 5 членов, принявшая их программу. Они жаловались только на скудость денежных средств: в кассе имелось лишь 20—30 рублей.

ным следствием такой дезорганизации партии является то, что ее программа выражает только ее благочестивые пожелания (pia desideria), а никак не определенные цели, достижения которых добиваются сколько-нибудь настойчиво. А в результате оказывается, говорит Стефанович, что русская революционная партия, несмотря на свой ослепительный блеск, остается по своей стойкости и глубине своих корней в народной среде позади всех социально-революционных партий Европы. Ее соединяет с народом лишь чисто платоническая связь. Вся ее пропаганда и агитация, если и сделали что-нибудь, то только в городах, в деревнях же — ровно ничего.

Если даже Яков Стефанович, самый выдающийся организатор народнической партии, судит о ней слишком пессимистически, то в существенном он все-таки прав. Народовольцы на практике больше сделали для своих целей, чем их противники. О деятельности чернопередельцев, собственно говоря, ничего неизвестно. 28 января 1880 года была арестована их тайная типография. Работавший в этой типографии Жарков был арестован в Москве и, испугавшись угроз, выдал своих товарищей. По освобождении он был убит на льду Невки. Вследствие его предательства были арестованы многие из опытных руководителей, и вместо них выступили люди менее значительные, которые никогда не стояли близко к революционному делу. Этим объясняется, что в позднейших номерах «Черного Передела», в особенности в № 4 от 19 сентября 1881 года, гораздо больше уступок народовольческим принципам, чем в предыдущих. Вообще партия народовольцев, благодаря своему главному успеху 1 марта 1881 г., привлекла к себе все энергические революционные силы. Люди, как, напр., Перовская, стремившиеся достичь чего-нибудь положительного, находили здесь поприще для своей деятельности, между тем как у чернопередельцев труды их оставались бесследными. Преследования правительства сблизили эти направления, и более сильная организация народовольцев поглотила разнообразные группы «Черного Передела»; последние чувствовали себя разъединенными и слабыми; они переживают повидимому процесс разложения и едва ли имеют будущее. Так, в 1881 — 1882 годах к партии «Народной Воли» примкнули влиятельнейшие члены «Черного Передела», как напр., Стефанович, вернувшийся в сентябре 1881 года и вновь

арестованный в феврале 82 года, а также и многие пропагандисты, которые хотя и держались до этого времени особняком, но тяготились системой выжидания. Только последовательные приверженцы анархизма не подпали под власть Исполнительного Комитета [1]).

В тех случаях и спорадических народных волнениях, в которых чернопередельцы видели признак, характеризующий вторую подготовительную стадию революции, в эти смутные годы (1880 — 1881) не было недостатка. Но все эти волнения носили чисто местный характер, имели свои весьма конкретные причины и не могли быть использованы в социалистическом смысле. В одном случае крестьяне бунтовали из-за выгонов, отнятых помещиком, в другом — из-за нового размежевания земли, а бунт «босой команды» в Ростове на Дону [2]) 2 апреля 1880 года произошел из-за грубого обращения городового с каким-то пьяным, которого он схватил и поволок за волосы в полицию. Уличная толпа бросилась на полицейского, избила его, разнесла полицию и квартиру полицеймейстера и направилась уже к тюрьме. Но по дороге один предусмотрительный еврей, опасаясь за свой винокуренный завод, выкатил ей под ноги бочку водки. Толпа остановилась, бросилась на вино и так перепилась, что уже не была в состоянии продолжать своих геройских подвигов. Напрасно некоторые социалисты надрывали горло криками в честь свободы — волнение осталось простым буйством без всякого политического характера. Впрочем, нельзя не признать, что вследствие частых повторений подобных вспышек против правительства оппозиционный дух народа растет и крепнет. Что же касается до циркулирующих в народе слухов, то некоторые, действительно, обязаны своим происхождением агитации, другие выросли из народных желаний и получили в брошюрах печатное подтверждение. Для тех, кто интересуется умственною жизнью деревни, где в долгие зимние вечера, собравшись за работой или в праздничные дни в кабаках, люди любят пространно философствовать о своем настоящем

---

[1]) Аксельрод в своей статье «Развитие социально-революционного движения», говоря о северном обществе «Земля и Воля» (так называли себя остатки «Черного Передела»), придает слишком много значения ничтожной деятельности своей партии. Ср. Лавров в «Календаре», стр. 115.

[2]) «Черный Передел», № 1, стр. 24.

и будущем и с наивностью детей природы верят всяким слухам, в особенности печатным, раз они подтверждают их надежды и желания, — для таких читателей будет небезынтересно содержание нескольких корреспонденций в революционных газетах. Самым распространенным, упорно держащимся почти по всей России слухом является в Великороссии слух о «черном переделе», в Малороссии — о «слушном часе», по которому вся земля, в том числе и помещичья, будет поделена между крестьянами, а подати будут уменьшены. Таковы бессознательные социалистические пожелания земледельческого народа, часто же слухи принимают характер легенды [1]). Легенда говорит, что царь разъезжает по деревням и приказывает делить землю, его где-то видели и узнали. В Сибири, между прочим, рассказывают такую историю: однажды царь надел мундир и ордена императора Павла и явился в Сенат-де. — «Господа сенаторы и синодоры! имею я право носить эти ордена?» — спрашивает он. «Нет, Ваше Величество», — отвечают они, — «Вы не можете носить их, Вы их не заслужили!» Тот же ответ получается и тогда, когда он надевал ордена Николая I и Александра I. Тогда он надел только свои ордена, которых было очень мало. — «Имею я право носить эти ордена?» — «На это Вы имеете право, Ваше Величество, Вы заслужили их!» — «Теперь скажите мне, господа сенаторы, откуда получили Вы свою землю?» — спросил их император. Из ответов оказалось, что один получил ее в наследство от дедушки, другой — в приданое за женой и т. д. — «Имеете Вы право владеть всей этой землей?» — спросил царь. Сенаторы и синодоры пришли в замешательство и подписали бумагу, по которой земля должна быть разделена, причем и царь, и помещики, и каждый крестьянин — все получают по семи десятин. В каждом межевании земли, в каждом статистическом исследовании крестьяне видят приближение «черного передела» и подтверждение своих желаний. В Воронежской губернии полагают, что земля будет разделена на равные части и роздана крестьянам и помещикам по 8 десятин на душу. Неизвестно только, отдадут ли землю в общинное пользование, или каждый в отдельности будет выкупать свой участок. Опасаются также и за размер выкупных пла-

---

[1]) «Вольное Слово», № 51.

тежей. Самым умеренным был слух, что крестьянам возвратят только так называемые «отрезки», т.-е. земли, находившиеся в их пользовании до отмены крепостного права, но затем присвоенные помещиками. Вообще большинство крестьян верит в добрую волю царя, но меньшинство думает, что он не станет из-за них ссориться с господами и генералами. Малороссы держались того мнения, что царя убили дворяне; великороссы более скептичны, и когда из городов доходят до них слухи, что это сделали социалисты, они прибавляют: «может быть это за нас». В Боровском уезде думают, что это сделали студенты, а они — друзья крестьян. В других местах держатся слухи, что крестьяне не должны более наниматься к помещикам или, по крайней мере, не должны брать менее 40 руб. за обработку десятины (в настоящее время платят 8 руб.) [1]). Хотя революционеры подтверждали и распространяли слухи о переделе земли, но не они их выдумали. Они являлись результатом всего экономического мировоззрения крестьян. По мнению последних, земля создана богом и принадлежит народу, царь же, как естественный представитель народных интересов, имеет право и даже обязан следить за тем, чтобы каждый мог пользоваться «божьей землей». Как в былые годы после ревизии земля делилась поровну между членами каждой общины, так теперь можно поделить землю между различными общинами и сословиями. Многие помещики заслужили свои поместья в качестве генералов, например, так же, как они заслужили у царя и свои ордена; но сыновья их могут быть совершенными бездельниками и не имеют права владеть землей так же, как и новый император не мог носить орденов императора Павла, потому что не заслужил их [2]).

Прокламация Исполнительного Комитета, попадая в какую-нибудь местность, возбуждала обыкновенно оживленные толки [3]). В Саратовской губернии крестьяне смешали Исполнительный Комитет с правительственной комиссией, разрабатывавшей вопрос об уменьшении выкупных платежей, и составляли прошения на имя Комитета. Губернатор обнадежил их относительно будущих облегчений. Другие прокламации попадали в руки полиции,

---

[1]) «Народная Воля», № 6, стр. 12.

[2]) «Вольное Слово», № 51.

[3]) «Народная Воля», № 6, стр. 11.

и последняя, если крестьяне настаивали на прочтении бумаги, прочитывала вслух прокламацию, импровизируя ее содержание. В казармах бывало то же самое, но каждый раз среди солдат находились такие, которые знали настоящее содержание прокламации, почему все они окончательно убеждались в том, что чиновникам нельзя доверять ни в каком случае. В одной из местностей Малороссии бедная вдова крестьянка получила из Петербурга «Золотую грамоту». Она снесла ее на базар и дала для прочтения какому-то грамотею. В грамоте было напечатано, что крестьяне не могут рассчитывать на чью-либо помощь, а должны прямо захватить землю, как это сделали господа, забравши у них лучшие участки. Содержание этой прокламации стало известным в трех волостях. Одни думали, что она идет от царя, другие говорили, что от социалистов (это название вошло в употребление со времени еврейских беспорядков). Некоторые считали социалистов за послов самого царя: они ходят по дворам, спрашивают о количестве земли и скота и записывают в книжки. Эти сведения нужны для передела. Другие боялись социалистов, как цареубийц, которые перебьют также и всех крестьян. Словом, целый хаос слухов! Корреспондент «Черного Передела [№ 4] благоразумно предостерегает нас однако от предположения, что вера в царя заменилась среди крестьян верой в социалистов. Правда, крестьяне слышат о социалистах, как о значительной силе, но еще не знают, враги они или друзья. Дело не ограничилось однако местными беспорядками и фантастическими слухами — террор фактически перенесен в народную жизнь. Юг опять шел впереди: там начались и главным образом происходили еврейские погромы (1880—1882 г.), тогда как белоруссы и литовцы, менее склонные к насилию, практикуют обыкновенно террор лишь в виде поджогов. Еврейские погромы вызываются целым рядом обстоятельств, подробно рассматривать которые мы здесь не можем. Для этих взрывов раздражения у народа имелась целая масса переплетающихся между собою мотивов религиозных, национальных и социально-экономических — последние однакож преобладали. Не то, чтобы евреи были в глазах народа его единственными эксплоататорами, но в своей ненависти к эксплоататорам он соблюдает известную традицию. Более всего ненавидят крестьяне ростовщиков-евреев, чуждых им по религии и по обычаям; затем следуют хищники

православные, но из другого общественного класса: помещики и купцы, всего же менее ненависти внушает крестьянину близко знакомый ему кулак-односельчанин [1]). С евреем же, наоборот, крестьянина не связывает ничего, кроме денежных сделок, при заключении которых он почти всегда остается в накладе. Тем не менее проявление этих чувств к евреям никогда не приняло бы таких широких размеров, если бы правительство не смотрело сквозь пальцы на погромы, приписывая им значение предохранительного клапана против народного возбуждения. За это предположение убедительнее всего говорит то обстоятельство, что с переменой министра внутренних дел еврейские погромы прекратились. К этому присоединяется немаловажный, хотя и не вполне выясненный факт участия революционеров в еврейских беспорядках. В некоторых местах народная молва указывала на социалистов, как на главных зачинщиков, и в самом деле Исполнительный Комитет 30 августа 1881 года издал очень резкую прокламацию против евреев, которой придал в заключение такой оборот, что главой всех эксплоататоров оказывался царь [2]). Эта прокламация была составлена немногими членами Исполнительного Комитета в Москве, но не была одобрена ни остальными членами, ни всей партией и потому изъята из обращения. Но одна корреспонденция «Народной Воли» от 23 октября 1881 года настаивает на том, что Исп. Ком. и революционеры не имеют права

---

[1]) «Черный Передел», № 4, стр. 7.

[2]) Эта редкая теперь прокламация была приблизительно такого содержания: Народ влачит жалкое существование, не имея крова; у жидов прекрасные дома. Не всегда так было. Украинцы были вольными казаками и подчинялись только своему гетману. Но вот пришел русский царь, разделил земли между панами, а крестьян заставил платить себе подати. Нет у крестьянина денег для уплаты податей, он занимает у жида и разоряется в конец, так как жида поддерживают паны и чиновники. Но существует Исполнительный Комитет, который решил, что вся земля и все фабрики должны быть отняты от панов и переданы крестьянам и рабочим, а все чиновники должны быть изгнаны и заменены свободно избранными депутатами. Царь не хотел этого и потому был приговорен и казнен 1 марта. Новому царю было поставлено требование, чтобы он не угнетал больше народ. Если он не послушается, то почувствует силу Исполнительного Комитета. Тогда народ вместе с Комитетом пойдет против жидов, панов и царя. Помогите нам! Поднимайтесь, рабочие! Мстите панам! Грабьте жидов и убивайте чиновников!

относиться отрицательно или хотя бы только индиферентно к этому чисто народному движению. Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст и Демулен не отказывались руководить народом из-за того только, что, раздраженный постоянным угнетением, он доходил до крайностей. То, что делали якобинцы, должен делать и Исполнительный Комитет.

На ряду с антиеврейским движением, на юге России существуют еще два других: одно революционное—штундизм,—вначале протестантская секта, развивается впоследствии, отчасти под влиянием социалистических агитаторов (Ковальского, Дробязгина и др.), в новую штунду с рационалистическим характером, и другое — аграрно-политическое движение так называемых чиншевиков. Чиншевиками называются мелкие наследственные арендаторы помещичьих земель. В бывших польских провинциях их насчитывают сотни тысяч. В последнее время они стремятся заменить наследственные арендные отношения к земле правом неограниченной собственности в силу давности владения и наследования, между тем как помещики хотят прогнать их с этих участков. Обыкновенно чиншевики проигрывают свои земельные процессы в силу закона, по которому договоры об аренде не могут заключаться на срок более 12 лет. Вследствие этого образовался целый класс безземельных и озлобленных пролетариев, весьма склонных ко всяким беспорядкам. По новому закону чиншевики принуждены de facto покупать свои наделы, для чего правительство выдает им в ссуду до 85% покупной цены.

IX.

Биографии и внутренняя организация.

История революционного движения в России будет не полна, если мы не ответим по возможности на вопросы: какими личностями и денежными средствами располагает оно и какова его внутренняя организация? Эти вопросы касаются сокровеннейших тайн революционной жизни, и непосвященный может получать о них сведения только из печатных источников. Но и последние, по весьма понятной причине, дают очень немного. Ведь нельзя

и требовать, чтобы партия делала сообщения о своих активных, еще не открытых, или даже давно арестованных и осужденных, вожаках. Этим она могла бы сильно повредить им. Даже о Чернышевском, хотя он, вследствие двадцатилетнего заключения, уже давно умер для дела, мы не имеем никаких биографических данных, кроме неудовлетворительного очерка его жизни, составленного Елпидиным [1]). В последнее время П. Лавров и В. Засулич издали на основании материалов, сообщенных членами партии «Народная Воля», вполне удовлетворительные биографии казненных цареубийц: Желябова, Перовской, Кибальчича, а также Гриневицкого, Соловьева и Александра Михайлова. Эти биографии довольно поучительны. Я изложу важнейшие из них [2]).

Андрей Желябов по своему организаторскому таланту и энергии стоит выше большинства своих товарищей. Он родился около 1850 г. в Крыму; его родители и родственники были крепостными дворовыми; с детских лет у него сохранилось воспоминание о том, как высекли его дядю и обесчестили его тетку. Его дед, почтенный сектант, выучил его церковно-славянской грамоте и заставил вызубрить весь псалтирь. Помещик скоро заметил мальчика, сам обучил его русской азбуке и отдал в Керченскую гимназию, где он и окончил курс. Он считался хорошим товарищем и прилежным учеником, но был ужасный шалун и, благодаря своему

---

[1]) Чернышевский во время тюремного заключения (1862—64 г.) по просьбе своих друзей написал начало романа, которое напечатал «Вперед» в 1878 году. В этом «Прологе пролога» автор дает в форме эскизов портреты деятелей уничтожения крепостного права: Ростовцева, Муравьева, Валуева, Сераковского, Кавелина, свой собственный, своей жены и многих других. Как роман, эти эскизы не представляют ничего ценного, но они интересны, как мемуары. Самого себя Чернышевский изображает рассеянным, скучным человеком, работающим по целым ночам, мужем своей жены, выдвинутой в романе на первый план. Менее интересна уже упомянутая нами автобиография Худякова (Женева, 1882 г.), умершего в ссылке в 1876 г. В настоящее время готовится биография Бакунина.

[2]) Ср. прения в процессе упомянутых лиц и особенно речь прокурора. Биографии Желябова, Перовской, Кибальчича вышли отдельно, остальных— помещены в 1—3 №№ «На родине». Многочисленные биографические заметки дает «La Rossia Sotterannea», стр. 44—140. Далее, в «Календаре Народной Воли» 1883 г. есть биография Перовской и Гельфман и сообщения о Халтурине и Грачевском.

поведению, получил только серебряную медаль, тогда как по своему прилежанию и способностям вполне заслужил золотую.

В Одесском университете, куда он поступил в 1868 году, в первой же демонстрации против одного профессора он оказался вожаком и был за это исключен. Такая же участь его постигла во второй раз, когда он был на третьем курсе юридического факультета. Жил Желябов сначала стипендией, когда же лишился ее — частными уроками, и очень часто терпел нужду, хотя зато иногда зарабатывал до 150 р. в месяц. Первое время он увлекался студенческими делами: кассами, кухмистерской, библиотеками, товарищеским судом и пр. Но эта деятельность не могла его удовлетворить. Когда затем, в связи с Нечаевским заговором, в Одессе организовались тайные кружки, Желябов предался им всей душой; студент-крестьянин был окружен в тогдашних кружках полумистическим ореолом и приобрел симпатии своих товарищей. Вскоре он познакомился с ветеранами революции и попал в их политическую школу. В 1872—1873 г. он состоял в кружке, тесно связанном с петербургскими Чайковцами. Как и все его товарищи, Желябов сделался пропагандистом, жил в сырых и грязных квартирах, объяснял рабочим содержание брошюр, организовал небольшие рабочие кружки с кассами и библиотеками; отправлялся он также в деревню и продавал огурцы на базаре. Деятельность его была не безрезультатна: он приобрел нескольких единомышленников. Но мог ли Желябов удовлетвориться этим? Он был нетерпеливой, страстной натурой; во все, что он делал, даже в танцы и пение, он вкладывал всю свою душу; способный на жертвы и услужливый, он был очень чувствителен к обидам и насмешкам, и пускал тогда в ход едкие выражения, ядовитые сарказмы и угрожающие жесты. Усидчивая, хотя бы и полезная, работа не соответствовала его характеру; она наводила на него скуку, и он терял терпение. Натиск, борьба и опасности — вот его стихия. Нужно ли было провезти опасный транспорт, за которым уже следила полиция, или проводить товарища, бегущего за границу, — за это брался Желябов, веривший в свою счастливую звезду. Он родился вождем и не мог быть рядовым солдатом. И хотя Желябов был достаточно, а по уверению некоторых даже чрезмерно, честолюбив и самолюбив, но не одни эти свойства заставляли его искать господства: оно вытекало из всего его

характера и его темперамента. Поэтому направление террористической партии, в рядах которой он умер, по громкой и нервной своей деятельности вполне отвечало его натуре.

После вторичного исключения из университета Желябов жил то в родной деревне, то в Одессе. Около этого времени он женился, и скоро у него родился сын. Своих отношений к деревне он не прерывал вплоть до 1879 года, когда окончательно скомпрометировал себя. Одно время он даже два года сплошь жил дома, вел собственное хозяйство и сделался здоровым крестьянином, с которым редко кто мог померяться силою, и притом отличным работником и хорошим хозяином. Семейные отношения, по его собственным словам, были хороши; жена помогала ему добывать средства — она была акушерка. Однако, Желябов не был способен отдаться ей всей душой. Подобно крестьянам, он видел в жене не возлюбленную, а лишь мать семейства и помощницу в хозяйстве. В браке на первом плане у него стояла не любовь, к которой он относился довольно иронически, а обязанность к семье. Эту обязанность он исполнял тогда добросовестно и не раньше бросился в террористическое движение, как приведя в полный порядок свои домашние дела.

В 1877 г., он, как обвиняемый по процессу 193, был увезен в Петербург. Здесь, после семимесячного заключения, был оправдан и освобожден. С этого времени он принимал более активное участие в движении, приобретал все большую известность на юге и завязал сношения с севером.

Желябов никогда не разделял односторонности пропагандистов и не ограничивался одной агитацией в крестьянстве. Он постоянно обращался также и к «обществу», и его деятельность носила всегда политический характер. В этом он не сходился с большинством тогдашней партии. Он всегда признавал, что освобождение было большим благом для крестьянина и несомненно подняло его нравственный уровень, хотя и не улучшило его экономического положения. Тем не менее ему был ненавистен принцип царизма, эта неограниченная, неконтролируемая власть одного лица над целым народом. Патриархального царя он не понимал и не верил в него. В уничтожении крепостного права Желябов видел не великодушие царя, а расчет. «Для правительства», говорил он, «было выгодно поднять свои доходы, эксплоатируя самому крестьян и при этом

потрясти сравнительно сильное дворянское сословие». Еще пятнадцатилетним мальчиком он радовался выстрелу Каракозова. Понятно, поэтому, что Желябов в 1877 году по первому же призыву бросился в объятия террора. Об его выдающейся роли на съездах в Липецке и Воронеже я уже говорил. Вскоре после съездов он отправился в качестве вербовщика в южно-русские университетские города и произносил здесь речи, которые, кажется, производили сильное впечатление на слушателей. Речи Желябов произносил с профессорскими приемами. Говорил правильно и округленными фразами; в частной беседе это производит неблагоприятное впечатление, но очень выгодно перед большой аудиторией. В момент воодушевления его голос был чист и звучен, а грудь неутомима. Мысли он развивал строго логически: возражал быстро и иногда язвительно. Нападения возбуждали его мысль, высекали искры. Но особенно хороши были его патетические речи, когда он с жаром говорил об обязанностях пред отечеством и о мщении тиранам. Тогда он быстро воодушевлял свою легковоспламеняемую аудиторию. Ему редко представлялся случай говорить, но каждый раз его сопровождал громадный успех. Между тем организовалась террористическая партия, и уже осенью 1879 года Желябов является агентом Исполнительного Комитета и закладывает мину под Александровском. После трех неудачных покушений 18 — 19 ноября 1879 г. он отправился в Петербург, где ему предстояло не мало работы. Многие товарищи были арестованы; предательство Гольденберга изменило многие планы, людей приходилось перемещать. Желябов заведывал динамитными мастерскими, но его главная сфера деятельности была другая. Как террориста — превосходить его могли многие, как организатора — почти никто.

Он умел обращаться с людьми и предъявлял к ним требования, сообразуясь с их силами. Хотя он не чужд был самолюбия и хорошо знал себе цену, но личность его была так сильна, что масса молодежи беззаветно отдавалась ему. Свои организаторские таланты Желябов проявлял как среди общества, так и в среде рабочих, для которых он издавал рабочую газету. «Я рожден демагогом», — говорил он, — «мое место на улице среди рабочей толпы». Лихорадочная деятельность настолько истощила его нервную впечатлительную натуру, что он, сильный по природе,

в последнее время был подвержен обморокам и бессоннице. Желябов был статный, красивый мужчина, с энергичными чертами лица и роскошной окладистой бородой. В пользу его наружности говорит то, что он нравился женщинам и имел не мало приключений. Последние годы он был в близких отношениях с Перовской. Она соответствовала ему во всех отношениях, и он высоко ценил ее ум, ее характер и видел в ней лучшего товарища. О семейном счастье не могло быть и речи при постоянной тревоге и массе занятий. Желябов любил литературу. Возвратившись однажды домой поздно ночью со сходки вблизи Петербурга, он так углубился в чтение «Тараса Бульбы», что за этим занятием его застал поздно утром один из приятелей, который долго не мог добиться от него ничего, кроме рассказов о смелом казацком предводителе. Он был также большой поклонник природы, Невы и широкаго моря. Он любил музыку и общество товарищей. Но минут беззаботного общения было однако немного. Последний веселый вечер провел он под новый 1881 год на вечеринке, устроенной будущими цареубийцами. Анекдоты и танцы разнообразили праздник. Когда тот или другой товарищ высказывал мрачный взгляд на будущее, Желябов выражал веру в это будущее: «и после нас найдутся люди», утверждал он. На суде прокурор характеризовал Желябова следующими словами: «Желябов был необыкновенно типичный конспиратор во всем — в жестах, мимике, движениях, словах, притом не без театрального эффекта; до последних минут драпировался он в свою конспираторскую тогу. Ему нельзя отказать в уме, даровитости и ловкости».

Рядом с Желябовым стоит Софья Перовская, вышедшая из совершенно иной среды — высшей аристократии. Это была сдержанная, замкнутая в себе личность, которая охотно помогала другим, но для себя не требовала никакой помощи, личность, жизнь которой была так печальна, что она очень неохотно рассказывала о ней. Поэтому ее внутренний мир остался загадкой даже для людей, близко стоявших к ней; мало известна даже внешняя сторона ее жизни. Родилась она в Петербурге в 1854 году. Мать ее, умная и добрая женщина, нежно любила свою дочь и была любима ею. Отец, наоборот, представлял собою тип мелочного, эгоистичного чиновника, которого дочь ненавидела. Он был губернатором сначала в Пскове, потом в Петербурге, отличался расточитель-

ностью, наделал благодаря этому массу долгов, и когда после покушения Каракозова потерял место, то оказалось, что он почти совершенно разорен. Мать, обремененная своими светскими обязанностями, не могла уделять достаточно времени воспитанию дочери. Перовская была веселым, резвым ребенком, любила пошалить и не слушалась никого, кроме матери. Восьми лет она быстро выучилась читать, затем брала частные уроки, но не получала никакого религиозного воспитания, а к 14-ти годам прекратились вообще всякие занятия. В Крыму, в наследственном имении матери, куда в это время переехала семья, подрастающая девочка могла рассчитывать лишь на немногие серьезные сочинения домашней библиотеки. Когда пришлось продать и это имение в 1869 году, мать с дочерью возвратились в Петербург. Здесь Перовская поступила на женские курсы при одной гимназии и познакомилась там с Вильберг, Корниловой и Софьей Лешерн, которые впоследствии все посвятили себя революционной деятельности. Когда родители снова поселились вместе, отец запретил дочери принимать у себя этих приятельниц. Она не могла перенести этого, и в 1870 г. оставила родительский дом, вступила в кружок Чайковцев, а позже пошла в народ. После некоторой подготовки она сделалась народной учительницей. В 1872 г. мы находим ее на Каме (по сю сторону Урала), где она в качестве оспопрививательницы ходит из деревни в деревню и переносит всякие лишения. То была эпоха, когда жили по рецепту Рахметова в романе Чернышевского «Что делать». Пища Перовской состояла только из молока и каши; она спала на подушке, набитой соломой, и при всем том не теряла здоровья. Оттуда она перешла в Эдимоново, Тверской губернии, в одну из Верещагинских сыроварен, где была помощницей народного учителя. Таким образом вместе с русской молодежью она прошла все фазисы развития революционного движения. В ноябре 1873 года она была арестована и освобождена на поруки за 5.000 рублей. После этого она решила обучиться фельдшерству и сначала поступила для учения к одному врачу в Тверской губ., а затем прошла курс фельдшерской школы в Симферополе, где получила и диплом. В процессе 193 она была оправдана, но выслана административным порядком в Олонецкую губернию (1878 г.) под конвоем двух жандармов. На станции Чудово они остановились ночевать. Перовская вышла из дамской ком-

наты, перешагнула через спавших у порога жандармов, скрылась в ближайшем лесу, где втечение 6 часов выждала, пока улеглись розыски, а затем спокойно поехала в Петербург. Здесь она примкнула к обществу «Земля и Воля» и, переехав в Харьков, занялась освобождением заключенных и облегчением их тяжелого положения. Но первая задача не удалась. На Воронежском съезде она была в числе тех, которые старались во что бы то ни стало предотвратить распадение партии. Из мести за казненных товарищей она стояла за цареубийство, но была против прекращения агитационной деятельности в народе, считая ее необходимой для выяснения народу целей и значения цареубийства. Пока партия «Черного Передела» не вела серьезной работы в народе, Перовская решила помогать террористам; поэтому она формально не вступила ни в одну из партий, но помогала обеим. Так мы находим ее в ноябре 1879 г. в Москве, в доме Сухорукова, в роли квартирной хозяйки Гартмана и др. Она держала себя очень ловко и оставалась в доме до самого взрыва и вмешалась затем в сбежавшуюся на взрыв испуганную толпу. Когда затем она отправилась в Петербург, и ей пришлось сидеть в одном вагоне со своим соседом по дому Сухорукова, то последний не узнал ее. В Петербурге она заявила готовность пристать к партии «Черного Передела», если та рассчитывает в скором времени вызвать в народе крупное движение. Ей сообщили, что рассчитывать на это очень трудно. «В таком случае»,—сказала Перовская,—«мне не остается ничего иного, как примкнуть к «Народной Воле». Здесь она явилась решительной централисткой и защищала необходимость дисциплины. Неутомимо она работала среди студенческой молодежи и рабочих, так как без содействия рабочих и войска не считала революцию возможной. Ее недостатком, в котором она никогда не признавалась, было то, что она нисколько не берегла себя, но ее ловкость побеждала все затруднения, бывшие результатом ее поведения. Последний год ее жизни был, как кажется, первым годом ее любви (биограф в этом не вполне уверен). Вообще она была «женским патриотом»: ставила женщин выше мужчин, из которых уважала лишь немногих. Но Желябов был вполне равен ей во всех отношениях. 27 февраля 1881 г. Желябов был арестован; Перовская тем не менее успела очистить свою квартиру и скрыться на глазах

преследовавшей ее полиции. После 1 марта ее убеждали бежать заграницу, но она осталась, потому что именно в это время пребывание в Петербурге казалось ей особенно интересным. 10 марта, проезжая на извозчике, она была остановлена и арестована.

Желябов и Перовская были по преимуществу организаторами и практиками; совершенно другой тип представляет Николай Кибальчич (родился в 1853 г. или 1854 г.); сын сельского священника Черниговской губ., малоросс, он до конца жизни сохранил украинофильские и федералистические стремления. С 1871 года он был студентом инженерного училища, в 1873 г. перешел в медико-хирургическую академию, где вступил в кружок саморазвития, писал рефераты по политико-экономическим вопросам, но не имел определенных политических взглядов и не занимался революционной деятельностью. В 1875 г. одна дама, ожидая у себя обыска, попросила его взять на сохранение тюк запрещенных заграничных изданий. Он оказал ей эту услугу, но спустя два дня и у него был обыск, так как задолго до того на родине во время каникул он случайно дал знакомому крестьянину брошюру, которая, ходя по рукам, дошла, наконец, до жандармов. Предварительное одиночное заключение длилось 3 года; по процессу 193 Кибальчич был приговорен к месячному заключению. Замечательна та ревность, с которою Кибальчич даже в заключении предавался серьезным занятиям. В то время, как заключенные по большей части впали в апатию и целые дни лежали на кроватях или ходили взад и вперед по камерам, — Кибальчич все время усердно читал различные научные книги. Даже прогулками он пользовался не исключительно с гигиеническою целью, а старался в это время завязать сношения с уголовными арестантами и склонить их к социализму, что ему несколько раз и удавалось. По характеру Кибальчич был флегматичен; говорил он медленно, как будто по складам, чем производил невыгодное впечатление на мало знающих его людей. Физиономия его отличалась неподвижностью, и на ней нельзя было заметить, когда он был рад или доволен. Многие считали его апатичным, вялым; женщины раздражались даже его манерой говорить, и он часто подвергался их насмешкам. Зато на лице его были написаны мягкость и добродушие. Только один раз в заключении он оживился, именно, когда

слушал рассказ о плане нескольких революционеров взорвать на воздух всю императорскую фамилию. «Это хорошо, отлично! Отчего вы не займетесь этим серьезно!? Если я не попаду в Сибирь, я займусь производством нитроглицерина!» Это удивило тогда его товарищей, так как он всегда высказывался против преждевременной революции. Но Кибальчич исполнил свое намерение. После освобождения он изучал взрывчатые вещества, и замечательно, что в то время (1878 и 1879 г.) многие революционеры, независимо друг от друга, стали заниматься этим делом. В феврале 1879 г. он сблизился с радикалами и принял участие в агитации. Долгое время он принадлежал к кружку, непосредственно подчиненному Исполнительному Комитету и давшему впоследствии 5 или 6 выдающихся террористов. Однако Кибальчич не был ни агитатором, ни организатором; он был кабинетный ученый, революционер мысли, а не дела, человек по оригинальности ума стоявший выше многих. Он легко побеждал все трудности в лаборатории и науке, но не в практической жизни, где он являлся рассеянным, неосторожным и ненаходчивым; он не терпел мелочей, связанных с делом агитации. Поэтому он не был вожаком. И на съездах он не участвовал, хотя с самого начала сочувственно относился к стремлениям террористов и писал в их газете. Он охотно взял на себя заведывание лабораторией и управлял ею до своего ареста. И здесь он не был пригоден, как практический работник, но как теоретик был незаменим. Самоучкой он изучил французский, немецкий и английский языки и овладел литературой своего предмета. К тому же он был очень изобретателен и знал многочисленные способы изготовления мин и бомб, которые отличались либо дешевизною и легкостью фабрикации, либо малым объемом, или тем, что действовали в воде. Впродолжение своей двухлетней работы в прекрасной лаборатории он приобрел такую опытность, что на суде ни один эксперт не мог сравняться с ним. В деле приготовления бомб он давал лишь общие идеи, детали разрабатывались потом его помощниками. Кроме своей деятельности в лаборатории, Кибальчич имел оплачиваемую литературную работу, много читал, владел хорошей памятью и быстрой сообразительностью. Писал он также хорошо и легко, но по недостатку времени мало. Вечно занятый философскими и техническими вопросами, он был очень симпатичной и располагающей к себе

личностью. В знакомствах он был особенно оптимистичен и всякого считал за хорошего человека, ему и в голову не приходило, чтобы его могли эксплоатировать. Благодаря своей необычайной рассеянности, он часто служил предметом насмешек молодых девушек. Если он это замечал наконец, то совершенно серьезно толковал им, как легкомысленны женщины и какими глупостями они способны интересоваться. Совершенно погруженный в науку, Кибальчич был глух к общечеловеческим потребностям и чувствам. Никогда в жизни он сильно не сердился и никогда ни с кем серьезно не ссорился, со всеми был одинаково хорош. Хотя у него было много знакомых, но он ни с кем не дружился. Казалось, ему неизвестны были чувства любви и дружбы. Про женщин он говорил: «Все они любят, чтобы ими занимались и ухаживали за ними, я не понимаю этого, да и времени у меня нет». Он не знал личного счастья, но никогда и не ощущал в нем потребности. В науку он был погружен всецело, и занимался химией, независимо от своей специальной цели, с более широким интересом; проектом воздушного шара, приводимого в движение взрывчатым веществом, он был занят до конца жизни, как Архимед своими чертежами; проект в некоторых своих чертах отличается оригинальностью мысли.

К числу революционеров не из «интеллигенции» принадлежит известная Геся Гельфман. «Поэты не посвятят ей стихотворений, история не назовет ее имени, мир не сохранит памяти о ней, и однако без ее деятельности партия не могла бы существовать»— говорится о ней в «Подпольной России». Родилась она в 1855 году в Мозыре (Минской губ.), отец ее был зажиточный еврей, фанатик, мачеха обращалась с ней жестоко. 16-ти лет ее хотели выдать замуж за ученого талмудиста, причем с этой честью была связана обязанность содержать мужа и его семью. Геся бежала от родителей, унося с собою проклятия единоверцев. В Киеве она жила швейным мастерством и старалась пополнить пробелы своего элементарного образования, но достичь этого ей не удалось, так что она никогда не могла писать и говорить правильно по-русски. В 1874 г. она выдержала однако приемный экзамен на акушерские курсы и очень усердно принялась за «самообразование», бывшее тогда в большом ходу между учащейся молодежью. Благодаря своим хозяйственным способностям, она скоро сдела-

лась незаменимой, раз дело касалось общих обедов, вечеринок или оказания кому-нибудь помощи. Она стала социалисткой, хотя до самого конца своей жизни не вполне понимала теоретические основы этого учения. Сначала она, по рецепту героини романа Чернышевского, принялась устраивать швейные ассоциации, но затем, когда московские пропагандисты указали ей более широкое поле деятельности, она, бросив это занятие, пошла в народ, главным образом с целью узнать его, и работала поденщицей в знаменитом киевском монастыре. Здесь она, благодаря нескольким адресованным на ее имя письмам, была арестована осенью 1875 г. Под предварительным арестом она просидела не менее двух лет, и по Московскому процессу 50-ти была приговорена к двум годам заключения в рабочем доме. Заключена она была вместе с молодыми проститутками, и те, инстинктивно чувствуя нравственное превосходство Геси, взваливали на нее самые грубые работы. Но положение ее улучшилось, когда ее камеру посетили члены благотворительного комитета, и одна высокопоставленная дама приняла в ней дружеское участие. Она была помещена с тех пор в одной камере с своей товаркой Топорковой и переведена на лучшую пищу, как больная: благодаря плохому и недостаточному питанию она страдала хроническим катарром желудка. Здесь она занималась вышиваньем для своей надзирательницы. 14 марта 1879 г. она была освобождена и выслана в Старую Руссу под надзор полиции с правом на ежемесячное пособие в 6 рублей. Там она нашла покровительницу в лице одной молодой дамы, которая снабдила ее деньгами и паспортом, так что уже в ноябре она бежала в Петербург. Однако долговременное заключение расшатало ее здоровье: свежий цвет лица и веселость характера исчезли, она исхудала, стала такою нервною, что отвечала во сне на обращенные к ней вполголоса вопросы; кроме того она была некрасива от природы. Тем не менее Геся пользовалась любовью известного террориста Колодкевича; их сердечных отношений никто из посторонних и не подозревал, так как они не жили на одной квартире. В Петербурге она скоро вступила в члены партии «Народной Воли», и на нее возложено было заведывание важными конспиративными квартирами, так как она обладала присутствием духа и достаточною находчивостью быстро отделываться от дворников, хозяев и непрошенных гостей. Уже в том же году мы видим

ее хозяйкою конспиративной квартиры, затем она заведывала квартирою одного рабочего кружка, потом квартирой динамитной мастерской и наконец помещением тайной типографии рабочей газеты, где вскоре была устроена динамитная мастерская. В феврале 1881 г. она бросила эту квартиру и перешла на Тележную улицу, где в день цареубийства была арестована; во время ее ареста в той же квартире застрелился Саблин. В тюрьме она много пережила страданий вследствие своей беременности, но не дала никаких показаний. Агитация в ее пользу заграницей принудила русское правительство дать ей свидание с одним газетным репортером и заменить смертный приговор пожизненной каторгой. 1 февраля 1882 г. Гельфман умерла в тюрьме.

В заключение несколько слов об Игнатии Гриневицком, бомба которого убила Александра II. Сам он называл себя литвином, а поляки считали его поляком; но по-польски он объяснялся плохо, а по-русски говорил как на родном языке. Родился он в католической семье в 1856 г. в Минской губ.; родители его были мелкими землевладельцами. В 1860-х гг. отец его купил имение в Гродненской губ., в дер. Гриневичи, откуда произошла его фамилия. Доходы небольшого имения (в 60 — 70 дес.) были недостаточны для семьи из одиннадцати человек, и члены ее сами должны были исполнять полевые работы. Воспитание детей стоило дорого, семья впала в неоплатные долги, и имение было продано в 1880 г. с публичного торга, мать умерла незадолго перед тем, отец помешался. Во время учения, сначала в уездном училище в Бельске, а затем в реальном в Белостоке, нужду приходилось терпеть такую, что пить чай даже по праздникам было для него роскошью. Считался он прилежным учеником, хорошо рисовал, был необыкновенно набожен и оставался добрым католиком, несмотря на насмешки товарищей.

В 1872 — 1873 г. через воспитанников других учебных заведений в Белостокское училище были занесены социалистические идеи, и там начали бредить свободой и равенством. Идеалом молодого Игнатия стало служение народу. В 1875 г. он окончил курс первым учеником и поехал в Петербург, в Технологический Институт, студенты которого считались тогда наиболее радикальными и пользовались значительной свободой в своей внутренней жизни. Гриневицкий поступил в это учебное заведение и принял участие в студенческих кружках. Поляки имели тогда собствен-

ный кружок и держались вдали от русских дел; Гриневицкий вступил как в русский, так и в польский кружок: он желал служить народу без различия национальности. Поляки сочли это за измену и упрекали его в том, что он компрометирует их. В кружках он, как и другие товарищи, не ограничивался каким-нибудь одним родом деятельности, а занимался всем: создавал новые кружки, помогал старым, собирал деньги для ссыльных, вел переписку, учился подделывать паспорта, собирал печати, знакомился с рабочими и, как хороший товарищ, пользовался всеобщим уважением.

В 1879 г. он примкнул к кружку, собиравшемуся по приглашению киевских агитаторов итти в народ, но не для пропаганды, а для образования боевых отрядов; их поселения должны были служить операционным базисом для революции. Но этот план не встретил одобрения, и кружок не сформировался. Несмотря на это, Гриневицкий отправился в деревню и пытался организовать «боевой отряд». Однако уже осенью 1879 г. он вернулся назад в Петербург и объявил, что такой способ революционной деятельности невозможен. Конституция, хоть сколько-нибудь сносная, могла удовлетворить его в это время. Но потом он стал верить в возможность захвата государственной власти террористической партией и в 1880 г. уже окончательно стал в ряды последней. С этих пор его деятельность получила точку опоры. Вначале ему поручали маловажные дела: некоторые технические работы, поездки с целью разведок, организацию рабочих, пока, наконец, ему было дано дело, стоившее ему жизни. Спокойно стоял он на своем роковом посту и измерял глазами расстояние между собой и своей царственной жертвой . . .

— «Кто Вы?» спросили его в госпитале, когда он перед смертью открыл глаза.

— «Я не знаю», и это были его последние слова. Товарищи окружили его ореолом славы Брута, Гармодия и Аристогитона.

В истории жизни упомянутых цареубийц отражается весь ход революционного движения. Все они начали с мирной пропаганды; после подавления ее правительством перешли к революционной агитации, а безуспешность этой последней привела их к террору. Во время борьбы за политическую свободу социализм отступил у них на задний план; из федералистов они превратились в стро-

гих централистов. Только будущее покажет, кто еще был в числе главных предводителей движения и какова была их жизнь [1]).

Вопрос о денежных средствах партии не менее важен, чем вопрос о ее деятелях. Откуда революционеры брали деньги на создание литературы, поддержку своих товарищей, поездки, террористические предприятия и для помощи заключенным и ссыльным? Исполнительный Комитет объявил, что он считает себя вправе «конфисковать» казначейства, почтовые и полковые кассы. Кто может знать, в каких размерах производилась эта конфискация? [2]). Но главные источники доходов партии совсем иные. Нечаев пользовался Бахметьевским фондом в 1.000 фун. стерлингов, пропагандисты имели в своих рядах судью Войнаральского, пожертвовавшего для «дела» капитал в 40.000 р. Дойной коровой «Земли и Воли» был Дмитрий Лизогуб [3]), сын предводителя дворянства; в 1878 г. он приступил к ликвидации своего имения, стоившего 150.000 р., но в августе был арестован. В первый год от него должно было поступить 20.000 р., но его управляющий Дриго присвоил деньги себе. Естественно, суммы эти представляют лишь незначительную часть революционных доходов; не дают даже приблизительно точного понятия о средствах партии также и суммы, о которых публикуется в газетах [4]).

Обратимся теперь к внутренней организации русской революционной партии; все, что я знаю об отдельных кружках, было

---

[1]) К замечательнейшим личностям революционного движения, несомненно, принадлежит еще непойманный Тихомиров (про которого Желябов говорил, что он неуловим, как иголка на дне морском), Желябов, Кибальчич, Алекс. Квятковский, Алекс. Михайлов, Ширяев, Зунделевич, Суханов, Осинский, Я. Стефанович, Фроленко, Колодкевич, Баранников, Адриан Михайлов, Клеменц, Кравчинский, Богданович, Грачевский, и из женщин: Перовская, Лешерн-фон-Герцфельд, Засулич, Бардина, Ольга Любатович, Брешковская, Якимова и многие другие.

[2]) Можно, кажется, сказать с уверенностью, что ни в каких размерах эти конфискации произведены не были. *Прим. Ред.*

[3]) Судебные прения в процессе 20-ти, 9 февраля 1882 года.

[4]) Были опубликованы следующие итоги пожертвований: в № 6 «Нар. Воли», с 1 марта до 15 июля 1881 г. — около 22.700 р.; в № 7, с 15 июля до декабря 1881 г.—свыше 8.500 р.; в «Листке Н. В.»—свыше 5.700 р.; в «Черном Переделе» в № 2—более 911 р., № 3—9.200 р., № 4—2.115 р. Общество «Красного Креста Нар. Воли» в 1—3 объявлениях определяет свой доход в 8.000 франк., другое общество за 2 месяца—свыше 1.775 р.

уже сказано в своем месте. Здесь я добавлю лишь некоторые дальнейшие подробности. К важнейшим предприятиям революционеров, возникающим вследствие потребности в периодической печати, относится устройство тайных типографий [1]). Уже в первом периоде движения, в начале 1860-х гг. конституционалисты имели типографию, найденную впоследствии в здании генерального штаба; в 1861 г. в ней печатался «Великоросс». Другие социально-революционные кружки того времени тоже имели свои печатни. Однако, пользование ими продолжалось обыкновенно так же недолго, как позднее в кружках Ишутина, Нечаева и Долгушина. Чайковцы приобрели себе шрифт и прекрасный станок, но не могли ими воспользоваться в продолжение целых пяти лет. Казалось, что трудности постановки дела непреодолимы, работа слишком шумна, число работников слишком велико, а масса употребляемой бумаги может броситься в глаза. Возобновлять неудавшиеся попытки значило жертвовать людьми. Лишь организаторскому таланту Якова Стефановича удалось устроить в 1875 г. в Киеве типографию, которая в 1876 г. была уже в полном ходу [2]). В этом году

---

[1]) La Russia Sotterranea, ст. 195-206.

[2]) Стефанович держал свою типографию в большой тайне. Он имел вместе с двумя своими друзьями, Дейчем и Бохановским, легальную квартиру и рядом с ней другую тайную. Первым был арестован Бохановский; из тюрьмы он послал с выпущенным на волю уголовным арестантом записку Стефановичу, гостившему в то время у одного помещика. Но посланный передал записку полиции. Тогда были взяты и оба оставшиеся на воле друга, вместе с ними и гостеприимный хозяин их. Дело теперь шло о спасении типографии; но так как никому из остальных товарищей не было известно место, где она помещалась, то стоило не малого труда уведомить их об этом. Еще труднее было унести из квартиры все типографские принадлежности, не возбуждая подозрения квартирного хозяина. В этих видах товарищи сделали ночью снимок с замка квартиры, и на следующий день к хозяину явилась дама с мужем, которая выдавала себя за сестру Стефановича, находившегося якобы в Кременчуге и позволившего ей остановиться при проезде через Киев в его квартире. В доказательство этого она показала ключ от квартиры. У хозяина не было никаких оснований к подозрению, и он оставил мужа с женою на несколько дней в квартире своего жильца и был очень доволен, так как получил при их отъезде на чаек. Вскоре явилась полиция, которая обыскала тогда чуть не все дома в Киеве, но нашла комнату очищенною, и только небольшое количество шрифта и оттисков, найденных в угле, подтверждали ее подозрение, что типография находилась именно здесь.

в ней были напечатаны все прокламации, а также упомянутый выше подложный манифест и устав. Осенью 1877 г. Стефанович был арестован, типография его была отправлена в Одессу, где она, вероятно, и погибла. В 1877 г. один ловкий еврей из Вильны Арон Зунделевич привез контрабандно из-за границы типографские принадлежности и устроил в Петербурге первую «вольную типографию», которая была в состоянии исполнять регулярно большие работы. Она работала в течение четырех лет и едва ли была бы открыта, если бы полиции не помог простой случай. Типография могла держаться лишь благодаря величайшей осторожности. Из членов редакции «Земля и Воля» квартира была известна одному Кравчинскому, да и он был в ней только раз, именно когда нужно было поместить в первом же номере сообщение об удавшемся побеге Александра Михайлова [1]). По рассказу Кравчинского, во время его посещения типографии в ней жило четыре человека. Мария Крылова, женщина 45 лет, играла роль хозяйки квартиры; она была выслана после покушения Каракозова, но счастливо скрылась из места ссылки. Горничную изображала молоденькая миловидная блондинка. Сношения с внешним миром происходили при посредстве молодого человека (около 26 лет) с аристократической наружностью и в высшей степени молчаливого; он был сыном генерала и внуком сенатора и считался чиновником министерства, но носил в своем портфеле, вместо министерских дел, только рукописи и корректурные листы запрещечной газеты. Другой наборщик (Лубкин) скрывал свою фамилию даже от товарищей; он был известен под именем «птицы» и застрелился, когда типография «Нар. Воли», после 4-х часовой отчаянной борьбы, была взята полицией. В особенности тяжела была участь этого несчастного самоубийцы; из предосторожности он жил без всякого паспорта и должен был поэтому сидеть постоянно дома, чтобы не встретиться с дворником. Молодому фанатику было не более

---

[1]) Александр Михайлов был арестован, когда явился в квартиру, где происходил обыск. На улице он вырвался и побежал, крича: «держи! лови!». Публика бежала за ним, думая, что он гонится за вором. Таким образом ему удалось затеряться в толпе. Он завернул в ближайшую улицу, вбежал в первый попавшийся двор, но наткнулся на высокую стену. Прежде чем полиция успела проникнуть во двор, он сумел перелезть через стену и скрылся от преследования. («На Родине», № 3, стр. 2.)

23 лет, но на его лице были уже заметны следы чахотки; мертвенная бледность покрывала его щеки, не знавшие ни свежего воздуха, ни дневного света; его живые, большие, черные, как у газели, глаза горели огнем и выражали глубокую печаль. Устройство типографии самое простое: несколько ящиков со шрифтом; маленький цилиндр из вязкого клейкого вещества; другой, больших размеров, покрытый сукном и служивший прокатным валом; две бутылки типографских чернил и несколько щеток и губок. Все было приспособлено таким образом, что в какие-нибудь четверть часа можно было спрятать все принадлежности в большом стенном шкафу. Чтобы избегнуть подозрения дворника, его часто приглашали под разными предлогами в эту «секретную» комнату. Так проходила жизнь этой кучки людей, полная опасности и лишений [1]. Редакция газеты, повидимому, лежала на обязанности комитетов. На заседаниях редакции «Земля и Воля» принимал участие, между прочим, и Ал. Михайлов [2], который, кроме согласия статей с программой партии, хорошего слога и доказательности, в особенности ценил краткость изложения, которую редко можно встретить среди русских. После выхода каждого номера Михайлов устраивал праздник: к 9-ти часам вечера он приглашал редакцию, и скоро начиналось угощение. Прежде всего он вынимал бутылку коньяку, приготовлял каждому стаканчик

---

[1] «Календарь Народной Воли» 1883 г. (стр. 16 и след.) дает следующие данные относительно тайных типографий:

1) Типография, которая возникла весной 1877 г. и вскоре затем была открыта.

2) Русская вольная типография, устроенная Зунделевичем под именем «Петербургской вольной типографии»; она находилась в распоряжении общества «Земля и Воля».

3) Типография «Начала» в Петербурге.

4) «Народная Воля» имела 7 типографий:

a) в Саперном переулке, арестована 17 января 1880 г.,

b) открыта полицией 3 мая 1881 г.,

c) типография «Рабочей Газеты»,

d) летучая типография,

e) московская,

f) две, существующих еще теперь.

5) «Черный Передел», кроме упомянутой типографии, располагая еще летучей, и теперь еще у него существует типография.

[2] «На Родине», № 3, стр. 48.

пунша, любимого напитка революционеров, и тотчас же прятал бутылку опять в шкаф из опасения, чтобы его гости не выпили слишком много. Затем появлялась какая-то рыбка и чай с сладким печением. Для запоздавших в окне выставляли знак, что нет никакой опасности.

Каким же образом распространялись газеты в обществе? Очень просто. По отпечатании «Нар. Воли» один из товарищей с красивым чемоданом, набитым номерами газеты, объезжал важнейшие города, занимая место, разумеется, во втором классе, и передавал доверенным лицам надлежащее количество экземпляров, которые рассылались потом далее. Выставленная на номерах цена (от 25 или 35 коп.) была только номинальною. Прокламации массами бросались в почтовые ящики. Геся Гельфман была таким странствующим почтальоном; ее большой карман был обыкновенно полон прокламаций, газет, пригласительных билетов на концерты и балы, устраиваемые в пользу заключенных или тайных типографий.

Типографии вскоре же после погромов устраивались снова. Напр., в июне 1882 г. были обнаружены приготовления к устройству тайной типографии в Витебске, а зимою в Одессе. Рядом с этими мастерскими духовного оружия существовали со времени революционной агитации настоящие арсеналы оружия, а с возникновением терроризма — целые склады взрывчатых веществ и химические мастерские, которые, судя по сообщению Кибальчича и по работам последнего, отличались с технической стороны замечательным совершенством. В Петербурге, Одессе и других местах были устроены лаборатории, и еще недавно одна из них была открыта в квартире ветеринарного врача Прибылева на Васильевском острове в Петербурге (июнь 1882 г.); химиком Исполнительного Комитета были даны ему деньги с тем, чтобы он по возможности скорее обвенчался с своей возлюбленной и устроил затем в своей квартире «техническую школу», так называл лабораторию для бомб Грачевский, ради смягчения виновности подсудимых. Перед московским покушением упомянутый уже ловкий контрабандист Арон Зунделевич пытался закупить динамит в Италии и перевезти его через Швейцарию и Германию в Россию. Однако же попытка эта не удалась, и революционеры вынуждены были сами заняться фабрикацией динамита. Это было весьма

опасным и трудным предприятием: так как необходимые материалы распространяли очень острый запах, то требовалась большая квартира в 3 — 4 комнаты, с проведенной водой, расположенная в самом верхнем этаже. Но даже и в этом случае деятельность революционных химиков не могла ускользнуть от внимания ближайших соседей. Однажды, напр., Кибальчич пролил на пол так много азотной кислоты, что в нижнем этаже потускнели золоченые стенные украшения, и хозяин дома прибежал к нему в ужасе; однако Кибальчич не пустил его в секретную комнату и объявил, что берет на себя весь причиненный убыток. Другой раз у него среди ночи произошел маленький взрыв, и только с большим трудом удалось успокоить хозяйку дома. Еще более опасным был взрыв у него (или у Ширяева, другого химика), когда разорвало по неизвестной причине одну из стоявших рядом на полу бутылок с нитроглицерином. Из химиков-террористов известны: изобретательный Кибальчич, которому, как говорят, принадлежит идея смертоносных бомб, и в качестве практиков: Исаев, Ширяев и Грачевский, который после убийства царя и ареста своих товарищей, повидимому, подготовлял до июня 1882 г. новое покушение. Ранее динамит доставляли в значительном количестве морские офицеры; в первый раз было это в 1878 г. при неудавшемся покушении в Николаеве. Наконец Желябов в одном из своих писем упоминает о революционном архиве [1]), который он передал на хранение профессору Драгоманову.

Важнее конспиративной деятельности в течение последних 5 лет была забота о своей безопасности. Социалистическая пропаганда велась с некоторою беспечностью и потерпела неудачу, главным образом, вследствие неосторожности пропагандистов. С переходом к революционной агитации и терроризму и с возрастанием строгости наказаний со стороны правительства, чувство самосохранения привело к выработке множества правил предосторожности, которые выразились, наконец, в целой системе. Первою задачею являлось приобретение паспорта. Молодые люди, вроде Александра Михайлова в 1876 г., записывались в студенты не для того, чтобы слушать лекции, ибо в то время их весьма мало интересовала наука; напротив того, Алекс. Михайлов сдавал экзамен в двух

---

[1]) «Вольное Слово», №№ 39 и 40.

высших учебных заведениях в Петербурге с целью получить вид на жительство хотя бы от одного из них. При таких условиях становится до известной степени понятным образ действия правительства, которое предписало студентам обязательное посещение лекций и в видах контроля требовало предъявления билетов при входе в аудиторию, чтобы студенческий билет не служил как бы открытым листом для революционной деятельности, — требование, которое кажется нам, с одной стороны, стеснительным, а с другой — едва ли достигающим цели.

Для тех, кто не имел студенческих билетов, приобретение паспортов в начале движения представляло некоторые трудности. Приходилось покупать их и часто платить большие деньги. Но скоро нашли, что гораздо проще самим фабриковать паспорта, и техника в этом отношении достигла высокого совершенства. Каждый кружок имеет свое настоящее паспортное бюро, там вырезываются печати различных правительственных учреждений и накладываются на самодельные паспорта [1]). Почти ни один русский революционер не носит своего собственного имени и не имеет законного паспорта, так как иначе он был бы скоро открыт. Большинство берет фальшивые паспорта, т.-е. делается «нелегальным», и часто даже судебное следствие не обнаруживает настоящих фамилий. Некоторые, как напр. Халтурин, узнаны по фотографии лишь после того, как их повесили, а в Киеве был даже казнен «неизвестный», назвавшийся Антоновым. Революционеры не могут, конечно, вести переписку на свое имя; во время Ишутинского заговора все письма получались на имя молодого гимназиста, князя Т., жившего у своей тетки, графини Тр., в доме сенатора Н.; корреспонденция Нечаева шла через руки 16-летней Веры Засулич. И теперь еще многие почтенные люди помогают революционерам тем, что берут на свое попечение их корреспон-

[1]) Такое паспортное бюро открыто было полицией в Москве в 1882 г. у Ив. Калюжного. Впрочем фальшивыми паспортами пользуются в России не только революционеры, но и другие лица, так что паспортная система оказывается недостигающей цели. Эти и многие другие факты этой главы я беру из обвинительного акта (по «Berlin. Tageblatt») и по судебному процессу 17-ти в Петербурге (по «Indépend. Belge») от 23 марта 1883 г.; впрочем мне пришлось исправить многие заключающиеся в них неточности. Ср. «Правит. Вестн.» от 8 апр. 1883 г.

денцию. Письма получаются на вымышленные имена, пишутся химическими чернилами, шифруются, или в телеграммах употребляются условленные слова, напр.: пришлите мне столько-то бутылок вина, т.-е. столько-то фунтов динамита (Гольденберг к Кибальчичу). Далее нелегальное положение требует, чтобы революционер своим образом жизни не казался своим соседям по квартире подозрительным. Прежде надзор был слабее, еще в 1875 и 76 гг. бывало, что в студенческих «коммунах», занимавших квартиры из 3-х комнат, все полы были заняты спящими, которые отдыхали от жарких дебатов по поводу изменения программы, и даже дворники отскакивали назад при виде такого многолюдства. Извозчики обыкновенно знали о студенческой «вечеринке» и, по русскому обычаю, толпились перед домом в ожидании, что им удастся развезти по домам усталых гостей. На улице социалисты ходили кучками. Однако, скоро миновали времена такой беспечности в революционной деятельности. Правительство даже в деревнях учредило особую полицию (урядников), а в больших городах отдало население под надзор дворников. В виду этого революционеры устраивают свою жизнь таким образом, что приходят и уходят из дому в определенное время, как будто они обязаны бывать на службе. Посещения совершаются тоже в такой форме, что не бросаются в глаза: гости приходят и уходят через известные промежутки по одному или, самое большее, вдвоем, а более многочисленные собрания происходят обыкновенно на «конспиративных квартирах» [1]). В Петербурге, напр., перед убийством императора посещались главным образом две конспиративные квартиры, в которых проживали химики Кибальчич и Исаев с их так называемыми «женами». В третьей квартире, содержимой Гесей Гельфман и Саблиным, Желябов выбирал метальщиков бомб. Но перед покушением Гельфман из предосторожности переменила свою квартиру, и в этой последней собирались убийцы после решительного удара. Конспиративная квартира должна быть хорошо расположена. Необходимо, чтобы легко можно было выставлять и быстро менять на окне «знаки». В противном случае может произойти то, что имело место, напр., в квартире Малиновской в 1878 г.: «знак безопасности» оставался

---

[1]) «На Родине», № 3, стр. 36 и др.

выставленным, многие лица заходили к Малиновской и попадали в руки полиции. Таким же образом удалось полиции в Москве в феврале 1881 г. устроить ловушку в квартире одного арестованного и поймать там усиленно разыскиваемого Як. Стефановича. Стены комнаты должны быть капитальные, двери должны плотно притворяться, дабы нельзя было подслушать разговора. Кроме того перед дверью квартиры должна находиться площадка, с которой можно было бы господствовать над всей лестницей, так чтобы несколько решительных и хорошо вооруженных людей могли задержать на некоторое время толпу пришедших жандармов, пока в квартире не будут уничтожены бумаги и другие подозрительные вещи. Конспиративные квартиры представляют по большей части целые арсеналы оружия; при взятии типографии «Народной Воли», каждое из 5-ти живших там лиц было вооружено двумя револьверами; целая дюжина жандармов испугалась нападения и отступила назад, так что принуждены были вытребовать солдат; в общей сложности было сделано 80 — 100 выстрелов.

Вообще, нелегальное положение обязывает исполнять массу правил предосторожности [1]). Большинству, конечно, надоедало следовать всем им, но Ал. Михайлов, который с 1877 г. энергично, повидимому, боролся против господствующей неосторожности и был за это прозван «дворником», считал подобную небрежность прямо бесчестной и объяснял ее недостатком преданности революционному делу. Он обыкновенно, идя по улице, следил за товарищами, соблюдают ли они известную предусмотрительность. Бывало он внезапно останавливал кого-нибудь и заставлял читать вывеску. Если оказывалось, что товарищ близорук, он советовал ему купить очки и не успокаивался до тех пор, пока тот не исполнял его просьбы. Точно также он настаивал на необходимости приличного костюма. Нигилистическое одеяние 60-х и 70-х гг. хорошо нам известно по рисункам: высокие сапоги, плед и синие очки часто служили мишенью для наших острот [2]). Но такую форму, сразу обнаруживавшую образ мыслей, можно было употреблять только во времена политической невинности, когда совесть была чиста от противозаконных дел. В период же бесчисленных

[1]) Там же, стр. 18 и далее.

[2]) Это нигилистическое одеяние имеет некоторую аналогию с старонемецким костюмом буршей.

и произвольных арестов, всякий оригинальный костюм обращал на себя внимание жандармов и шпионов, — следовательно, было выгоднее затратить несколько лишних рублей, чем подвергать себя бесполезной опасности. Алекс. Михайлов был в обществе «Земля и Воля» усерднейшим защитником приличной одежды. Если член партии отговаривался неимением денег, то на другой день он приносил ему их и сообщал адрес какого-нибудь дешевого портного. С развитием терроризма некоторые революционеры начали практиковать прямо уже роскошь. Убийца Мезенцова, живший по паспорту какого-то князя N, выдавал себя за чиновника министерства внутренних дел и щедро давал на «чай» швейцару, который спешил высаживать из кареты «его сиятельство». Даже Соловьев, костюм которого, по рассказам [1]), был в прежнее время грязен и изодран, завел перед своим покушением черную пару. Но бдительность Ал. Михайлова распространялась, повидимому, лишь на немногих. Ибо по другим описаниям видно, что одежда революционеров довольно-таки грязна и небрежна, что не должно никого удивлять, так как многие не имели постоянной квартиры, а их «дражайшие половины» заняты были больше решением высших проблем, чем починкою платья. Ал. Михайлов был «травленый волк». При каждом удобном случае он старался вглядываться в шпионов, чтобы запоминать их физиономии и быть впоследствии настороже. Одним взглядом он отличал их в толпе. У него имелся список 300 проходных дворов и, благодаря знанию проходов, он не раз спасал себя и своих товарищей [2]). Чтобы уничтожить следы своих странствований по Петербургу, революционеры часто меняли от 3-х до 4-х извозчиков и колесили вдоль и поперек по городу. Часто они меняли также свои квартиры, и случалось, что желающему знать адрес друга в Петербурге приходилось ехать для этого в Киев, а затем обратно в Петербург. Важнее всего было, конечно, скрывать тех революционеров, в особенности убийц, которых разыскивала полиция. Для этой цели существовали укрыватели среди аристократов, в среднем классе и среди чиновничества [3]). Опять-таки Ал. Михайлов отличался особенной способностью отыскивать ночлеги для нуждающихся. Его практические сведения пригодились многим, напр., убийце

---

[1]) «На Родине», № 2, стр. 23.

[2]) Там же, № 3, стр. 19 и 20.

[3]) «La Russia Sotterranea», стр. 175—194.

Мезенцова. Прежде всего он повел его к одному чиновнику министерства внутренних дел, который был преданным учеником Чернышевского, теоретически разделял взгляды революционеров и считался одним из надежнейших укрывателей. Но он был так возбужден, что ночью постоянно вскакивал с постели, думая, что идут жандармы. Другой укрыватель в 1861 году принимал участие в Казанском заговоре; он был целых 12 раз арестовываем полицией, но ни разу не могли его в чем-нибудь уличить. К новейшему движению он относился скептически, тем не менее симпатизировал ему и чрезвычайно умело устраивал дела по переписке членов партии, распространял книги и журналы, собирал ежемесячные взносы и т. д. Он был неподражаем, как укрыватель, и как раз в тот день, когда к нему привели убийцу Мезенцева, он праздновал свой 10-летний юбилей в этой должности. Перед тем он скрывал Веру Засулич, а затем Софью Перовскую. Однако, через несколько дней он пришел домой с серьезным лицом и объявил, что чувствует, что будет обыск, и действительно дня через два явилась полиция, чтобы отдать ему «санитарный визит».

Третий укрыватель явился в лице старой 70-летней датчанки. Жила она себе мирно до тех пор, пока принцесса Дагмара не сделалась наследницей русского престола. Тогда ей пришло в голову сделать своего мужа придворным чиновником. Она просила датского посланника о протекции, но тот ей, понятно, отказал; тогда она сделалась из мести нигилисткой. Она начала свою революционную карьеру тем, что стала брать на хранение книги и переписку знакомых студентов, а затем начала укрывать и людей. Она надеялась, что террористы только начали с Трепова и Мезенцева, а кончат непременно датским посланником; этот последний казался ей преступнейшим из всех. Ее старый муж, которого она держала под башмаком, должен был доставлять ей из полиции всякие новости. В этой же книге автор рассказывает, как одна старая княгиня несколько дней скрывала у себя после убийства императора одну подругу Софьи Перовской, по просьбе последней. Другие, как говорят, сделались после 1 марта чрезвычайно робкими и отказывались скрывать даже близких своих знакомых.

Несмотря однако на все предосторожности, лишь небольшая кучка революционеров спаслась, повидимому, от преследований полиции.

Нашей задачей является теперь описание положения подследственных и административно сосланных. К сожалению, отсутствие беспристрастных источников ставит здесь историка в большое затруднение. Только раз, во время гр. Лорис-Меликова, когда рабское русское общество вздохнуло посвободнее, русские газеты могли дать описание тюрем и ссылки в Сибирь, на которые «Правительств. Вестн.» несколько раз удостаивал сделать возражения. Русские газеты подтвердили все, что сообщалось раньше в «подпольной» литературе. Известия эти, действительно, способны вселить ужас. Вся дикость и несовершенство государственных учреждений России, вся жестокость и абсолютный произвол бюрократии выступают на свет божий и вызывают самое строгое осуждение, если даже иметь в виду, что с молодыми русскими фанатиками, вероятно, далеко не легко иметь дело.

Начнем с подследственных. Где в Западной Европе какой-нибудь Кибальчич и его товарищи просидели бы в подследственной тюрьме целых 3 года за простую передачу крестьянину какого-либо социалистического листка и за хранение у себя связки запрещенных брошюр? Где возможно, чтобы женщин раздевали и обыскивали в присутствии жандармов или, что еще хуже, проделывали это сами жандармы, как это сплошь и рядом бывает в России, при чем дело не обходится даже без грубых насмешек [1])? Где это возможно, чтобы арестованная женщина, как это было с Ивановскою, взятою в июне 1882 года в Витебской тайной типографии, стала выдавать себя за члена Исполнительного Комитета с единственною целью, взвалив на себя более важные обвинения, добиться тем самым перевода в Петербург и более корректного обращения?! Где это возможно, чтобы нервным людям, как Исаев, во время заключения систематически мешали спать, с целью привести в состояние такой возбужденности, которая позволяла бы надеяться на признания?!

Осужденные на каторжные работы (которые, впрочем, не обязательны) находятся в весьма скверном положении, в особенности, если они должны отбывать свое наказание в русских центральных тюрьмах. Одна из таких тюрем находится в Новобелгороде, неда-

---

[1]) «На Родине», № 2, стр. 67, № 3, стр. 68 и «Черный Передел», № 2.

леко от Харькова, и вот оттуда-то еще в 1878 году, следовательно еще до покушения на царя, осужденные пропагандисты обратились к русскому обществу с воззванием, которое останется важным документом для истории русского тюремного управления [1]. Я позволю себе заимствовать из этого летучего листка несколько типичных картин. Вот, напр., в своей мрачной камере с окном, наполовину замазанным темной краской, на досках, покрытых лишь куском тонкого войлока, без одеяла и подушек, лежит Плотников, истощенный до крайности долгими годами одиночного заключения и всевозможных лишений. Чтобы хотя немного рассеяться, он подымается и начинает слабым голосом декламировать стихи любимого поэта. Быстро отворяется дверь и в камеру с шумом входит смотритель тюрьмы и орет: «Как ты смеешь кричать? Тут должна быть гробовая тишина! Я прикажу немедленно заковать тебя в кандалы». Напрасно заключенный старается указать на то, что он уже отбыл законный срок испытания (втечение которого заключенные ходят в кандалах) и что, кроме того, по свидетельству врача, он болен; ничто не может его спасти: он снова заковывается в кандалы (в феврале 1878 г.). Еще более возмутительный случай был с Александровым. Издалека к нему донеслась крестьянская песня; она нашла отголосок в сердце заключенного, и он запел знакомую мелодию. Он давно кончил песню, когда в камеру вошел надзиратель и со словами: «Кто тебе позволил петь? Я тебе покажу песни!»—ударил его кулаком в лицо. Произвол касался и выбора книг. Сегодня Спенсер дозволен, завтра запрещен; сегодня разрешают принести заключенному Теккерея, а завтра объявляют: «Чтение романов есть развлечение, а тюрьма должна быть местом страданий!» Даже при тиране Николае декабристы в Сибири могли читать все дозволенные цензурой книги и периодические издания: при Александре II газеты были безусловно запрещены, и выбор книг предоставлен был на произвол смотрителя. Положение преступнейших из уголовных арестантов было лучше: они могли, по крайней мере, сидеть по несколько человек в одной камере. Одним из самых жестоких наказаний, которому, напр., подвергся Серяков за то, что не поклонился

---

[1]) «Заживо погребенные», напечатано в «Общем Деле», № 16, октябрь 1878 года.

стоявшему вдали надзирателю, — является карцер. Это совершенно темный и настолько маленький ящик, что человек может поместиться в нем только скорчившись; карцер находится позади отхожего места и настолько зловонен, что заключенный обыкновенно еле держится на ногах от головокружения.

Столь же безотрадна картина Петропавловской крепости, которую рисует в 1882 г. «Народная Воля» [1]). Камеры, в которых сидят осужденные, темны, холодны и сыры, как могила; окна замазаны краской и пропускают так мало света, что без свечей обходятся лишь часа два в день. Пища состоит из щей и каши к обеду и из куска черного хлеба утром и вечером. Печи топятся при суровых русских морозах только через три дня, а иногда и реже, стены поэтому сырые и на полу стоят буквально лужи. Заключенные сидят в одном белье и арестантских халатах. Прогулкою они пользуются только через день, да и то лишь на $^1/_4$ часа. Никаких других развлечений нет. Когда однажды Зубковский сделал из хлеба кубики, чтобы повторить некоторые правила стереометрии, то у него их отняли, сказавши, что всякие развлечения запрещены осужденным. Так живут они, точно в могиле. При таких условиях самоубийства неизбежны; поэтому к заключенным, подозреваемым в таком намерении, в камеры сажают жандармов или солдат для наблюдения, что делает существование окончательно невыносимым. Если заключенный пристально смотрит на что-нибудь, то жандарм вскакивает и спрашивает, что его занимает. Следят за каждым движением руки, за каждым наклонением головы. Жандарм имеет при себе полотенце и платок, которыми, по мере надобности, дает пользоваться заключенным. Естественно, что болезнь, сумасшествие, самоубийства и случаи смерти очень часты между заключенными. По «Календарю Народной Воли», от 1875 г. по 1882 г. умерло в тюрьмах и ссылке 76 революционеров, среди эмигрантов — 6.

Единственным, последним средством против такого обращения являются голодовки, которые часто повторялись в Петербурге, Харькове и Сибири. Еще недавно, 12 декабря 1882 года, разыгралась голодовка в Одессе. Мотивы ее заключенные объясняют сле-

---

[1]) «На Родине», № 1. В сокращенном виде описание сообщено мною в берлинском ежедневном журнале «Gegenwart», 1882 г., № 28.

дующим образом [1]). Один рабочий просил больничной порции; тюремный врач крикнул на него: «Вы — рабочий, а больничная порция стоит 70 коп., обойдетесь и без нее!» Другой заключенный студент просил лекарства против нарыва на руке; тот же самый врач ответил ему: «Сосите руку, у вас не мало времени!» Когда тот же пациент хотел посоветоваться с другим доктором, то тюремный врач заметил: «Для вас нужен не врач, а палач!» Последний повод к «бунту» дал смотритель, который посадил в карцер больного в последней степени чахотки за то только, что тот просил дать ему койку. Заключенные обратились к последнему средству: пригласили к себе полицеймейстера; но тот вместо того, чтобы исполнить их просьбу, стал ругать их самым непозволительным образом. Тогда началась голодовка. Заключенные не хотели принимать пищи, пока не будут удовлетворены следующие пять требований: 1) ежедневная топка печей, так как в камерах было сыро и холодно; 2) выдача постелей всем, как дворянам, так и непривилегированным, которым приходилось спать на сыром и холодном полу; 3) прогулка вдвоем, а не в одиночку; 4) выдача ламп в камеры (они ставились в коридоре), и 5) более человечное обращение с заключенными. Смотритель был мало встревожен этим бунтом и с хладнокровием опытного чиновника заметил: «Это пустяки — старая история, мы будем кормить их с помощью клистирных трубок».

В Сибири, повидимому, ничуть не хуже, чем в центральных тюрьмах [2]).

Труд на каторге не затруднителен, он дает возможность двигаться и укреплять силы. Но за то теснота в Карийской тюрьме невыносима; тюрьма эта не что иное, как обыкновенная деревенская изба, окруженная высоким частоколом; столов и стульев там нет, есть только нары, на которых, тесня друг друга, лежат заключенные. Пища состоит почти из одного хлеба, так как в супе нет ничего, кроме горсточки гречневой крупы. Чай пьют утром и вечером, но сахар дается только по вечерам. Хозяйство ведется на общий счет артелью: улучшать пищу можно, но для этого у заключенных нет средств. Отдельной больницы нет, и больные

---

[1]) Прокламация заключенных, «На Родине», № 3.

[2]) О способах передвижения и содержания осужденных в Сибири я писал, по сообщениям «Народной Воли», в «Gegenwart», 1882 г., № 28.

лежат на нарах рядом с здоровыми; их лечат врачи из товарищей. Величайшим утешением является получение книг и газет и единственною мечтою — возвращение на родину. Надежда эта столь сильна, что заключенные находятся в постоянном возбуждении. Вследствие распоряжения графа Лорис-Меликова от 15 декабря 1880 года положение заключенных значительно ухудшилось. Было уничтожено различие между испытуемыми и окончившими этот срок, так что многие, жившие уже в «вольных командах», были снова заключены в тюрьму. Далее все каторжане должны носить кандалы не только во время работ, но и в тюрьме; наконец была запрещена переписка с родными.

Положение поселенцев, в особенности сосланных на крайний север, напр., в Якутскую область, является во многих отношениях хуже положения осужденных на каторгу. «Мы живем в темноте и для занятий зажигаем свечку часа на $1^1/_2$ — 2, больше тратить на свечи мы не можем; хлеба не едим, а питаемся рыбой, мяса достать нельзя», — так пишет один из ссыльных. Несколько лучше положение ссыльных в городах.

Кроме подследственных и осужденных, в России существует многочисленная категория лиц, находящихся под надзором полиции, и административно-ссыльных. Правила, изданные гр. Игнатьевым 12 марта 1882 г., подняли в Европе целую бурю, но, по моему мнению, несправедливо: они узаконили лишь массу существовавших до того времени секретных циркуляров. Согласно этим правилам, люди «опасного образа мыслей» могут по произволу полиции подвергаться обыскам, аресту и отдаче под полицейский надзор. Им возбраняется заниматься некоторыми профессиями, искать письменной работы в государственных и общественных учреждениях, продолжать образование в учебных заведениях, занимать места в частных и акционерных обществах, словом, существование их делается совершенно невозможным, или же они без всякого суда, административным порядком, высылаются в отдаленные губернии и Сибирь. Таких людей, по некоторым сведениям, во время Лорис-Меликова было 1696 [1]), а при управлении

---

[1]) «Вольное Слово», № 21. Весною 1883 г., по случаю предстоящей коронации, из одной Москвы было выслано громадное число людей в северные и восточные губернии России.

Игнатьева — 2836, число их в действительности, вероятно, гораздо больше. Из 1500 дел, рассмотренных комиссией, учрежденной при министерстве юстиции, в 600 случаях не было найдено данных для судебного расследования [1]). Другая комиссия нашла, что 4% обвинений основаны на ложных доносах. Число лиц, предаваемых суду, становится с течением времени все менее и менее в сравнении с наказанными административным порядком. Не хотят просто возбуждать шума, неизбежного при политических процессах, предпочитая расправляться с подозрительными лицами более тихим путем полицейских распоряжений. И вот из семей вырывают тайно ночью сотни лиц, держат их в тюрьмах, сколько заблагорассудится, и потом, не объясняя даже за что и куда, отправляют их за тысячи верст может быть, для того, чтобы выпустить на свободу среди каких-нибудь якутов или остяков. Многие жены и матери до сих пор не знают, где находятся их мужья и сыновья. В Якутской области живут более 70 административно-ссыльных: из них в Олекминске — 7, в самом Якутске — 10, в Верхоянске и Колымске — по 9, а остальные разбросаны по разным улусам [2]).

Многие из читателей скажут, что эти рассказы революционных листков очень преувеличены! Позволю себе заметить, что я передал далеко не все, что заключается в них; там можно встретить описания еще более ужасных фактов. А затем я вижу большое зло именно в том, что мы не можем слышать никаких голосов, кроме жалоб потерпевшей стороны: ни одна «легальная» русская газета не смеет пикнуть об этом предмете; ни одно учреждение в России не располагает достаточной независимостью, чтобы осмелиться подвергать открытому обсуждению возмутительные факты произвола правительства. «Но цареубийцы и не заслу-

---

[1]) В январской книжке «Вестника Европы» за 1893 г. был напечатан официальный циркуляр военного генерал-губернатора Кауфмана от 14 октября 1865 г. губернатором 6 литовско-белорусских губерний, в котором произвол и беззаконие Муравьева-Вешателя подтверждается документально. Было бы желательно, чтобы обнародованы были поскорее подобные же документы и относительно правителей последних лет.

[2]) «На Родине», № 1, из «Народной Воли». Положение этих людей должно быть ужасным. Один из них пишет, что он без штанов; другой, что он спит на навозе; третий, пропагандист Чиконзе, что питается мясом дохлых собак.

живают другого обращения!» — будет упорно продолжать свои возражения поклонник правительственного авторитета. Такое суждение кажется мне верхом несправедливости. Прямые убийцы царя покончили уже свою жизнь на виселицах, их ближайшие пособники осуждены на вечную каторгу в Сибирь. А другие, которые только разделяют террористические взгляды, и прежние пропагандисты, неповинные ни в чем кроме социалистических речей и распространения революционных сочинений, — они-то ни в каком случае не заслуживают такого обращения! А наконец люди, только заподозренные в «опасном» образе мыслей, в какой стране могли бы они подвергнуться такой жестокости, можно сказать, бесчеловечной каре, как в России? О, нам понятно, почему в груди молодых революционеров клокочет жажда мести; почему они идут на преступления, даже на убийства!..

Однако такая варварская система, как русская, не может быть строго проведена во всех подробностях, — то тут, то там она всегда будет давать трещины. Положение заключенных облегчается тем, что время от времени они завязывают сношения с внешним миром. Некоторые члены партии, остающиеся на воле, занимаются специально этим делом. Напр., С. Перовская долгое время жила в Харькове и передавала заключенным (в центральной тюрьме) платье, деньги и газеты. В начале 1883 года было открыто, что заключенные в Петропавловской крепости устроили, с помощью подкупа часовых (что, конечно, не трудно сделать в России), правильную переписку с товарищами на воле; почта последних находилась, как говорят, на Сенном рынке в Петербурге. Сильная привязанность к товарищам, которых постигло несчастие, и необходимость в их ценной помощи в России вызывают для освобождения их из Сибири целые экспедиции. Так, еще в эпоху социалистической пропаганды, Мышкин, под видом жандарма, проник в место ссылки Чернышевского, но сам был арестован, не достигши цели. После убийства царя Юрий Богданович, организатор подкопа на Малой Садовой, отправился в Сибирь и освободил Клименко. Вообще побег — мечта заключенных и ссыльных. «Календарь Народной Воли» дает на этот счет следующие цифры: от 1861 до 1874 г. — 11 побегов; за 7 лет, от 1876 до 1882 г. — 3, 7, 20, 20, 7, 6, 2,—всего 76 удачных и 35 неудавшихся побегов; кроме того 7 особенно смелых попыток к побегу. В особенности

благоприятны будто бы условия к побегу в Сибири; у кого найдется достаточно денежных средств, тот, как говорят, всегда может убежать. Более всего интересен побег Брешковской и ее товарищей в 1881 г. Солдаты преследовали их на протяжении 180 верст от места ссылки через непроходимые леса вокруг Байкальского озера; беглецы переходили через бушующие реки, перед которыми преследователи останавливались в смущении, карабкались по крутым скалам, вырубая в них ступени, и были в конце концов взяты только потому, что проводник бросил их на произвол судьбы [1]). Так же несчастливо кончился побег Мышкина и его 7 товарищей в мае 1882 г., из которых Мышкин и Хрущов были арестованы во Владивостоке в тот момент, когда собирались сесть на американский пароход.

Тяжела участь захваченных беглецов; наказание их обыкновенно удваивается, да и товарищи их по заключению страдают в этих случаях не мало. На Каре после побега Мышкина напали на оставшихся, избили, заковали в цепи, обрили головы, отобрали все вещи, всю собственную одежду, даже стулья, столы и кровати, так что им приходилось спать на голом полу. Гулять не пускали, из камер не выносили «параш», получающиеся деньги и книги конфисковались для покрытия издержек по поимке беглецов. Вследствие всего этого в конце мая 1882 года был задуман план голодного бунта.

Плохое обращение с заключенными и ссыльными с давних пор вызывает к ним сочувствие русского общества. С самого начала социалистической пропаганды среди студентов и вообще учащейся молодежи обоих полов возникают общества, которые в пользу пострадавших устраивают денежные сборы, балы, постоянные кассы и т. д. Деятельность эта возросла, когда преследования сделались сильнее и наказания строже. Наконец летом 1881 года, при деятельном участии Юрия Богдановича, был основан сначала в Петербурге, а затем в Москве «Красный Крест Народной Воли», по внешности — с целью организовать денежные сборы в пользу заключенных и ссыльных и содействовать их побегам. Даже за границей, при посредстве, главным образом, Стефановича, возникло отделение, — через Засулич, Лаврова и Чайковского в Женеве, Париже

---

[1]) «На Родине», №№ 1 и 3.

и Лондоне; оно принимало пожертвования и в пользу этого общества издало до настоящего времени четыре биографии и 3 выпуска «На Родине». Однако, этот «Красный Крест» служит, повидимому, только вывеской для сборов Исполнительного Комитета в пользу террористической партии; в либеральном «Вольном Слове» появился уже протест против этого [1]); в то же время какое-то другое общество открыло подписку в пользу не только террористов, но всех вообще политических арестованных. Впрочем, на суде, происходившем в апреле 1883 г., Богданович заявил, что по уставу «Красного Креста» члены этого общества должны держаться вдали от всяких революционных предприятий и что скомпрометированные в политическом отношении обязаны выходить из него, чтобы не ставить в затруднение своих товарищей.

---

[1]) В печатаемых нами замечаниях Лаврова уже имеется протест против этого подозрения, заимствованного Туном у «либерального Вольного Слова». Заметим вдобавок, что и «Красный Крест Народной Воли» собирал деньги вовсе не для одних террористов, а для всех политических заключенных и ссыльных. *(Прим. Ред.)*.

О социальной демократии в России.

Письмо к польским издателям «Истории революционных движений в России» А. Туна.

Товарищи!

Вы сделали мне лестное предложение изложить в особой дополнительной главе к книге Туна взгляды и стремления русских социал-демократов. Я очень рад сделать это, так как считаю, что нам давно уже пора объясниться с нашими братьями, польскими социалистами.

Но мы не представляем собою революционной секты с программой, выросшей из какого-нибудь особого утопического принципа. Наши нынешние взгляды и стремления представляют собою органический продукт истории русского революционного движения. Вот почему я должен в своем очерке отвести значительное место оценке этой истории.

Впрочем, не пугайтесь: мои исторические воспоминания не пойдут дальше семидесятых годов XIX века, к которым приурочивается массовое революционное движение так называемой у нас интеллигенции.

В начале этого замечательного десятилетия в нашей революционной среде преобладали два направления: одно из них связывается с именем *П. Л. Лаврова,* другое с именем покойного *М. А. Бакунина.* Судьба этих двух направлений была далеко не одинакова!

П. Л. Лавров несомненно достоин всякого уважения, как человек, связавший с революционным делом все свои симпатии и антипатии, посвятивший ему все свои обширные, разносторонние знания. Но он был и навсегда останется *эклектиком.* В его миросозерцании всегда уживались самые разнородные, даже прямо противоречивые

элементы. Это замечала и не раз указывала еще редакция «*Современника*». Чернышевский зло подсмеивался над философскими произведениями Петра Лавровича; Антонович подвергал их резкой критике. До конца шестидесятых годов никому и в голову не приходило видеть в энциклопедически-образованном полковнике действительного или хотя бы только возможного вождя «молодого поколения». Появление «*Исторических Писем*» значительно изменило дело. Они имели почти такой же успех, как самые значительные сочинения автора «*Что делать?*»—П. П. Лавров приобрел огромную популярность. Наша передовая молодежь с удовольствием, не чуждым удивления, увидела в нем *революционера*. И когда, по прошествии нескольких лет, он, бежав из ссылки заграницу, приступил к изданию периодического издания «*Вперед!*», у него между молодыми революционерами было не мало верных друзей и горячих последователей.

В литературном отношении «*Исторические Письма*» совершенно чужды крупных достоинств. Даже более; очень заметные в них усилия автора отделаться от свойственной ему сухости, тяжеловесности и неуклюжести изложения производят тяжелое впечатление чего-то совершенно неестественного: точно слон старается протанцовать на канате. Что же касается *содержания*, то я уже сказал, что П. Л. Лавров — эклектик. В его исторических взглядах, как в земной коре, при вертикальном ее разрезе, замечается целый ряд постепенно образовавшихся наслоений. На них оставила свой неизгладимый след каждая из сколько-нибудь значительных философских школ, сменявших одна другую в процессе умственного развития западной Европы. Наиболее сильное влияние имели на них, *comme de raison*, немецкие философы до Бруна *Бауера* и Макса *Штирнера* включительно. В качестве добросовестного читателя П. Л. Лавров ознакомился со всеми сколько-нибудь выдающимися мыслителями Германии; в качестве эклектика он не согласился вполне ни с одним из них, но зато ни одного из них целиком не отвергнул. У каждого нашел он частицу истины и заботливо перенес ее в пестрое здание своих собственных взглядов. Но странное дело! В приготовленной таким образом механической смеси частиц различных систем каждая отдельная частица занимает тем *больше места*, чем меньше ценности имеет философия истории того мыслителя, у которого она взята. Этот закон

обратной пропорциональности господствует в «*Исторических Письмах*» с неумолимостью закона природы. Так, например, Шеллинг и Гегель совсем стушевываются, между тем как Кант не перестает смущать автора своим учением о вещи в себе (Ding an sich), а Бруно Бауер совершенно явственным шопотом подсказывает ему свою, как любят выражаться у нас, *формулу* истории. Эта формула очень проста. У П. Л. Лаврова она принимает такой вид: сущность исторического процесса заключается в переработке культуры критически-мыслящими личностями. У Бруно Бауера «*культура*» носила название «*Wirklichkeit*» или «*das Positive*», а «критическая мысль» называлась «*Kritischer Geist*» или «*Selbstbewusstsein*». Но это ничтожное различие в терминологии нисколько не изменяет дела.

Взгляды братьев Бауеров были реакцией против гегелевского идеализма. Как ни законна была эта реакция, она осталась крайне поверхностной и легковесной. Развитие «*самосознания*» служило братьям Бауерам ключем к объяснению всей истории. Совершенно упуская из виду, что это развитие само было неизбежным следствием причин, не зависевших от воли людей и лежавших вне области «самосознания», Бауеры становились в философии истории на точку зрения несравненно более идеалистическую, чем была точка зрения абсолютного идеалиста Гегеля, который уже прекрасно понимал и очень хорошо выяснил, что развитие человеческого самосознания имеет свои глубокие причины, от самосознания не зависящие.

Нам нет надобности рассматривать здесь, почему радикальная реакция против Гегеля явилась в Германии на первых порах в виде крайне поверхностного идеализма. Достаточно сказать, что там дело очень скоро приняло другой оборот. Уже в своей книге «Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik» Маркс и Энгельс показали полную несостоятельность Бауеровских взглядов. К концу сороковых годов основные положения нового *диалектического* материализма были в главных чертах выработаны и легли в «*Манифесте Коммунистической Партии*» в основу практической программы революционного пролетариата. С тех пор передовая мысль западной Европы навсегда распростилась со всеми видами и разновидностями идеализма. Этот период возникновения, разработки и пропаганды нового материалистического миросозерцания

является едва ли не самой интересной в теоретическом отношении и уж несомненно самой важной по своим практическим последствиям эпохой в истории философии. Но именно этот-то период и был совершенно неизвестен П. Л. Лаврову в то время, когда он писал свои *«Исторические Письма»*. Он знал все, что было до *Маркса,* но не имел никакого понятия о *Марксе.* Он усвоил, насколько это возможно для эклектического ума, «последнее слово» до-марксовской радикальной философии со всей теоретической бедностью, со всей научной бессодержательностью этого «слова», и стал строить на фундаменте, который к концу шестидесятых годов представлял собою, благодаря работам Маркса и Энгельса, уже одну развалину. При этом он внес и собственную мысль в план возводимой им постройки. Так, он изобрел, не без позаимствований у Огюста Конта, быстро прославившийся у нас *субъективный метод в социологии,* который не имеет уже ровно ничего общего с научным мышлением [1]), возводя в систему утопический взгляд на общественную жизнь. *Субъективная* российская *«социология»* совершенно разошлась с западно-европейским *научным социализмом.* Когда П. Л. Лавров ознакомился с теориями Маркса, он вообразил, что поправил дело, почтительно признав автора *«Капитала»* своим «великим учителем». Само собою разумеется, что такое признание ровно ничего не поправляло и не могло поправить.

---

[1]) Задача науки, поскольку она имеет дело с *субъектом,* заключается именно в том, чтобы объяснить его посредством *объекта.* Забывать об этом значит совершать смертный грех против науки. Но этого мало. Однажды в разговоре с Экерманом Гёте заметил: «Все эпохи упадка субъективны, и, наоборот, все прогрессивные эпохи имеют объективное направление. Наше время ретроградно и потому субъективно». Не касаясь здесь вопроса о том, в какой мере это общее правило допускает исключения, мы заметим, что русская передовая общественная мысль тем более склонялась к *объективизму,* чем богаче она была *революционным содержанием;* и наоборот: она становилась тем более *субъективной,* чем беднее ее революционное содержание. Чернышевский и Добролюбов были очень далеки от субъективизма. Теперь за субъективный метод хватаются у нас так называющие себя социалисты-революционеры. Но «социалисты-революционеры»—настоящие реакционеры в русском социализме, и о них не даром сказано, что они носят двойное название единственно потому, что их социализм не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом.

Прим. к русск. изданию.

В настоящее время многие русские «социологи» придерживаются «субъективного» метода и стоят за него горою. Но та молодежь, которая с восторгом приветствовала появление «Исторических Писем», очень мало заботилась о социологических методах. Она увлекалась мыслью П. Л. Лаврова относительно *долга образованных классов народу*. Эта мысль давала теоретическое выражение ее практическому стремлению увлечь за собою народ в революционную борьбу с правительством.

Тун рассказывает, через какие колебания прошел автор «*Писем*» при выработке программы «*вперед!*». Я, с своей стороны, замечу, что та программа, которая была, наконец, им принята, ни мало не противоречила точке зрения «*Исторических Писем*». Критически-мыслящие личности обязаны перерабатывать культуру. Под эту формулу, чуждую самомалейшего атома конкретности, очень хорошо может подойти, например, мирная деятельность представителей нашего земского или городского самоуправления. Но под нее с удобством подходит и деятельность революционера. Программа «*Вперед!*» наполняла ее революционным содержанием, которое было, однако, в свою очередь, до последней крайности отвлеченно [1]). Перерабатывать культуру критической мыслью значило теперь заниматься пропагандой социализма. Но в представлении редактора «*Вперед!*» и его последователей эта деятельность немедленно приняла совершенно утопический характер. Западно-евро-

---

[1]) В доказательство приведем чрезвычайно характерный отрывок из передовой статьи № 34 «*Вперед*». П. Л. Лавров описывает, как представляется ему будущий ход революционного движения в России. «Допустим,— говорит он,—что 100 убежденных личностей из молодежи образуют первый кадр социально-революционного союза, что каждый год из этой молодежи приступают к нему новые лица в том же числе, при чем лишь половина из поступивших оказывается годна для действия в народе. Допустим, как выше, что из действующих в народе в конце каждых двух лет остается целой лишь одна четверть, а число лиц, не участвующих в пропаганде, остается неизменно 50 человек. Допустим, что каждый пропагандист из интеллигенции приобретает в 2 года четырех товарищей из народа, а каждый пропагандист из народа в тот же период—втрое более. Допустим наконец, что одна четверть членов союза из народа гибнет впродолжение 2-х лет. При этих предположениях сделаем расчет, как велик оказался бы состав социально-революционного союза при *разумной* и *целесообразной* деятельности его членов после 2, 4 и 6 лет».

пейские социалисты ведут свою пропаганду, опираясь на неотвратимый ход экономического развития буржуазного общества. *В нем* видят они ручательство за удачный исход революционных усилий. П. Л. Лавров был как нельзя более далек от такого взгляда. С его «*субъективной*» точки зрения, за успех социалистов ручались отвлеченное превосходство их «*идеала*» и не менее отвлеченная *справедливость* их требований. Действительное положение трудящеейся массы принималось им в соображение лишь с одной стороны: со

«Мы получим следующие цифры:

Из интеллигенции:	Вначале.	Через 2 года.	Через 4 года.	Через 6 лет.
Вступающих	100	100	100	100
Непропагандистов	50	50	50	50
Пропагандистов	50	50	50	50
Остал. пропагандистов	—	12	15	16
Всего пропагандистов	50	62	65	66
Всего	100	112	115	116

Из народа:	Вначале.	Через 2 года.	Через 4 года.	Через 6 лет.
Привлеченных интеллигенцией.	—	200	248	260
Привл. народн. пропаг.	—	—	2400	33576
Осталось	—	—	150	2098
Всего	—	200	2798	35934
Численность социально-революционного союза:	100	312	2913	3605

«Я припомню, что при надлежащей организации и при разумном действии потеря не должна быть столь значительною, как здесь предположено (она и не была такова при деятельности, далеко не удовлетворявшей этим условиям), но допущу, что пропаганда даст, почему бы то ни было, *втрое* менее выгодные результаты, так что после 6 лет социально-революционный союз будет состоять лишь из 10000 человек, которые усвоили простые начала: *отрицания монопольной собственности, обязательности всеобщего труда для всеобщего развития* и *обязательности всеобщей солидарности рабочих-социалистов* в их свободной группировке, т.-е. из 10000 таких, которые способны подчинить всю свою деятельность при подготовлении революции и после ее совершения этим трем началам. Прибавим, что около этих 10000 *понимающих* находится несравненно обширнейшее число *сочувствующих практическим требованиям* социальной революции, т.-е. насильственному устранению чиновничества и собственников с передачею всей власти и всего имущества в руки народа, хотя при этом понятия о солидарности

стороны ее бедности, со стороны ее эксплоатации государством и имущими классами. Утописту кажется совершенно ясным, что чем более страдает народная масса, тем более она должна обнаруживать склонности к усвоению социализма. Он и не подозревает, что способы производства продуктов и их обмена, существующие в данной стране в данное время, имеют решающее значение для ее дальнейшего социального развития. «Вперед!» не шел дальше весьма неопределенного утопического социализма, и вот почему он, беспрестанно крича о нищете и о вырождении русского народа, не считал нужным взяться за серьезное изучение *экономии России.*

Народная нищета должна была, конечно, иметь в глазах главного редактора этого журнала и свою оборотную сторону: *задавленность* трудящейся массы, ее *невежество.* Но этому горю обязана была пособить *«критическая мысль»* революционеров. Чем меньше знаний у народа, тем больше нужно их пропагандистам. «Вперед!» требовал от этих последних чуть ли не энциклопедического образования. Образование, без всякого сомнения, есть великая вещь. Это прекрасно понимает западный пролетариат. «Знание есть сила; сила есть знание», — охотно повторял Либкнехт. Но вожаки западного пролетариата пользуются своими знаниями для определения объективного хода общественного развития и для выяснения его смысла массе. Знания помогают западным социалистам ориентироваться в этом ходе, находить материальные, экономические условия, ведущие к социальной революции. П. Л. Лавров отводил знаниям совсем другую роль. Запас знаний, имеющийся в распоряжении данного пропагандиста, представлялся ему лишь в виде известного количества *доводов против нынешнего порядка вещей и в пользу социалистического общественного*

всех рабочих, о необходимости всеобщего труда и устранения всякой отдельной собственности, наконец, о свободной группировке личностей были бы далеко не ясны этим многочисленным приверженцам социальной революции. Если мы представим себе после небольшого периода 6 лет 10000 сознательных руководителей народного движения, которые сгруппированы в пяти территориях, наиболее восприимчивых для пропаганды, примерно по 2000 в каждой, и окружены *несравненно большим* числом лиц, готовых каждую минуту итти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала,—то перед нами такая почтенная *революционная армия,* которая в определенную минуту может действительно совершить историческое дело».

Прим. к русск. изданию.

устройства. Когда наша революционная молодежь восстала против лавровской проповеди знания, она была вовсе не так неправа, как это кажется, например, Туну. П. Л. Лавров обвинял ее тогда в невежестве, почти в вандализме. Но невежество ее сказалось только в том, что она, — инстинктивно сознавая, что вопрос поставлен Лавровым неправильно, — не умела определить, в чем же заключается правильная его постановка.

Вся дальнейшая история мира сводилась для социалистов-утопистов, по выражению «*Манифеста Коммунистической Партии*», к распространению их нового евангелия. К тому же сводилась вся дальнейшая история России в глазах наших лавристов. В их утопическом поле зрения не было места для вопросов *политической борьбы. Политическая борьба* казалась им вредной для интересов *социализма:* «Вперед!» твердо держался утопического противопоставления «*социализма*» «*политике*». А так как его сторонники к тому же были против всякого рода *агитационной* деятельности, которая представлялась им вредным отвлечением сил от единоспасающей *пропаганды* «социализма», то скоро они сделались *революционерами только по имени.* Они составили из себя довольно высокомерную общину сектантов, упорно и монотонно осуждавших все то, что заставляло сильнее биться сердце тогдашнего «*радикала*»: студенческие волнения, рабочие стачки, манифестации, сочувственные политическим «преступникам», массовые протесты против безобразий администрации и т. п. и т. п. Это очень раздражило тогдашнюю революционную молодежь; популярность автора «*Исторических Писем*» быстро падала. Одна из политических карикатур того времени изображала его едущим верхом на раке и держащим в руке знамя с надписью: «*Вперед!*», которая била в глаза, как едкая ирония. «Лавризм» с каждым годом, с каждым месяцем терял свое влияние. Некоторые из его приверженцев постепенно превратились в мирных носителей российского прогресса; другие, более активные, сбрасывали с себя давившее их иго «критического» доктринерства и переходили в другие фракции.

В *половине семидесятых годов* влияние *бакунизма* было у нас уже несравненно сильнее влияния журнала «Вперед!». Нам нет здесь дела до того, какую роль играл Бакунин на Западе, и какой вид приняло там его учение. Что касается России, то бакунизм скоро сделался у нас чем-то в роде *анархического славянофильства.* Давно

уже было сказано, что habent sua fata libelli. Общественно-политические теории тоже имеют свою судьбу, подчас очень странную. Сочувствие к социально-революционным движениям Запада зародилось и окрепло у нас в *западническом* лагере. Славянофилы видели в них лишь признак *«гниения»* старой Европы. Они всегда с большим удовольствием противопоставляли им то *«смирение»* и ту *«преданность престолу»,* которые, по их мнению, составляли отличительную черту русского *«народного духа».* Вот почему, в устах всякого революционно- или хотя бы только оппозиционно-настроенного русского, — название *славянофил* скоро сделалось обидным, почти бранным названием. Но с другой стороны, чем ближе подвигаемся мы к семидесятым годам, времени расцвета нашего революционного движения, тем заметнее становится влияние славянофильства на развитие наших революционных идей. Эта кажущаяся странность объясняется очень просто.

Европеизация Московской Руси началась *сверху,* волею первого русского императора, так как необходимость ее сказалась прежде и сильнее всего в области государственной самозащиты и государственного управления. Долгое время она не переходила за границы этой области. Весь «народ», вся огромная масса русского крестьянства и большая часть так называемого у нас купеческого сословия продолжали жить так, как жили они в доброе старое время. По отношению к непривилегированному сословию петровская реформа повела за собой прежде всего страшный рост государственных податей и повинностей, грозивших окончательно задавить его под своим бременем. Крестьянин протестовал, как мог и как умел, вооружаясь иногда вилами и топором, иногда осьмиконечным крестом и старопечатной раскольничьей книгой. Но и в том и в другом случае его протест ни по форме, ни по содержанию не мог быть привлекателен для русского *западника* чистой воды. Наши западники сороковых годов XIX века, глубоко и горячо сочувствуя страданиям угнетенного и обездоленного народа, не видели в нем никаких задатков самостоятельного прогрессивного движения. Удачный исход крестьянского восстания, вроде того, которое совершилось в XVIII столетии под предводительством Пугачева, равносилен был бы в их глазах гибели всего насаженного в России Петром Первым. Прибавьте к этому, что по мере усовершенствования государственной организации крестьянские бунты

становились все разрозненнее и безнадежнее, и вы поймете, почему, например, у *Белинского,* при всей ненависти его к современной ему *«деятельности»,* ни на минуту не возникла надежда на то, что народ сумеет освободить и просветить себя своими собственными усилиями [1]). Совсем незадолго до появления его знаменитого, полного революционного жара, письма к Гоголю, наш гениальный критик, страстно сочувствовавший тогда западному социализму, с убеждением говорит в одной из своих статей, что все прогрессивное может итти у нас *только сверху*. Это было очень последовательно, но за то как это было безнадежно! Ведь Белинский высказывал это убеждение в царствование Николая I — тупого, фанатичного врага всякого поступательного движения!

Начало царствования Александра II, этого Манилова на престоле, как будто подтверждало западнический вывод относительно прогрессивной исторической роли русской правительственной власти. Сам Чернышевский, повидимому, многого ожидал от правильного понимания царизмом своих «интересов». Но уже к концу 50-х годов обнаружилась несостоятельность подобных ожиданий, и тем из сторонников «прогресса», которые не могли и не хотели сидеть сложа руки, оставалось рассчитывать только на

---

[1]) Этот взгляд на народ получил чрезвычайно яркое выражение в стихотворном «отрывке» Н. А. Некрасова, относящемся к 1858 году:

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.
Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятий о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

Прим. к русск. изданию.

революцию. Но для революции нужны силы. Где могли и где должны были искать их тогдашние русские революционеры?

При том взгляде на народ, который господствовал в кружках наших западников 40-х годов, всякие расчеты на него, как на революционную силу, являлись нелепой фантазией. Но в шестидесятых годах взгляд этот должен был значительно поколебаться уже в силу того простого обстоятельства, что уничтожение крепостного права вызвало в крестьянстве значительное возбуждение. Широкое, повсеместное восстание бывших крепостных, не удовлетворенных в своих ожиданиях «настоящей воли», одинаково казалось теперь возможным как правительству, так и революционному «молодому поколению», т.-е. тому общественному слою, который впоследствии скромно назвал себя «интеллигенцией». Что же касалось окончательного результата удачного всенародного восстания, то «молодое поколение», вследствие зародившейся в нем жажды революционной борьбы, должно было рисовать его в своей фантазии совсем не так, как рисовался он в воображении западников. Трудно ли поверить в благие последствия революции тому, у кого все надежды сводятся именно к революции? К услугам революционной молодежи как нельзя более кстати явилась та идеализация старых, веками завещанных нам форм народного быта, которая играла такую видную роль в произведениях славянофилов. Западники ровно ничего не ожидали от народной самодеятельности; славянофилы говорили, что в народе кроются богатые задатки самодеятельного *«гармоничного»* развития [1]). Революционная молодежь конца 60-х и начала 70-х годов прошлого столетия вполне согласилась в этом случае со славянофилами, приняв как догмат, что «гармоническое развитие» пойдет в сторону социализма, и дополнив веру в «самобытные задатки» этого развития верой в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции.

---

[1]) Ю. Самарин, указывая на то, что западный мир выставляет теперь (т.-е. в сороковых годах) «требование общины» (т.-е. социализма), прибавлял, что это требование «совпадает с нашей субстанцией» и что «в оправдание формулы мы приносим быт». В этом он видел точку соприкосновения нашей истории с западной (см. Пыпина: «Характеристика литературных мнений», стр. 298). В этом взгляде Самарина заключается an sich почти все русское народничество.

Прим. к русск. изданию.

Таким образом старый спор был, казалось, окончен, роковой вопрос решен—и *«сверху»,* со стороны «интеллигенции», и *«снизу»,* со стороны народа, ничего не предвиделось, кроме *«прогресса»,* и мы чрезвычайно быстро пошли по пути. . . *славянофильской переделки западно-европейского утопического социализма.* Восторженно чтя память Белинского, мы усвоили себе тот самый взгляд на общественную жизнь, который так часто будил его полемическую страсть и который казался ему *верхом непоследовательности, торжеством обскурантизма.*

Чернышевский сблизился со славянофильской школой в своем взгляде на общину; *Щапов* пошел в этом направлении несравненно дальше Чернышевского, а *Бакунин* был убежден, что в русском народе находятся налицо в самых широких размерах те «элементы», которые являются необходимыми условиями социальной революции. Победить своих врагов народу мешает недостаток сплоченности и организации, а не отсутствие «общего идеала», который «был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Такой общий идеал, по мнению Бакунина, существует, «и нет даже необходимости далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты». Важнейшей чертой народного идеала оказывается «убеждение в том, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом, оплодотворяющему ее своим трудом»; вторая черта — приверженность к общинному землевладению; третья, «одинаковой важности с двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение к государству» [1]).

«Углубляясь в историческое сознание нашего народа», славянофилы находили, что народный идеал был в значительной степени осуществлен в нашем старом, допетровском *государстве.* Щапов и Бакунин видели в государстве *отрицание* народного идеала, *посягательство на самоуправление общин* и на свободную федерацию этих общин *«снизу вверх».* Таким образом центр тяжести идеализации «исторического сознания нашего народа» частью переносился в древнейший, домосковский период, частью приурочивался к народным протестам против непрерывного роста податей и повинностей,

---

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 7—10.

шедшего рука об руку с развитием и упрочением государства [1]. Русские народники, ближайшие потомки русских бакунистов, казались И. С. Аксакову непоследовательными, сбившимися с прямого пути, славянофилами. С своей стороны народники могли упрекнуть славянофилов в том, что они, «углубляясь в историческое сознание нашего народа», останавливались на полдороге и идеализировали такие черты общественных отношений Московской Руси, в которых сам народ не видел ровно ничего идеального.

Как бы там ни было, указывая на отсутствие сплоченности и организации в народе, Бакунин тем самым определял задачу революционной интеллигенции: объединить народные протесты, придать им стройный организованный вид. Эту задачу и старались всеми силами разрешить все наши революционеры половины семидесятых годов, находившиеся под влиянием бакунинских воззрений.

Бакунизм—это тоже доктринёрство, тем более крайнее и упрямое в своих выводах, чем глубже презирал доктринёров его основатель. Ни одно из положений Бакунина не могло бы выдержать самого легкого прикосновения научной критики. Но в бакунизме была одна сильная сторона, спасшая его сторонников от застоя. Этой сильной стороной являлось *пристрастие* к *«агитации»*, к *«бунтам»*. Какими нелепыми доводами защищали «бунты» некоторые из русских бакунистов, могла бы показать ходившая в конце семидесятых годов из кружка в кружок рукописная брошюра покойного Каблица: «*Мысли революционера*». Основное положение ее заключалось в том, что так как *ум* всегда повинуется *чувству*, а чувство воспитывается *упражнением;* так как кроме того *бунты* воспитывают в народе *чувство протеста,* то они гораздо скорее, чем *пропаганда,* подготовят его к социальной революции. *Народники (общество «Земля и Воля»)* подсмеивались над этой брошюрой, автор которой никогда не считался дельным революционером. Но это не мешало им видеть в бунтах лучшее воспитательное средство для народной массы. Они сами бредили «агитацией», они сами всюду искали «бунтов», а именно это обстоятельство рано или поздно должно было эмансипировать их от *бакунизма*.

---

[1]) И. С. Аксаков третировал Разина и Пугачева, как *разбойников;* М. А. Бакунин считал разбойников *инстинктивными революционерами.*

Прим. к русск. изд.

«Несмотря на недостаток в нем сплоченности и организации, наш народ беспрерывно протестовал против гнета государства и высших сословий. Он и до сих пор с ним не помирился. И до сих пор то здесь, то там постоянно волнуются крестьяне. Мы должны пользоваться этими волнениями, мы должны расширять и организовать их». Так говорили бунтари-народники, и уже с конца 1876 г. общество *«Земля и Воля»,* в программу которого вошли все основные положения бакунизма, стало заводить прочные «*поселения в народе*», постепенно распространившиеся по всему среднему и нижнему Поволжью, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Дело шло, пожалуй, очень недурно: поселенцы нередко становились влиятельными людьми в деревне. Но от этого мало выигрывало *«святое дело бунта»,* как выражался Бакунин. *Идя «в народ»,* бунтарь помнил преимущественно то, что в России ежегодно происходит не мало столкновений крестьян с помещиками и администрацией. Это была, так сказать, *качественная* сторона дела, повидимому, ручавшаяся за «бунтарское» настроение народной массы. Но, *поселившись* в деревне, он под влиянием опыта, а отчасти, пожалуй, и скуки, переходил к *количественной* стороне того же дела. У него возникал такой вопрос: сколько лет мне придется ждать бунта в моей деревне, принимая во внимание, что несколько десятков крестьянских волнений ежегодно приходится на несколько сот тысяч деревень? В ответ получалась довольно-таки большая цифра, погружавшая «бунтаря» в крайне грустные размышления. К этому присоединялось еще и вот что.

«Бунтарь» шел в народ с тем, чтобы поднимать его против *всякого вообще государства,* во имя свободной федерации свободных общин. Но на деле выходило, что *агитация,* поскольку она возможна была в деревне, сводилась к протесту против *нынешнего полицейско-сословного* государства. Проклинавший «*политику*» бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором,* хотя в деревне «народные идеалы» ставили даже и для такой агитации очень тесные пределы: в большинстве случаев крестьяне упорно связывали с *верой в царя* все свои надежды на лучшее будущее [1]).

---

[1]) Потому-то так называемое *чигиринское дело* и осталось самым крупным проявлением революционной работы народников в крестьянской среде.

Прим. к русск. изд.

Но в деревне жизнь текла медленно; в городе впечатления сменялись несравненно быстрее. С тогдашней бунтарско-народнической точки зрения роль *города* в предстоящей революции была совершенно ничтожна. Бунтовать надо было *народ,* а народ, — настоящий, неиспорченный цивилизацией народ—можно было найти только в деревне. Но жившим в деревнях «бунтарям» нужны были паспорта, деньги, адреса, связи, новые, свежие революционные силы. Поэтому многие из их товарищей оставались в городах, где только и можно было найти средства для удовлетворения всех этих многоразличных потребностей. Занятые преимущественно делами *организации,* остававшиеся в городах «бунтари» и там не упускали, однако, случаев предаться *святому делу бунта.* А в городах, особенно в Петербурге, таких случаев было тогда не мало. Уже одни политические процессы давали прекрасные поводы для агитации. К этому надо прибавить довольно крупные стачки рабочих, довольно громкие студенческие «беспорядки»... Начиная с весны 1876 г. в Петербурге происходит ряд демонстраций, которые доходят до своего апогея весною 1878 г., во время *процесса В. И. Засулич.* Страсти все более и более разгораются; борьба становится все более и более ожесточенной. И здесь особенно заметно, что борьба ведется не с *государством* вообще, а с *полицейским* государством. *Лавристы* не переставали кричать, что бунтари, забыв о *социализме,* борются лишь за *политическую свободу.* «Бунтари» и сами чувствовали, что их *агитационная деятельность* плохо вяжется с их *«социализмом»,* но верный революционный инстинкт неудержимо толкал их вперед, и они, очень слабо и неудачно защищая свою агитацию *в теории,* очень ловко и настойчиво занимались ею *на практике.*

Борьба велась главным образом силами *«интеллигенции».* Рабочее население столицы только еще начинало тогда входить во вкус *«неповиновения власти»,* и как ни быстро прогрессировало оно в этомнаправлении, оно еще не оказывало *массовой* поддержки революционерам. Так называемое общество, втайне сочувствуя революционерам, ясно видело, что сила еще не на их стороне, и потому не вмешивалось в открытые столкновения их с правительством. Таким образом, в случаях подобных столкновений, революционная интеллигенция была почти целиком предоставлена своим собственным силам. Этих сил было слишком мало *не только для по-*

беды, но даже для сколько-нибудь *серьезного сопротивления в открытом бою.* Но во второй половине семидесятых годов борьба разгорелась уже так сильно, что необходимо должна была дойти до своего логического конца. Следовательно, надо было найти для нее *новые* приемы. Эти приемы даны были в *терроре,* который уже практиковался тогда под названием *дезорганизации правительства.* Террор позволял наносить правительству сильные удары, несмотря на очевидное, страшное превосходство его сил над силами революционеров. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь к нему все симпатии революционеров. «Бунтарская» деятельность в народе незаметно отошла на второй план, жившие в деревнях «бунтари» с отчаянием увидели, что приток к ним новых сил совершенно прекращается. Они, восхищавшиеся прежде каждым удачным террористическим действием своих городских товарищей, *стали решительно и страстно отрицать террор.* Обыкновенно история этих разногласий изображается в том виде, что народники старого направления стояли за какую-то мирную деятельность, а террористы стремились к революции. В действительности спор шел о том, продолжать ли *революционные* — «*бунтарские*» — попытки в народе, или, *махнув рукой на народ,* ограничить революционное дело *единоборством интеллигенции с правительством.* Спор этот должен был решиться на Воронежском съезде летом 1879 года.

Мы видели, что бунтарская деятельность в деревне оказалась далеко не такой легкой задачей, какой считали ее бунтари, заводя свои «поселения». Становилось ясно, что широкий крестьянский «бунт» мог быть делом разве лишь очень далекого будущего, между тем как «террор» сулил близкую победу. Весы не могли не склониться в пользу террора.

На Воронежском съезде оппозиция «деревенщиков» привела лишь к тому, что общество *«Земля и Воля»,* возникшее за несколько лет перед тем *с исключительною целью* агитации в народе, согласилось *поддерживать* бунтарские «*поселения*», посвящая им *одну треть своих средств.* И все понимали тогда, что это только временная уступка со стороны «*террористов*», что их деятельность, в конце концов, поглотит даже и те средства, которые они согласились предоставить в распоряжение «*бунтарей*». Разрыв стал неизбежен. Но он ни мало не изменил естественного течения событий. Старое революционное народничество было осуждено

на смерть самою жизнью, попытка *«чернопередельцев»* привлечь к нему новые силы окончилась полнейшей неудачей. Даже та часть революционной молодежи, которая сочувствовала программе *«Черного Передела»,* не покидала городов, и скоро одно за другим исчезли все или почти все «бунтарские» «поселения в народе».

Сосредоточить все силы на «терроре» значило направить их целиком на борьбу за *ту политическую свободу,* которую предавал анафеме каждый правоверный бакунист и народник. На практике партия *«Народной Воли»* была поэтому полным отрицанием бакунизма и народничества. Но *теоретически* она была как нельзя более далека от полного разрыва с ними. Она еще твердо держалась завещанного утопическим социализмом противопоставления *«социализма» «политике».* Ее социалистическая совесть не могла оправдать ее исключительное занятие *политической* борьбою. Еще громче, чем социалистическая совесть возбужденной и увлеченной борьбою «Партии Народной Воли», роптала окружающая ее, как атмосфера, но не принадлежащая к ее организации масса революционной интеллигенции. Противоположение социализма политике становилось тормозом движения. Устранить этот тормоз помогла *теория захвата власти.* Народовольцы стали рассуждать так: если бы наша борьба привела *только* к торжеству политической свободы, то это, действительно, могло бы быть вредно для народа, так как за политическим освобождением последовало бы усиленное развитие капитализма, а следовательно и усиленное разложение старых экономических основ крестьянского быта. Но если мы, социалисты, в искренности которых нельзя сомневаться, сумеем, повалив абсолютизм, захватить власть в свои руки, то восторжествует уже не *капитализм,* а *социализм,* и народ бесконечно много выиграет от нашего успеха. Осуществление нашей социалистической программы будет для нас тем легче, что в России очень слабо развит капитализм, что в ней очень прочна община, очень крепки народные идеалы, и что вообще она *не-Запад* [1]). Таким образом, то самое теоретическое затруднение, которое, казалось бы, должно было заставить русских революционеров подвергнуть критическому пересмотру все основы «рус-

[1]) Для примера см. статью Л. Тихомирова: *«Чего нам ждать от революции?»* во второй книжке *«Вестника Народной Воли».*

ского», отрицавшего политику социализма, на первых порах привело лишь к укреплению и без того сильных в нем элементов *славянофильства.* Покойный Тихомиров был уже настоящим славянофилом, хотя и не анархического, как Бакунин, а якобинского толка. С появлением «Партии Народной Воли» вообще восторжествовало у нас остававшееся до сих пор чрезвычайно слабым *якобинское направление Ткачева.* Но не нужно забывать, что Ткачев совершенно разделял общие взгляды Бакунина на русскую народную жизнь, расходясь с ним лишь по вопросам о приемах революционной борьбы и о значении «государства». Поэтому якобинский дух «Партии Народной Воли» вовсе не обозначал собою полного разрыва с бакунизмом.

«*Террор*» явился у нас естественным плодом *слабости сил* революционной партии, пытавшейся, несмотря на эту слабость, нанести окончательный удар правительству. Та же самая причина обусловила собою и неудачу террористической борьбы. После 1 марта 1881 года «Партия Народной Воли» быстро клонится к упадку. В конце первой половины 80-х годов *организованное* революционное движение перестало существовать в России. *Его цикл был закончен.* Революционная интеллигенция обнаружила геройское самоотвержение; она совершила блестящие подвиги, но ее силы были окончательно истощены, между тем как реакция росла и крепла.

Наступившее затишье было благоприятно для русской революции, по крайней мере, в одном отношении: оно давало уцелевшим от погрома революционерам повод и время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую историю их движения. Когда все приходилось начинать заново, ничто не могло помешать обновлению наших революционных теорий. Всякий революционер, не принесший своей «критической мысли» в жертву «великим теням», невольно спрашивал себя, — что такое собственно был тот «социализм», под знаменем которого совершалась до сих пор наша борьба? При некотором знакомстве с западно-европейской социалистической литературой легко было увидеть, что во всех своих видах и разновидностях представлял он собою самую плоскую переработку утопического социализма. А раз была обнаружена его *теоретическая* несостоятельность, нетрудно было понять, в чем заключается источник его *практической* слабости.

Как мы видели, наша «*интеллигенция*» уже с начала шестидесятых годов хорошо сознавала, что ей надо искать поддержки в «народе». В восьмидесятых годах, когда опыт так явственно подтвердил ей, что она своими собственными силами не одолеет царизма, «*народ*» должен был явиться в ее глазах еще более желанным союзником. Но прежде *интеллигенция* смотрела на «*народ*» через *славянофильскую* призму. Теперь тот же опыт — неудача народнических революционных усилий — заставлял подозревать, что эта призма искажает истинные образы предметов. Считавшийся оконченным спор славянофилов с западниками оживал в новом виде.

«*Народные идеалы*» (оставляя в стороне вопрос о том, насколько правильно *народническое* представление о них) ни в каком случае не могут служить показателем *будущего* общественного развития страны. «Идеалы» всякого народа возникают на реальной общественной основе. С исчезновением этой основы они продолжают еще существовать некоторое время по закону инерции, чтобы исчезнуть затем в свою очередь, уступив место новым идеалам, выростающим на почве новых условий. «Углубиться» в «историческое сознание» народа всегда полезно; но еще полезнее для революционной партии «углубиться» в изучение *экономии* той страны, где она действует. Да и этого мало. Не довольствуясь констатированием *существующих* отношений, она должна определить направление их *развития,* понять смысл того, что *возникает.* Сила исторической философии Маркса, которая в восьмидесятых годах была уже общепризнанной основой западно-европейского социализма, и с которой, следовательно, нам прежде всего надо было справляться, заключается именно в том, что она рассматривает все общественные явления с точки зрения их развития, с точки зрения их возникновения и уничтожения. Марксизм никогда не искал в *застое* основы ни для революционных ожиданий в будущем, ни для практических революционных действий в настоящем. С точки зрения марксизма ясно было, что не экономический застой, охраняющий старые формы жизни, а экономическое *движение,* расшатывающее историческую основу царизма, подготовит у нас торжество революционной партии. В применении к «народу» это означало, что решающая прогрессивная роль в дальнейшем развитии России будет принадлежать не тем слоям ее населения,

которые живут при старых, постепенно исчезающих условиях, а тем, которые возникают, растут и усиливаются вследствие современного нам экономического развития. Естественным, ближайшим союзником революционеров оказывался поэтому не ветхозаветный *крестьянин,* а современный *пролетарий.* Не сразу освоился с этим выводом «русский социалист», которому двадцатилетняя привычка мешала видеть в пролетариате что-либо, кроме пассивного продукта исторической «буржуазной цивилизации». Та же привычка заставляла его преувеличивать экономическую самобытность России. Даже перестав видеть в нашей экономической отсталости надежнейший залог своего успеха, он все-таки не без труда мог освоиться с тою мыслью, что история, без его ведома и вопреки как его собственным, так и «народным идеалам», уже создала новую революционную силу. Но факты говорили сами за себя. Все исследователи русской жизни сходились между собою в том, что внутреннее разложение общины идет вперед с постоянно возрастающим ускорением, что в завещанном нам историей крестьянском *сословии* быстро образуются два новых класса—буржуазия и пролетариат; что капитализм торжествует по всей линии. Правда, почти каждый исследователь был при этом убежден, что дело можно еще поправить, и предлагал свою утопию с более или менее ясно выраженным гомеопатическим характером. Но мы уже знали цену утопиям.

Неожиданный для нас самих вывод относительно революционного значения русского пролетариата как нельзя более подтверждался *историей нашего движения.* «Бунтари»-народники никогда не задавались, да и не могли задаваться целью систематического воздействия на промышленный пролетариат; единственное, что они могли сказать ему, сводилось к очень мало утешительному и вовсе непоучительному выводу: ты — испорченное цивилизацией дитя русского народа; и лучше было бы, если бы тебя совсем не существовало. Само собою понятно, что столь печальный вывод никак не мог содействовать политическому развитию русского рабочего класса. Но — такова сила вещей! — его сознание *все-таки развивалось.* Рабочая *масса* уже в половине 70-х годов приходила к тому убеждению, что студенты (так называл, — да вероятно и теперь называет, — народ революционеров), борясь с правительством, отстаивают самые насущные народные интересы. А что

касается *передовых представителей* этой массы, то они в лице *«Северно-Русского Рабочего Союза» раньше интеллигенции* поняли нелепость противоположения политики социализму [1]).

Обезнародьте народ, рассуждал в 60-х годах славянофил И. С. Аксаков, и наши теории окажутся лишенными всякой реальной основы; у нас явится почва для революционных движений, подобных западно-европейским. И. С. Аксаков прав, хотя в качестве русского «интеллигента» 40-х годов он был лишен всякого экономического образования, а поэтому даже и не подозревал, откуда может взяться влияние, способное *«обезнародить народ»,* идеализованный славянофилами.

Русское правительство вынуждено было продолжать начатый Петром процесс европеизации, хотя само оно, конечно, ни мало не думало при этом о прогрессивном воздействии на русский народ. Оно повиновалось всемогущей исторической необходимости, но мало-по-малу европеизация коснулась самых глубоких оснований русской народной жизни, перестроила всю экономику России, и необходимым следствием этого явилось враждебное правительству освободительное *течение снизу.* Старый спор славянофилов с западниками, начавшийся на философской почве, решался политической экономией.

Раз обращено было революционерами внимание на это решение, восстановлялась логическая нить развития русской революционной мысли, порванная проникновением в Россию теории утопического социализма. Еще Белинский с восторгом приветствовал появление *«Deutsch-Französischen Jahrbücher»* Маркса и Руге. А теперь мы, русские социал-демократы, считаем распространение в России взглядов Маркса важнейшей задачей нашей пропаганды.

Итак, наша новая точка зрения делала решительно невозможным для нас страх перед успехами русского *капитализма,* совершенно немыслимым сомнение относительно пользы *политической свободы.* Противопоставление социализма «политике», очень вредное на практике, оказывалось нелепым и в теории, так как *всякая классовая борьба есть политическая.* Народовольческая фикция захвата власти социалистами-заговорщиками становилась

---

[1]) См. об этом в моей брошюре: «Русский рабочий в революционном движении».

излишней, потому что само собою падало то затруднение, ввиду которого она была придумана. Она уступала место сознанию необходимости воспитать пролетариат для его будущего *господства.* Наконец, изменялся взгляд и на террор. Когда борьба велась силами одной интеллигенции, он сделался безусловно неизбежным, как только борьба достигла значительной степени напряженности. Но когда расширится русло русского революционного движения, он приобретает условное, относительное значение приема, который может быть полезен, а может быть и вреден, смотря по положению дел партии в данное время.

Взгляды русских социал-демократов на первых порах вызвали против себя целую бурю. Но постепенно волнение улеглось, и теперь, после десятилетней литературной деятельности, мы можем сказать, что в теоретическом отношении наша цель почти достигнута: возврат к старым революционным теориям теперь уже совершенно невозможен, и каждая, даже самая враждебная нам группа русских революционеров, на три четверти усвоила себе наши идеи. Если многие до сих пор еще *не совсем* соглашаются с нами, то это происходит потому, что, к сожалению, многие еще *не вполне нас понимают.*

Во-первых, нашего «интеллигента» все еще продолжает смущать призрак неподвижности русских экономических отношений. Он все еще нередко продолжает сомневаться в применимости к нам марксизма на том основании, что у нас «*мало рабочих*». Но эти сомнения являются последними, предсмертными судорогами старого, утопического миросозерцания. Вырвав корень этого миросозерцания, мы, конечно, скоро приведем наших товарищей к убеждению в том, что если у нас «*мало рабочих*», то из этого еще не следует, что у нас должно быть *много утопических предрассудков.* Уже близко то время, когда марксизм станет единственным критерием наших революционных программ и учений.

Во-вторых, и именно в силу правила: «*возмещай недостаток рабочих обилием предрассудков*», наши взгляды часто истолковываются в том смысле, что мы, стремясь иметь дело с рабочими, не хотим ничего знать, кроме рабочих. Покойный Пржевальский рассказывал в одном из своих путешествий, что он и его товарищи заводили больших собак, отгонявших от их стоянок туземцев. Нас понимают иногда в том смысле, что мы не прочь подражать

Пржевальскому, чтобы отогнать от себя все слои русского населения, кроме пролетариата. Но если бы кто-нибудь из русских социал-демократов и заслужил подобный упрек, то это показывало бы только, что он не понимает того самого учения, под знамя которого становится. Учение Маркса должно и будет служить нам не для того, чтобы отталкивать от себя недовольные элементы русского населения, но для того, чтобы уметь привлекать их и воздействовать на них, не смущаясь никакими предрассудками. Как показано выше, уже бунтари-народники вынуждены были вести политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будем вести ту же борьбу, хорошо сознавая значение политических прав в деле освобождения рабочих. «Партия Народной Воли» сосредоточила все свои силы на борьбе с царской властью, извиняясь перед «социализмом» с помощью *фикций.* Мы будем продолжать ее великое дело, но мы не будем нуждаться в фикциях: для нас не существует противоположения *социализма политике,* бунтари отрицали ее во имя *«агитации».* Мы будем заниматься и тем и другим, так как никакая агитация *немыслима* без пропаганды и всякая пропаганда *бессмысленна,* если она не приводит к агитации, *ко влиянию на массу.*

Революционное затишье, наступившее в России после 1 марта 1881 года, многим казалось странным, почти необъяснимым. Но в сущности причины его совершенно ясны. Движение семидесятых годов было, как я сказал, преимущественно движением «интеллигенции», иначе разночинцев, этого первого общественного слоя, всколыхнувшегося под влиянием глубокого социального переворота, пережитого Россией в предшествовавшее десятилетие. Силы этого слоя были окончательно истощены в такое время, когда другие, более сильные слои еще не могли взять его дело в свои руки. Рабочий класс еще только *созревал* для революционной борьбы, а террор скорее замедлил, чем ускорил процесс его созревания. Буржуазия в ее целом имела не мало причин быть недовольной правительством, но гораздо более многочисленные и гораздо более важные причины заставляли ее «обожать монарха». Реформы Александра II дали ей множество способов легкой и верной наживы. Они впервые сделали ее влиятельным общественным классом. Из официальных данных видно, что русские предприниматели полу-

чают, говоря вообще, огромную прибыль на свои капиталы. Правительство, которое создает, поддерживает и умножает условия для столь быстрого роста капитала, не может не казаться капиталистам *почти идеальным* правительством. Вот почему наш «*либерализм*» увлекал до сих пор только людей «*либеральных профессий»:* преподавателей, журналистов, адвокатов и т. п. *либералов по профессии.* Эта часть буржуазии либеральничала в меру своих сил, т.-е. очень скромно. Остальная, наибольшая и несравненно более влиятельная часть ее видела в революционерах вреднейших врагов «порядка», т.-е. ее собственного баснословно-быстрого обогащения. Еще совсем недавно (22 мая старого стиля) министр финансов на торжественном заседании рыбинской биржи по случаю ее пятидесятилетия, провозгласив тост за *русское купечество,* сказал, что «исторический» опыт показывает, и сам он проникнут тем убеждением, что торговое сословие составляет надежный оплот престолу и отечеству, и что, без сомнения, и впредь будет так, и «*всегда во веки веков*» *(это подлинные слова г. министра).* Но известно, что, когда официальные лица рассуждают об истории, они видят только *ее заднюю часть.* Г. министр позабыл спросить себя, на чем основывается его вера в будущий, вековечный союз «российского купечества» с монархией. Купеческая мошна — ненадежный союзник. Она поддерживает лишь тех, от кого ожидает выгод, и *только до тех* пор, *пока* ожидает выгод. Она не знает благодарности. Русский абсолютизм в последние два царствования ревностно служил буржуазии. Но чем более усердствовал он в этом отношении, тем более подрывал он свои средства служить ей *в будущем.* Ее баснословно быстрое *обогащение* покупалось ценою столь же быстрого *обнищания* крестьянства. Дело дошло, наконец, до того, что земледельческое население оказалось осужденным на *хронический голод.* Но хронический голод в стране, где фабрично-заводское производство рассчитано преимущественно на внутренний рынок, грозит банкротством самой буржуазии. Уже по одному этому ее преданность и престолу и отечеству (т.-е., на официальном языке, тому же престолу) подвергается сильному испытанию; но это далеко не все. Разорив мужика, правительство вынуждено будет обратиться за деньгами к той самой буржуазии, которая умела только *получать* их из государственного казначейства в виде всевозможных «субсидий». Подобного испытания купеческая мошна

не выдержит, и мы, вопреки уверенности г. министра финансов, можем высказать свою уверенность в том, что приближается время разрыва «российского купечества» со *всероссийским деспотизмом.*

Наша буржуазия еще очень плохо воспитана в политическом отношении. Пока будет совершаться ее политическое воспитание, ее передовые элементы, ее «идеологи» по необходимости будут подпадать под влияние более зрелых элементов революционной «интеллигенции». Кто понимает важность одного этого обстоятельства для нашего социалистического движения, тот не скажет, что мы можем *не обращать внимания на буржуазию.*

Но важнее этого другое, только что высказанное мною соображение. Пока мы «углублялись в историческое сознание русского народа», окончательно исчезла та экономическая почва, на которой оно выросло. Дело тут не в том, что народ беднел все более и более, как ни важно само по себе это явление. Дело в том, что *количественные изменения* в положении земледельца, беспрерывно накопляясь, привели к глубокому *качественному* его изменению. Теперь русский земледелец совсем не тот идеализированный крестьянин, с которым собирались иметь дело революционеры-народники 70-х годов. Совершенно выбитый из своего старого, веками завещанного крестьянского обихода, он поневоле приходит в движение и поневоле начинает расшатывать здание абсолютизма, прочно покоившееся на его широкой спине в течение целых столетий. Вот почему было бы величайшей нелепостью, невероятнейшим доктринерством думать, что русские социал-демократы *не должны воздействовать на крестьянство.* Совершенно наоборот. Мы *обязаны* воздействовать на крестьянство, мы *обязаны* употребить все усилия, чтобы внести в его среду революционное сознание, заботясь только о том, чтобы *крестьянство перестало воздействовать на* нас, т.-е., чтобы воспоминание об его «историческом сознании» не поддерживало «интеллигентской» склонности к утопиям. В этом смысле мы и говорим, что, воздействуя на крестьянство, интеллигенция должна *твердо держаться точки зрения пролетариата.* А кому ясен этот смысл наших слов, тот понимает, что «*много*» или «*мало*» у нас «*рабочих»,* но правильная оценка современных наших общественных отношений может быть дана только современным научным социализмом, и что дело не в числе рабочих,

существующих в данное время, а в общем направлении нашего экономического развития [1]).

В России есть люди, уже ставшие на точку зрения научного социализма, но еще не решающиеся признать себя *социал-демократами.* Это происходит потому, что нам приписывают стремление ввести у нас *тактику* немецких социал-демократов. Само собою понятно, что мы были бы сумасшедшими, если бы помышляли о чем-нибудь подобном. Мы назвали себя *социал-демократами* не потому, что хотели обезьянить немцев, а потому, что, по нашему мнению, русским революционерам следовало перестать *обезьянить Бакунина,* считавшего социал-демократию воплощением *реакции.* Мы убеждены, что этот предрассудок должен быть уничтожен в интересах русского рабочего класса, который даже по легальным изданиям может отчасти следить за огромными успехами пролетариата соседней страны. Каждая победа немецких социал-демократов должна напоминать русскому рабочему, что по обе стороны границы борьба ведется, несмотря на различие местных условий, за торжество того же самого принципа. Этого, разумеется, не достигнете *одним названием:* к этому должна вести вся *наша деятельность;* но этому не должно и мешать различие партийных названий, способное лишь сбивать с толку людей, не совсем подготовленных.

Мы будем... Но мне могут заметить, что если кому-нибудь интересны мои *взгляды,* то ни для кого не убедительны мои ручательства за *будущее,* и что поэтому мне следует говорить: *мы должны, а не мы будем.* Я согласен признать справедливость подобного замечания и говорю: *мы должны* поступать вышеуказанным образом под страхом революционного *вырождения,* под страхом превращения в секту, *замечательную только своим бесплодием,* в доктринеров вроде блаженной памяти лавристов...

В вашем письме вы спрашиваете меня, товарищи, какова организация русских социал-демократов. Я не хочу вводить вас в заблуждение: беседуя с вами, я считаю своею святою обязанностью, по выражению Лассаля, *aussprechen was ist,* и потому я

---

[1]) Уже в «*Наших Разногласиях*» я показал, до какой степени неосновательны рассчеты, приводящие к выводу: у нас мало рабочих. Но, повторяю, каково бы ни было число их в настоящее время, из него никак нельзя вывести нашего права на предрассудки.

отвечу вам, что со стороны организации наше положение оставляет желать очень и очень многого. В России вообще, а не только между социал-демократами, пока еще нет сильной революционной организации. Остается говорить лишь о наших *пожеланиях* на этот счет. А пожелания наши сводятся к созданию подвижной боевой организации, вроде общества «*Земля и Воля*» или «*Партия Народной Воли*», организации, являющейся *всюду, где можно нанести удар правительству, поддерживающей всякое революционное движение против существующего порядка вещей, и в то же время ни на минуту не упускающей из виду будущности нашего движения*. Скоро ли нам удастся осуществить такой идеал? — Не знаем. Но то несомненно, что мы тем скорее придем к его осуществлению, чем скорее и полнее усвоят наши революционеры принципы *научного социализма*.

Нынешнее положение России как нельзя более революционно. Помешать успешному действию революционеров могли бы разве лишь два врага: не совсем еще исчезнувшие старые предрассудки, или плохое, *узкое понимание новой программы*. Справившись с этими врагами, революционная партия может не бояться за свое будущее. Все объективные условия ее успеха находятся налицо, а в субъективном отношении ей нужны будут тогда только три вещи: *de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace!*

Г. Плеханов.

Май 1893 года.

Некоторые примечания П. Л. Лаврова

к польскому изданию А. Туна.

Стр. 97. Я был профессором в артиллерийской академии, а не в военной (так называемая обыкновенно академия генерального штаба).

Стр. 97. Именно мой реферат об анабаптистах не имел особенного успеха: он был слишком длинен; другие рефераты имели больший успех.

Стр. 97. Между мной и каракозовцами не было решительно никакой связи. Ни во время следствия, ни в приговоре обо мне совершенно не упоминается. Хотя меня арестовали и сослали тогда же, когда разбиралось их дело, но против меня были другие пункты обвинения.

Стр. 97. В Парижской Коммуне я, собственно говоря, не принимал участия, хотя имел не мало друзей в числе ее участников (в особенности Варлена). Имея в виду содействие коммунарам, я по своей инициативе поехал в Лондон и Брюссель, когда уже дела Коммуны шли плохо (я, однако, сообщил об этом Варлену и его товарищам). Но сомневаюсь, чтобы все это можно было назвать деятельным участием в восстании.

Стр. 98. О различных программах «Вперед» до его выхода в свет Тун не мог иметь подробных сведений, так как никто не мог их иметь, кроме меня.

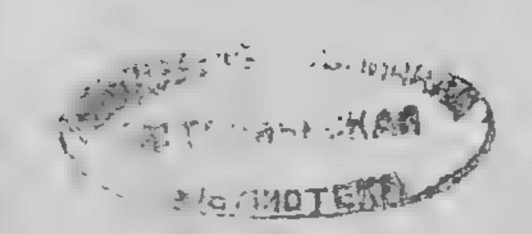
Когда мне предложили в начале весны 1872 г. основать революционный орган, я совсем не знал группировки революционных сил в России. С группами «чайковцев» (тогда уже несуществующими), как и с другими подобными группами, я не имел никаких связей; я знал только оппозиционные стремления моих личных друзей, литераторов радикалов и либералов. Первый проект программы, составленный в течение двух дней, был только проектом—

как приступить к изданию органа, и ничем больше. Проект был приноровлен к лицам, которых я считал будущими сотрудниками. Вопреки моему желанию, проект был отлитографирован раньше, чем я мог убедиться, насколько правильны мои предположения. В сентябре 1872 г. я убедился, что они были неправильны, что никто из литераторов, хотя бы радикальнейших, не присоединится к этой программе, но зато я узнал, что революционные стремления и даже начала организации развились среди молодежи гораздо более, чем я предполагал во время моего пребывания в России в 1870 г., и что следовало рассчитывать на сотрудников именно из этой среды. В этом духе была составлена другая программа, которую друзья повезли в Россию. Когда весной 1873 г. дело касалось издания № 1 «Вперед», тогда программа эта была еще раз исправлена (незначительно), принимая во внимание те литературные силы, которые были уже тогда в действительности моими помощниками в этом деле. Вообще было бы довольно ошибочно принимать эту программу за программу партии уже организованной, между тем как это была скорее программа издания, которое в будущем могло сделаться органом партии, если бы последняя организовалась и начала действовать в самой России. Дело выяснилось лишь в эпоху «хождения в народ», т.-е. летом 1873 г.

Стр. 98. Совершенно неправильно утверждение, что в журнале «Вперед» осуждалась политическая деятельность. Даже в № 1 статья «Счеты русского народа» прямо носит политический характер.

Стр. 107. Из выражений Туна можно было бы вывести, что все перечисленные им группы образовались одновременно, а не на почве первоначального движения «чайковцев». Это было бы неправильно, и сам Тун на это указывает ниже.

Стр. 240 — 241. Я принадлежал и принадлежу к организации, которая существовала и существует под именем «Красного Креста Народной Воли». Я не знаю ни об одном случае, чтобы деньги, собранные для этой цели (т.-е. для помощи сосланным в Сибирь, сидящим в тюрьмах и т. д.), были обращены на террористическую деятельность.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стран.
	Предисловие автора	3
	Лев Дейч. Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном	6
	Г. Плеханов. Предисловие к русскому изданию	20
I.	Взгляд на революционное движение до 1863 года	68
II.	Затишье в революционном движении (1863 г. — 1872 г.)	82
III.	Литература социалистической пропаганды	93
IV.	Практика и результаты пропаганды (1872 — 1875)	104
V.	Революционная агитация (1875 — 1877)	126
VI.	Переход к террору (1878 и 1879)	148
VII.	Террор (с 1879 года)	173
VIII.	Партия черного передела	194
IX.	Биографии и внутренняя организация	208
Приложение I.	*Г. Плеханов.* О социальной демократии в России	243
Приложение II.	Некоторые примечания П. Л. Лаврова к польскому изданию А. Туна	270

